

Б. В. Казанский

Приключения слов

Издание второе

Авалонъ
Азбука-классика

Санкт-Петербург
2008

Оглавление

Не стоит обижаться за наш язык

Глава 1. СЛОВА И ВЕЩИ

- Почему и каким образом
- В поисках родственников
- Слова-иностранцы

Глава 2. СЛОВА-ПЕРЕКРЕЩЕНЦЫ

- Осмысление
- Деньги
- Прошлые «прохвоста»
- Родословная шахматной королевы

Глава 3. СЛОВА-ОШИБКИ

- Искаленные слова
- Фокус
- По ошибке.
- Адамово яблоко

Глава 4. МНИМЫЕ ИНОСТРАНЦЫ

- Иностранец Василий Федоров
- Не помнящий родства

Глава 5. СЛОВА-ИМЕНА

- Слова-фамилии
- Твердолобый капитан
- Откуда взялся «царь»
- Что такое «король»
- Карьера святого Фиакра
- Географические слова

Глава 6. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ

- Библейские образы
- История одного термина
- Лазарет
- Античная мифология
- Сирена

Глава 7. РОДОСЛОВНАЯ «ГОЛОВЫ»

Глава 8. ОБРУСЕВШИЕ ИНОСТРАНЦЫ

- Изба
- Доска
- Товарищ

Глава 9. НЕСКОЛЬКО ТЕРМИНОВ

- Атлас
- Фауна и флора
- Рак
- Цифра
- Инициатива
- Икс
- Нигилист

Глава 10. СТРАННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

- Алкоголь
- Альманах
- Марципан
- Рикошет – Азарт
- Происхождение «бандита»
- Дебош

НЕ СТОИТ ОБИЖАТЬСЯ ЗА НАШ ЯЗЫК

Первое издание этой книги состоялось в 1931 году. Имеет ли это значение? Имеет. Мы обнаруживаем, что по прошествии многих лет нам интересны темы, которые обсуждает автор, и нас привлекает манера, в которой эти темы излагаются, – это рассказ, доступный пониманию нормального читателя, это стиль, не замусоренный новомодными словечками-терминами, которые вроде как поднимают обсуждение языковых вопросов на серьезный научный уровень: современные филологи как будто отгораживаются от тех, кто не посвящен в «проблемы лингвистики». Им не приходит в голову, что они сильно отгородились и от изучаемого предмета, а именно от русского языка.

Борис Васильевич Казанский рассказывает нам, что когда-то краской называли только красный краситель, а теперь слово *краска* используется по отношению к любому красящему веществу, хоть синему, хоть черному или белому. А чернила были только черными: на это указывает сам корень слова. Мы и сами могли бы догадаться об этом, но как-то не догадывались. Точнее, в большинстве своем, мы просто не задумываемся, как появились слова, как они развивались, как менялось подчас их значение, почему одни слова ушли из языка, а другие вошли в него...

Кстати, о том, что входит, точнее, врывается: на наших глазах английский *офис* активно вытесняет и в каких-то случаях полностью вытеснил русскую *контору*. А почему? Чем наша *контора* хуже? И для чего вводить иноязычные *салон, маркет, бутик*, когда есть русские *магазин* и *базар*? Дошло то того, что в программе телепередач только кириллица убеждает нас, что мы в России, а далее – засилье иностранных словес: *ток-шоу, дог-шоу, триллер, реалити шоу, хит-парад*...

Может быть, нам перейти на латиницу?

Трезвые головы охлаждают наш патриотический жар: не надо драматизировать, и не надо преувеличивать: в той же телепрограмме все-таки преобладает русский язык.

А люди знающие подскажут: *контора, магазин* и *базар* тоже не коренные русские слова, они в свое время были заимствованы из других языков.

Но разве это нормально? – все же хочется возопить – когда в рекламе расхваливаются *леди-спид-стик* и *крим-фор-мен*! Куда уж дальше...

Стоит ли в связи с животрепещущей, злободневной и сиюминутной дискуссией сдувать пыль с книги, которая была написана семьдесят лет назад, когда в помине не было *офисов* и особенно *леди-спид-стиков*, и когда любое высказывание делалось с оглядкой на строжайшую сталинскую цензуру? Автор однозначно должен был ратовать за чистоту исконного русского языка и клеймить любую иностранщину...

Но послушаем, что пишет автор – в том самом «сталинском» 1931 году:

«Русский язык на две трети полон заимствований, да и из оставшейся трети значительная часть слов не имеет прав на русское происхождение».

Мы можем обидеться: нас хотят лишить родных исконно-посконных корней... Но языковед Казанский считает, что обижаться не следует:

«И немецкий, и французский, и английский языки столь же пестры по составу своего словаря. И в этом нет ровно ничего обидного для самолюбия».

В своих рассуждениях автор опирается на античную и русскую литературу, фольклор и библию, не считая нужным обезопасить себя цитатами из классиков ленинизма-сталинизма, он позволяет себе назвать коммунистическую революцию октябрьским переворотом... Но для нас сейчас важна не политическая смелость автора, а то, что он интересный писатель и рассказчик, который обращается не к узкому кругу

«специалистов», а ко всем нам – людям, говорящим на русском языке.

В первом издании все иностранные слова написаны русскими буквами, и мы взяли на себя смелость воспроизвести большинство из них в оригинале. Кроме этого, даны сноски с нашими пояснениями, ссылками и замечаниями.

К. Васильев

ГЛАВА 1

СЛОВА И ВЕЩИ

Почему и каким образом

Почему вещи называются так, а не как-нибудь иначе? Этот вопрос не сразу приходит в голову. А если и придет, то не всякий на него ответит. Как-то в Швейцарии устроили опрос детей одного детского сада именно для того, чтобы выяснить, как они понимают, что такое слова.

– Откуда взялось название солнца? – спрашивали детей.

– Солнце сделало само себе название и называется так, – отвечает мальчик семи лет.

– Бог сделал это название, когда сделал солнце. Чтобы люди знали, что это такое, – говорит девочка того же возраста.

– Солнце было названо солнцем одним человеком, а потом уже каждый знал, – говорит мальчик постарше. – Это был ученый.

– Как же люди узнали название солнца?

– Потому что увидели его, – сказал мальчик.

– Потому что Бог сказал Ною, а тот сказал уже всем, – было мнение одной девочки.

– Потому что солнце на небе, потому что оно светит, круглое, и желтое, и теплое. И тогда люди сказали, что это солнце, и это было солнце, – сказал старший мальчик.

– А если бы солнце называлось **луной**, а луна **солнцем**, была бы разница?

– Это невозможно! – воскликнул мальчик. – Потому что луна должна быть луной, а не солнцем, а солнце – солнцем.

– Бог пожалуй мог бы это сделать, – неуверенно сказала девочка. – Но это было бы неправильно, потому что это разные вещи. Солнце греет, а луна только светит, и притом ночью, а не днем.

– Это нельзя, – возразил мальчик постарше. – Люди назвали солнце самым подходящим словом. Это слово яркое, сильное, веселое, а слово **луна** – бледное, тихое.

Из этих и других мнений, подобных тем, которые высказали дети при опросе, видно, что для детей до 9-10 лет слово и предмет, который оно

обозначает, так тесно связаны, что, когда дети говорят о словах, они на самом деле говорят больше о самих предметах. Только детей постарше, и то не сразу, удавалось наконец убедить, что не слово **солнце** желтое, яркое и горячее, а само солнце.

Наши дети конечно развитее в этом отношении, потому что им не забивали головы рассказами о том, что все вокруг создано Богом. Бог не стоит между ними и миром как хозяин мастерской, из которой они получают все вещи готовыми. Но и для них трудно ответить на вопрос, почему вещи называются так, а не как-нибудь иначе. Потому что для этого надо знать, каким образом и откуда появилась вещь, для чего была первоначально сделана и какое имела дальнейшее применение. А для этого надо быть очень знающим человеком. Догадаться самому можно только в самых простых случаях.

Качалка называется так, потому что в ней можно качаться, **свечка** – потому что она светит, а **крыша** – потому что она покрывает здание. Но уже труднее догадаться, что **узел** происходит от глагола **вязать**, **венок** от **вить**, **масло** от **мазать**.

И потом одной догадки мало. Нужно еще объяснить, почему. Мы знаем, что узлы вяжутся и венки вьются. Но со словом **масло** дело обстоит сложнее. Почему масло в сущности, то есть первоначально, значит мазь? Потому что его изначально намазывали на хлеб, чтобы сделать бутерброд? Да, если бы слово **масло** создавалось теперь, то мы могли бы думать: масло получило свой смысл от намазывания бутербродов. Но это слово создавалось очень давно, несколько сотен лет тому назад, когда не только бутербродов не делали, но и вообще масла не ели.

Напротив, масло применялось тогда для цели, которая теперь нам не приходит в голову. Подобно многим древним и примитивным народностям пастушеской культуры, древние славяне имели обыкновение натирать маслом тело; до сих пор натираются жиром эскимосы, самоеды, негры; древние греки и римляне натирались растительными маслами. Отчасти это заменяло славянам употребление мыла, которого они не знали, отчасти служило смягчению кожи, предохраняло от зноя и холода, а также от вшей и блох. Только зная эти условия жизни наших предков, можно с уверенностью выводиться **масло** из **мазать** и по-настоящему понять, почему это случилось.

Даже названия современных нам вещей, вещей, которые мы употребляем сами ежедневно, иногда нам совершенно непонятны, если мы не знаем их истории. Мы пишем пером. Но почему металлическая штучка, которой мы для этого пользуемся, называется **пером**? И почему карманный складной ножик называется **перочинным**? Нам очень трудно до этого додуматься, потому что перья, которыми мы пишем, очень мало похожи на птичьи. Но мы знаем, что металлические перья изобретены сравнительно недавно, а до того люди писали действительно настоящими гусиными перьями. Перо держали трубочкой вниз, и трубочку срезали наискось, а получившееся таким образом острие расщепляли. Когда оно от долгого употребления расслаблялось или стиралось, как это происходит, в конце

концов, и с металлическими перьями, его можно было починить, срезая кончик ножом, снова заостря трубочку. Подобным же образом и тем же перочинным ножом стали «чинить» и карандаши, когда они появились, хотя в этом случае уже срезали деревянную оболочку, чтобы удлинить стершийся грифель.

Металлическое перо похоже только на отрезанный конец трубочки гусиного пера, и то разрезанного вдоль, разделенного на две половинки. Но слово **перо** перешло на новую вещь, потому что уже давно стало означать не только птичье перо, и в частности гусиное, но и приспособление для писания чернилами. Поэтому, хотя гусиное перо и вышло из употребления, слово **перо** осталось за новой вещью, служившей той же цели. Подобным же образом мы говорим **стрелять**, уж вовсе не думая о стрелах; чернила для нас не обязательно черные; нам не странно, что краска может быть любого цвета, не обязательно красная.

В поисках родственников

В случае со словами **стрелять**, **чернила** и **краска** нетрудно установить прежнее, уже потерянное значение: у нас имеются родственные слова этого прежнего смысла – **стрела**, **черный**, **красный**, и нам известно, что до изобретения ружья в Европе применялись, а у дикарей еще и до сих пор применяются, луки и самострелы. Но часто слово не имеет таких близких родственников, и приходится искать более далеких. Например, такое простое слово, как **кляча**, не имеет родства в русском языке, и только в других славянских языках можно найти ему объяснение. Там, оказывается, сохранились «родственники» этого слова – глаголы, имеющие значение **валиться с ног, быть расслабленным, иметь трясущиеся ноги, падать на колени**.

Иногда слово имеет родственников в русском же языке, но значения их так далеко разошлись, что мы никак не умеем объяснить это родство и даже можем о нем не догадываться. Так, единственным родственником **ужина** во всех славянских языках может быть только **юг**. Но объяснить это родство способен только тот, кто знает старинные и областные народные выражения, из которых можно отгадать, что за связь существовала когда-то между понятиями **ужин** и **юг**.

Человек, стоявший намного ближе к природе, чем современный горожанин, хорошо знал, что, когда солнце стоит выше всего, оно прошло половину своего пути по небесному своду. Это – полдень. Но это и половина рабочего дня для земледельца, работавшего от восхода до захода солнца, следовательно, пора заслуженного отдыха и обеда. Еще и до сих пор эта еда в середине дня называется в некоторых областях **полдник**. Вот мы уже ближе к **ужину** – ведь в городе часто обедают в тот самый час, когда в деревне ужинают.

Сельский житель знал также, что солнце в полдень стоит в южной стороне неба. Отсюда старинное **полуденный** в смысле **южный**. Вот второе

звено, которого не доставало. Вся цепь значений будет: **юг, полдень, обед, ужин**. Такое же развитие значений имеется и в других языках: например, теми же словами означаются в немецком **обед** и **полдень** – **Mittag**, во французском **полдень** и **юг** – **midi**. Это – пережитки эпохи, когда вся культура коренилась в сельском хозяйстве, и когда весь уклад жизни определялся жизнью природы. Тогда солнце было для земледелия тем, чем является паровой двигатель для фабрики или банк для торговли.

Иногда обращение к другим славянским языкам не помогает, и приходится для объяснения слова искать его более отдаленных родственников в более далеких языках. Примером подобного рода может служить глагол **целовать**. Пожалуй, можно еще как-то сообразить, что **целовать** родственно словам **целый** и **целить**, но какой толк от этой догадки, если не уметь объяснить это родство? Связь понятий **целый** и **целить** еще не так трудно понять. Мы и теперь говорим: **цел и невредим**. **Исцелить**, стало быть, означало первоначально **возвратить «цельность»** человеку, получившему рану, потерявшему от ранения или болезни способность двигаться или действовать, – поправить, «починить» человека.

Но как отсюда перейти к **поцелую**? Промежуточное, связующее звено, которое могло бы объяснить переход значений, утрачено теперь во всех славянских языках. Но если порыться в книгах, то окажется, что в староболгарском языке **целовати** означало **приветствовать**. Это и есть недостающее звено. Почему от понятия **целый** произошло **приветствовать**? Потому что здоровье – это своего рода «целость» человека, а приветствие до сих пор гласит у нас **Будь здоров, Здравствуйте**; в старину говорили еще **Желаю здравствовать**, а в войсках – **Здравия желаю**. А поцелуй представляет форму приветия. По старому русскому обычаю при встрече «здоровались» троекратным целованьем. В германских языках имеется такой же ряд родственных слов в значении **целый, здоровый, здравствуй** и **да здравствует, приветствовать**. Так, в английском **hail** (приветствие, приветствовать) связано с **whole** (целый, цельный).

Вероятно даже, что этот тип приветствия заимствован славянами от германцев, как и обычай пить «за здоровье», «во здравие» человека в знак почтения или дружбы перешел к нам от германских пиршественных обычаев или обрядов для приема гостя.

Понятие «целования» отсутствует в этом германском ряду слов, родственных нашему **целый**. Это не значит, конечно, что германцы не умели целоваться. Но это значит, что у них поцелуй не был частью обрядового приветствия, как у славян. Почему бы так? Потому что обычай здороваться целованием распространился среди славян вместе с греческим православием, и когда славяне принимали православие и в том числе этот обычай, германцы уже давно потеряли связь с греческим христианством и подпали под влияние римско-католической церкви, которая ограничила употребление христианского поцелуя, оставив его только для духовенства.

А ведь слово **целовать** как будто такое простое, такое понятное всем! Однако, объяснить, почему оно имеет такой смысл, оказалось делом очень

хитрым.

Не зная исторической обстановки, в которой слово создано или приобрело новое значение, не умея разобраться в законах словообразования и в родственных связях слова, трудно понять, почему данная вещь называется так, а не как-нибудь иначе. Чистая догадка здесь не годится, с ней почти всегда попадешь впросак. Кто-нибудь, например, догадается, что **гусеница** происходит от слова **гусь**, и ошибется. **Гусеница** происходит от слова **ус**. Но чтобы это понять, надо, во-первых, вспомнить, что многие виды гусениц покрыты волосками, а некоторые имеют и усики. Во-вторых, начальный звук **г** в слове **гусеница** – случайный: это доказывает украинская форма этого слова – **вусеница**.

Или кто-нибудь сообразит, что старинный глагол **лобызать, лобзать** – что значит **целовать** – происходит от слова **лоб**. Тут как будто кажется даже, что этот переход легко объясняется. Целовали первоначально, может быть, только в лоб, а не в губы. И это опять будет неверно. Родственные германские, латинские, армянские слова доказывают очень убедительно, что первоначальное значение слова **лобзать** было близко к **лизать**. От того же корня происходит немецкое слово, означающее **ложка**, латинское, означающее **губы**, германские, означающие **лизать, лакать** и проч.

Или опять же кто-нибудь решит, что **орудие** и **оружие** представляют одно и то же слово. И в самом деле, ведь оружие является только видом орудия – орудием для нападения и защиты. И, с другой стороны, артиллерийское орудие представляет несомненно вид оружия. Наконец, и по форме эти слова очень близки: **оружие** стоит в таком же отношении к **орудию**, как **сооружать** к **соорудить**. Как будто все так хорошо сходится и так понятно, что не требует дальнейших разъяснений!

Однако, все эти доказательства – мнимые, и все эти соображения совершенно не верны. **Оружие** и **орудие** – совершенно различные, вовсе не родственные между собой слова, и по своему первоначальному смыслу они стояли чрезвычайно далеко друг от друга. Теперешняя близость их по значению и форме создалась случайно или, вернее, исторически, под влиянием обстановки, в которой они употреблялись. **Оружие** – чисто русское слово и, как это ни кажется неожиданным, происходит от того же корня, что и глагол **ругать**. Но вспомним, что и слово **брань**, означающее в наши дни именно **ругань**, в старину значило не что иное, как **бой, сражение**. Того же корня слова **борьба, борец, оборона**. А чешское **брань** и польское **бронь** означают как раз **оружие**. Действительно, переход значения от **сражения** к **ссоре** и **ругани** – переход, вполне понятный. **Оружие** первоначально должно было, следовательно, означать **нападение, нападки**. В этом значении оно и встретилось со словом **орудие**, которое, в свою очередь, первоначально вовсе не имело теперешнего значения.

Слово **орудие** очень древнее, оно имеется во всех славянских языках, и все же оказывается, что это слово не славянское, а заимствованное из германского **арунти** (arunti), значение которого было **посольство, поручение*** (*Сравните современное английское **errand** (поручение, задание) из

древнеанглийского **aerende**. (Прим. ред.)). **Орудие** сохранило первоначальный смысл, близкий к **посольству**, в чешском и польском языках, где оно означает **посредничество** и **извещение**. Этот переход понятен. В древнерусском языке **орудие** получило значение **дело, предприятие**, в украинском – **работа, хлопоты**. Этот переход от **поручения** тоже довольно ясен: поручение состоит в выполнении какой-то надобности в каком-нибудь деле. В таком смысле употребляет это слово старинный летописец: «Иде князь Всеволод в Смоленск своим орудием», то есть по своей надобности, по своему делу. «Княже! Есть у меня к тебе орудие велико», то есть имеется серьезное дело. «А орудие судить посаднику месяц, а дале того им орудия не волочить», то есть надо решить дело без проволочек.

Понятия **дело** и **работа** также очень близки к **поручению**. Это видно, например, из выражения старинного договора: «Ежели господин отошлет его на свое орудье» и т. д. Отсюда **орудовать**, в старину означавшее **ходатайствовать**: оно и теперь еще означает **действовать, распоряжаться делом, соорудить** в смысле **устроить, организовать**, от него образовано **сооружение** – в смысле **строение, постройка**. Отсюда, наконец, **орудие** в смысле **пушка**. Любопытно, что подобный же переход значения произошел в польском и чешском языках, но в обратном направлении; здесь таким же путем слово **дело** получило значение **артиллерийское орудие**: сравним польские **dzielо** (дело) и **dzialо** (орудие, пушка).

Дальнейшее развитие смысла не представляет затруднений. Свой теперешний смысл **средство, инструмент** слово **орудие** получило от глагола **орудовать**, когда в прежнем смысле **дела** оно было замещено словом **дело**. Подобное же образование представляет и латинское слово **инструмент**, которое имело значения **устройство, оборудование, обстановка, инвентарь**, а затем уже **орудие**. Может быть, **орудие** отчасти обязано этим переходом значения **оружию**, которое с ним к этому времени сблизилось. Но, со своей стороны, слово **оружие**, означавшее первоначально **нападки, оскорбление, глумление**, получило свое теперешнее значение под влиянием слова **орудие**. Промежуточным значением было **средство враждебного действия, нападения**. Таким образом, история этих слов представляет такой случай, когда два слова, совершенно различные по своему происхождению и первоначальному значению, но похожие по форме, встречаются в более или менее близком словоупотреблении и благодаря этому настолько сближаются и связываются друг с другом, что под взаимным влиянием друг на друга получают совершенно новый смысл, чрезвычайно далекий от первоначального и основного.

Слова-иностранны

В случаях, подобных **орудию**, легко попасть впросак, потому что мы здесь имеем дело с заимствованием, со словом другого языка, которое никак нельзя объяснить из русских сопоставлений. Но этот пример показывает, что очень часто нам трудно распознать заимствованное слово от родного.

Заимствования более или менее недавнего времени еще ощущаются как иностранные слова, и это ощущение, пожалуй, не обманет нас даже в тех случаях, когда слово получает очень широкое распространение, усваивается буквально всеми слоями населения, как например, **картофель, табак, солдат, машина, анафема, марш**. Но только специальные знания дают нам возможность узнать, что заимствованиями являются многие старинные слова, совершенно обруселые и глубоко вошедшие в состав русского языка; к ним относятся, например, **хлеб, ситец, хозяин, крестьянин, хата, долг, бумага, изьян, болван, махровый, бутылка, топор, книга, серьга, пуговица, сирень**. Между тем эти старинные заимствования представляют как раз наибольший исторический интерес, потому что освещают эпоху русской культуры, о которой сохранилось недостаточно или вовсе не сохранилось никаких сведений. Оказывается, что нерусскими являются почти все названия домашних животных: **собака, пес, лошадь, конь, осел, коза, кот, вол и баран**; названия овощей: **капуста, брюква, лук, морковь, редька, огурец, свекла, тыква**, а также **хмель, мак, конопля, гречиха** и самое слово **овощ**; названия плодовых деревьев: **груша, вишня, черешня**; таких простых предметов домашнего обихода, как **миска, кадка, стакан, лохань, плошка, кочерга, корзина, куль**; таких, казалось бы, чисто русских, вполне народных частей костюма, как **шуба, зипун, кафтан, армяк, юбка, блуза, сорочка, шапка, картуз, лента, сапог, башмак**; и даже слова, выражающие такие понятия, как **куций, дума, грубиян, кочевать, муровать, пай, пеня, пара, потрафить, скарб, сорок, смаковать**.

История подобных заимствований является вместе с тем историей культурных связей русского народа в круговороте веков. Как будто на международной выставке, эти слова служат экспонатами вещей и идей, полученных от того или другого соседнего народа в ту или другую эпоху.

Вот греческий павильон: его витрины говорят определенно о церковном и книжном влиянии, но здесь же и старинные ткани и костюмы, и домашняя утварь, и ряд других полезных вещей: **корабль, парус, полотно; мак, свекла, огурец, гречиха; кровать, фонарь, тетрадь, лента, баня, полати, плита** и пр.

Вот германский отдел, он также обширен. И здесь ряд важнейших христианских понятий, таких, как **церковь, пост, говеть**. Значит, еще до того, как Русь непосредственно подчинилась греческой церкви, ее влияние на русский язык уже сказалось значительно через германцев, принявших христианство ранее. Затем идет ряд культурных слов, среди которых **изба, комната, хлев, башня, пушка, доска, плуг, пила, дышло, кухня, бочка, кастрюля, котёл, винт, кружка, крюк**. Далее ремесленные и профессиональные понятия: **купец, маляр, слесарь, кустарь, лудить, клеймо, клепать, художник, рисовать, конопатить, муровать**; наконец несколько социальных и отвлеченных понятий: **владеть, князь, витязь, лесть, ябеда, ликовать, поганый, долг, лихва, тюрьма**.

Вот наконец восточный павильон, наглядно показывающий, как много

мы обязаны, например, так называемому татарскому игу, которое оставило в русском языке след в виде таких слов, как **деньги, таможня, ямская почта, очаг, кирпич, сарай, хутор, колчан, кобура, армяк, кушак, карман, кайма, бахрома, тесьма, бакалея, бадья, башмак, башлык**. Наряду с этим ряд слов заимствован нами непосредственно из персидского, турецкого, китайского языков.

Чем дальше движется история, тем шире и разнообразнее становятся сношения, и теперь в русском языке имеются представители не только всех европейских языков, но и всех азиатских и даже некоторые африканские, индейские и австралийские заимствования.

Подробный обзор подобной выставки показал бы очень картинно, чем русская культура обязана каждому из своих соседей, и какие эпохи влияния и общения она переживала. С другой стороны, обозрение подобной «выставки» заимствованных слов полезно еще и для того, чтобы усвоить правильный взгляд на так называемую «национальную культуру». Можно находить поэзию в русской избе или украинской хате, любоваться старинным кокошником или сарафаном, но нельзя видеть в подобных вещах неотъемлемые элементы особой «русской культуры», каких-то проявлений особого «русского духа». Русская культура была очень различной в разные эпохи истории, но состав ее всегда был сложным, собранным из разнороднейших элементов, заимствованных с востока и запада. «Чистой» по своему происхождению культуры еще не найдено нигде, ни на какой ступени развития. Это не значит, конечно, что культура – чисто механическая смесь; культура является некоторым единством, которое подчиняет усвоенные элементы общему пониманию, характеру, стилю данной области, эпохи, общественной группы, хотя это единство никогда не бывает полным и сплошным. Язык ведь также своего рода культура, и однако, несмотря на огромное множество заимствованных слов, русский язык остается все же русским. Но цепляться за те или другие элементы культуры или формы языка, считая их какими-то особенно или истинно русскими, не имеет никаких оснований по существу.

Русский язык на две трети полон заимствований, да и из остающейся трети значительная часть слов не имеет прав на русское происхождение, хотя нельзя установить их заимствования. Но и немецкий, и французский, и английский языки столь же пестры по составу своего словаря. И в этом нет ровно ничего обидного для самолюбия. Заимствования неизбежны с развитием культуры, с усвоением новых вещей. До открытия Америки у нас просто не могло быть таких понятий, как **картофель, табак, хина, ананас, томат, маис, какао, шоколад**, мы не могли знать, что такое аллигатор, кондор, ягуар, пума, а также томагавк, вигвам, гамак, каучук и мокасины.

Конечно не всегда новая вещь приходит с собственным именем. Например, слово **картофель** – не индейское, а немецкое и представляет собой искажение итальянского слова, означающего маленький трюфель: трюфель – это гриб, который почти не показывается на поверхности почвы, так что для отыскивания его применяют специально обученных собак,

которые находят его по нюху. А французы создали собственное название для картофеля, которое буквально означает **земляное яблоко: pomme de terre**, где **pomme** – **яблоко**, а **terre** – **земля**. Но разве это дает какое-нибудь преимущество итальянскому и французскому языкам перед английским, в котором картофель называется **potato**, что является прямым заимствованием из индейского **батат**? Сходство картофеля с трюфелем или яблоком чисто внешнее и очень мало осмысляет вещь; напротив, оно скорее способно привести к недоразумению, внушить ложное представление о предмете. Между тем, хотя английский обыватель и не знает собственного смысла слова **батат**, он сознает его иностранное происхождение, и это служит слову **potato** как бы фабричным клеймом или таможенным знаком, отмечающим, что вещь когда-то была ввезена из-за границы. Кроме того, это американское слово все же хранит в себе какой-то основной смысл, который объясняет, как оно было создано. Для пользования же это безразлично. Ведь и телефоном мы умеем пользоваться, хотя, может быть, и не знаем точно, как он устроен.

По существу разница между заимствованными и собственными словами совсем не так велика, как может казаться. Если бы мы не знали германского слова, от которого произошло наше **орудие**, мы вероятно считали бы **орудие** исконно русским. Зная это германское слово, мы получаем возможность проследить историю нашего слова на один шаг назад. Но дальше мы все равно не можем подвинуться, так что в конце концов первоначальный смысл **орудия** все равно остается для нас загадкой. Таково огромное большинство слов. История слов всегда кончается слишком рано, далеко не доходя до начальных ступеней. А доистория языка, которой занимается особая область языкознания – яфетидология, основанная на идеях академика Н. Я. Марра, еще мало разработана.

В сущности история любого слова должна быть одинаково интересной, потому что каждое слово рано или поздно меняет свой смысл под влиянием новых условий, каждое слово является членом большой семьи и имеет свою родословную, каждое восходит в конце концов к древнейшим, первоначальным основам языка. Среди них нет ни аристократов, ни любимцев судьбы, – все они имеют свои странствия и приключения. Нужно только уметь их проследить и понять во всей полноте их действительного значения в жизни людей. Но в том-то и дело, что мы не всегда это умеем делать. В огромном большинстве случаев нам неизвестна или недостаточно ясна историческая обстановка жизни слова или отсутствуют родственные и предшествующие формы; почти всегда невозможно довести историю слова достаточно далеко. И как раз так называемые «чисто русские» слова представляют в этом отношении наибольшие трудности. Заимствования и иностранные слова – более благодарный материал, потому что при переходе из языка в язык, из страны в страну они яснее обнаруживают изменения, позволяют проследить их на более длинном пути, развертывают более широкую, более разнообразную панораму.

Вот почему главными героями этой книжки являются именно заимствованные – давно или недавно, с востока или запада – иностранные

слова.

ГЛАВА 2

СЛОВА-ПЕРЕКРЕЩЕНЦЫ

Осмысление

В ряде случаев обнаружение иностранного слова затрудняется тем, что оно принимает русское обличье. Это происходит нередко вследствие того, что непонятное слово осмысляется по созвучию с русским. Некоторые слои русского населения любят такие переосмысления. Иногда это происходит в порядке шутки, каламбура, в особенности с иностранными фамилиями. Так, известный генерал Барклай де Толли, командовавший русскими войсками при наступлении Наполеона на Москву в 1812 г., был прозван **Болтай да и только** в связи с недовольством его тактикой отступления и уклонения от решительного боя. Другой генерал, Бреверн де ла Гарди, был прозван **Бревно для гвардии**, Гельденштубе переименован в **Дылду в шубе**. Перековерканная фамилия Тизенгаузена встречается у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Барона Синегузена
Дворовый человек.

Подобным образом **рекрут** превратилось в **некрута**, **сержант** в **сражанта**, **палисад** в **полусад**, **пиджак** в **спинжак**, **фисташка** в **свисташка**, **Стокгольм** в **Стекольный**, **дезабиле** в **безбелье**, а **катастрофа** в **костовстреха**. Чем же не русские слова **полусад**, **свисташка**, **безбелье**?

А **облава**? Кажется очевидным, что слово образовано от глагола **ловить**. А между тем это просто осмысленное по-русски немецкое слово **аблауф** (Ablauf), означающее **загон**, буквально **вбегание**, произведенное от **лауфен**: немецкое **laufen** переводится **бежать**. Таким же образом **колодезь** вовсе не русское слово, образованное от **колода**: колоды составляют обшивку и сруб ямы, – а только осмыслено в этом значении. На самом деле это немецкое слово, которое означает ключевую, буквально, холодную воду: от **kalt** (холодный).

Таким же удачным осмыслением, которым русский язык обязан кухаркам, является **противень** – название общеизвестного кухонного приспособления, а именно железного листа, который вставляется в духовку и служит для выпекания на нем пирогов. В действительности это название представляет немецкое слово **братпфанне** (Bratpfanne), что значит буквально **сковорода для жаренья** – от глагола **braten** (жарить).

Столярам и плотникам мы обязаны созданием слов **рубанок** – как будто от **рубить**, **струбцинка** – под влиянием **раструб**, **напильник** – потому

что этот инструмент служит и для точки пил. Все это – немецкие слова, заимствованные от немецких ремесленников: **шраубцвинге** означает **винтовой зажим, надфиль – тонкая пила**, буквально – **игла-пила**.

Матросы создали свое знаменитое **есть**, которым до сих пор во флоте отвечают на распоряжение начальника. В армии отвечают в этом случае **слушаю**, означающее здесь, конечно, **слушаюсь, принимаю к исполнению**. Морское словечко звучит энергичнее и короче; это большое преимущество в военном деле, где ясность и краткость необходимы. **Есть** как будто означает **готово, сделано**, а отсюда **усвоено, принято к сведению**. Но на самом деле **есть** – вовсе не форма глагола **быть** и вообще не русское слово, а английское **Yes, sir**, означающее **Да, сударь**: такой ответ дается в Англии начальнику, хозяину, учителю.

Мы употребляем теперь слово **дымка** в смысле **легкий туман, неясность**, при которой очертания скрываются, сливаются. Так, говорится **в утренней дымке, горизонт был окутан дымкой**, в переносном смысле какой-либо человек может представлять все вокруг **в розовой дымке**. Мы невольно включаем в это слово представление о легком дыме, дымке. Но это – только случайное сходство двух совершенно различных слов, поддержанное осмыслением, от которого трудно отказаться даже, когда знаешь, что это так. Теперешний смысл **дымки** – уже переносный, и этому сильно способствовало осмысление под влиянием русского **дым**. Первоначальное же значение этого слова у нас и в польском, из которого оно вошло в русский язык, было – легкая полупрозрачная шелковая материя. Может быть, потому так крепко связалось это слово с глаголом **окутывать, покрывать**. Сквозь тонкую материю все предметы представляются неясно, как в тумане.

Подобный же перенос значения произошел и с французским словом **флер** (fleur), означавшим первоначально темную полупрозрачную материю, которой окутывали предметы в комнате, где стоял гроб с покойником, а также и катафалк, а затем, в переносном смысле, который пережил основной, как и в слове **дымка**, – темный, траурный цвет, окрашивающий мысли и восприятия в минуты гнева и уныния.

Название же материи дымки восходит к турецкому **дыма** или **дими**, означавшему бумажную материю, род тюля, а **дими**, в свою очередь, происходило от греческого **димитос**, что значит буквально **двухнитный**: так называли материю, сотканную в две нити, то есть довольно тонкую и легкую.

Таким образом смысл этого слова, действительно, окутался «дымкой», из-за которой стало трудно его различить. Осмысление **дымом, дымком** так убедительно, кажется настолько естественным и подходящим, что никто не усомнился бы в происхождении **дымки** от **дыма**, если бы не наличие турецкого слова, восходящего к греческому.

В наши дни очень распространено выражение **примазаться** в смысле **втереться** (в партию, в организацию, в предприятие). Уже давно это слово означало **присоседиться, приобщиться, пристроиться**. Связь этого

выражения с глаголом **мазать** очевидна. Человек как бы подлипает к выгодному делу, вклеивается в круг нужных ему людей и притом исподволь, осторожно, стараясь не обратить на себя внимания, как будто подмазывая свое внедрение, чтобы не вызвать «трений». Влияние этих представлений на развитие смысла **примазаться** несомненно. И тем не менее это слово не имеет ничего общего с **мазать** и **мазь**.

Это выражение возникло в обиходе карточной азартной игры и первоначально означало **присоединиться** (к ставке другого игрока), **поставить** (дополнительную ставку на карту, выбранную другим), **делать надбавку** (к уже заявленной ставке). В свою очередь, это выражение образовалось от карточного термина **маз**, что означало **прибавка к ставке другого**. Этот прием имел большое применение в игре, потому что позволял делать ставку вне своей очереди. Нередко случалось, что человек проигрывал свою ставку в последней сдаче, так что терял уже всякую возможность отыгаться в этот круг. Между тем именно в этом последнем круге сумма банка является наиболее крупной благодаря накопившимся за все предыдущие сдачи проигранным ставкам. А новый круг начнет уже новую игру, опять с небольшой основной суммы, заложенной банкометом. Вот тут-то и можно было воспользоваться случаем и примазаться к ставке следующего игрока, к которому переходит очередь, если, конечно, этот игрок не делает сам ставки на всю сумму банка, не играет, как говорят, **по-банку**, или **ва-банк**.

С другой стороны игроки, как известно, очень суеверны, и часто случается, что они готовы поставить на карту другого, которому в эту игру везет или которого они вообще считают почему-нибудь счастливым в игре: например, человека, играющего в первый раз в жизни. И они ставят такую сумму, которую не решились бы поставить на свою собственную карту.

Держу столько-то мазу, объявлял в этих случаях игрок. Отсюда **примазаться** в смысле **присоединиться к ставке другого, присоседиться, пристроиться, втереться**. Самый же термин **маз** представляет не что иное, как французское **масс** (*masse*), что значит первоначально **куча**. Это же **masse** вошло в русский язык как **масса**.

Иногда осмысление обусловлено исключительно внешним, звуковым сходством. Примером подобного случая может служить шумовка – особая ложка, снабженная дырочками для снятия пены, накипи с варенья или супа. Никакого шума снятие пены не производит, так что здесь имело влияние только желание сделать непонятное иностранное слово во что бы то ни стало «русским», понятным. На самом деле **шумовка** представляет немецкое слово **шаумлöffel**, что значит буквально **пенная ложка** – от **Schaum** (пена, накипь) и **Löffel** (ложка). В данном случае осмысление с помощью русского **шум** сделано неудачно.

Полуосмыслениями являются также такие образования, как **гувернянька** вместо **гувернантка**, **буреметр** вместо **барометр**, **мелкоскоп** вместо **микроскоп**.

Деньги

Известно, что учителями нашими в области финансов были татары.

Деньги – татарское слово, как и **чекан**, и появились у нас только со времен так называемого татарского ига. До того торговля происходила обменом товаров на товары и по расценкам, установившимся длительной практикой. За быка давали столько-то овец, или столько-то кунных шкур, или чугунный котел такого-то веса, или столько-то фунтов медной монеты: монета была только иностранная – византийская или персидская. Понятно, что и названия отдельных видов монеты могли быть не русскими. И действительно, **рубль**, **копейка**, **полушка** оказываются не русскими словами, хотя нетрудно их объяснить и по-русски. **Рубль** производили от глагола **рубить**, объясняя это тем, что монету рубили из серебряных брусьев. Но рубли никогда таким образом не выделялись, а изготовлялись путем отливки. Между тем имеется арабское слово **руб**, означающее **четверть** – первоначально меру веса, около 30 фунтов, и так как татары заимствовали свою денежную систему, как и самое слово **деньги**, из Персии, принадлежавшей к составу арабской империи, и так как, с другой стороны, русский рубль первоначально составлял действительно четверть более крупной денежной единицы – гривны, то предположение, что **рубль** является словом, заимствованным через татарское посредство, представляется очень вероятным. Впрочем, возможно, что татарское слово, заимствованное нами в форме **рубль**, само восходит к индийскому **рупия**, означающему до сих пор крупнейшую серебряную монету Индии, буквально **чеканенное серебро** – то есть серебро, снабженное изображением или печатью. В таком случае мы имели бы пожалуй двойное заимствование этого слова: сначала в значении **четверть**, поскольку рубль составлял четвертую часть более крупной денежной единицы, а затем в смысле **крупная серебряная монета**.

Может показаться странным, что в старину рубль составлял четверть гривны, а теперь гривенником называется монета в 10 копеек. Но такие изменения в стоимости монеты, упрямо сохраняющей прежнее название, очень часты. Наше старое слово **алтын**, означавшее медную монету в 3 копейки, является татарским словом, означающим буквально **золото** и, следовательно, обозначавшим первоначально золотую монету. Итальянское **сольдо** (soldo) и французское **су** (sou), означающие теперь мелкую медную монету, произошли от латинского **солидус** (solidus) – названия золотой монеты. Испанское **мараведи** (maravedi) теперь также – мелкая медная монета, но ее название произошло от арабского слова **morabiti**, означающего **золотой**. Наконец, польский злотый, чье название **zloty** буквально – **золотой**, был в середине XIX века серебряной монетой и стоил всего 15 копеек.

Кстати сказать, **гривна** первоначально означала **ожерелье**, **кольцо**, **браслет**: слово происходит, как и **грива**, от корня, смысл которого должен быть **шея**. Переход к значению монеты объясняется тем, что в старину, до чеканки монеты, для расплаты пользовались серебряными и золотыми

кольцами, которые отсчитывались по весу. Так было в старинной Исландии, где также слово, означающее **кольцо**, значило вместе с тем и **деньги**. То же самое было и в древней Британии: Юлий Цезарь сообщает в своих записках, что бритты пользовались в качестве денег железными кольцами, отсчитывая их на вес.

Таким образом, оказывается, что народное произношение **руб** или даже **рупь** в сущности вернее и ближе, чем литературное **рубль**, к основному – арабскому и индийскому – слову.

Еще любопытнее в этом отношении слово **копейка**. Оно обычно соединяется в нашем представлении с копьем, потому что на монете чеканился государственный герб, представленный в московской Руси не двуглавым орлом, как герб Российской империи, а изображением Георгия Победоносца, поражающего змея копьем.

Так понимали **копейку** уже в старину, когда существовало даже название **копейные деньги**. Новгородская летопись под 1535 г. сообщает: «А при великом князе Василии Ивановиче (отце Ивана Грозного) бысть знамя на деньгах: князь великий на коне, а имел меч в руке. А великий князь Иван Васильевич (Грозный) учини знамя на деньгах: князь великий на коне, а имел копьё в руке, и оттоле прозваша деньги копейные». И еще: «Заповедал (то есть запретил) князь великий деньгам ходить обрезанным, а велел новыми деньгами торговать, с копьем».

Около того же года записал и псковский летописец: «Тогда же резанные деньги перековаша да коваша копейки-деньги».

С другой стороны, копейка сопоставлялась со словами **копить** и **копа** в значении **копна**, в некоторых местах копейкой называли даже полтину, то есть 50 копеек.

Не и то и другое сопоставление является только осмыслением непонятого слова. В действительности **копейка** – татарское слово, означавшее татарскую монету, которая называлась так потому, что монеты знаменитого Тамерлана в качестве герба имели изображение льва, принятого татарами за собаку; татарское **копек** значит буквально **собака**.

Наконец, даже **полушка** оказывается таким мнимо русским словом, осмысленным в значении **половинка**. Дело в том, что **полушка** в старину означала монету стоимостью не в полкопейки, а в четверть копейки, и называлась она первоначально не **полушка**, а **пул**; в болгарском то же **пул** имеет значение **бляха, мелкая медная монета**. Таким образом **полушка** представляет только осмысление непонятого слова. На самом же деле это слово восходит к турецкому **пул** в значении **мелкая монета, бляха**; турецкое заимствовано из греческого **фоллис**, что значит **монета***. (*М. Фасмер пишет в «Этимологическом словаре» по поводу полушки: «ошибочно произведение из древнерусского **пуль** (мелкая медная монета), которое восходит к турецкому **pul** от греческого **φολλίζ** (Прим. ред.).

Прошлое «прохвоста»

Любопытным осмыслением является также слово **прохвост**. Присутствие

хвоста в этом слове, конечно, нелестно, но смысла не получается никакого. Почему же это слово употребляется в качестве ругательства и притом не шутливого характера, а всерьез? Это, кажется, у Лейкина** (**Лейкин Николай Александрович (1841 - 1906), писатель-юморист, издатель журнала «Осколки». (Прим. ред.)) есть такой анекдот:

«Сидят два купца в трактире, чай распивают. Один, помоложе который, уже получил некоторые светские замашки, учит другого шарадам и для примера задает ему следующую:

– Первое – это предлог, второе – это то, чего у тебя, дядя Наум, нету, а целое – это ты сам.

Тот думал, думал и вдруг рассердился.

– Ты что же это меня оскорбить хочешь, ругаться? Так я же тебя знать после этого не хочу!

Другой божится, что и в мыслях у него не было ничего такого.

– Как же? – говорит тот. – Разве я не понимаю? Предлог – это **про**, а то, чего у меня нету, – это **хвост**. А в целом – это значит я выхожу у тебя прохвост!

– Да нет же, – уговаривает другой. – Это ты совсем неверно шараду разгадал. Предлог – это будет **на**, а то, чего у тебя нет, это **ум**, а всего выходит твое имя: Наум Маркелыч.

– А! – успокоился тот. – Это другое дело. А я было подумал что ты меня обидеть хочешь. Ну, прости!»

Но чем же обидно название **прохвост**? Обида идет от заимствованного слова, лежащего в основе **прохвоста**. Это немецкое **профос**, означающее тюремного надзирателя или сторожа, унтер-офицера при караульне, где содержатся арестованные солдаты. В этом значении слово **Profoss** перешло в русский язык вместе с немецкими уставами, артикулами и муштрой XVIII века. Во флоте профос был чем-то вроде вахтера или помощника завхоза. Старинный морской устав так определял его обязанности: «Профосы должны следить за чистотой на корабле, дабы нигде никакого сору и нечистоты не было, а особливо, дабы люди для телесного испражнения ходили в указанное место, а в неуказанных местах отнюдь бы того не чинили». И в другом месте: «Профос бережет якорные веревки от помета и мочи человеческой». Но у профоса были и еще менее привлекательные обязанности: «Профос, – гласит тот же устав, – имеет инструменты, подлежащие показанию, и должен чинить наказание и казни по указу». А в словаре петровского времени значение слова **профос** определяется так: «Который солдат в железа кует и гное-опрятатель». Следовательно, профос был и исполнителем телесных наказаний и, видимо, уборщик кала – так мы понимаем это **гное-опрятатель*** (*Сравните французское **prevot**, одно из значений которого **тюремный надзиратель** (из числа заключенных); **ô** дает знать, что когда-то на его месте было **os: prevost**. Возможно, это французское слово пришло в немецкий через голландское **provoost**. (Прим. ред.)).

Должность эта не могла быть симпатичной в матросской и солдатской среде, потому что такой профос был в сущности свой брат-солдат, который

однако в этой должности часто забывал об этом и злоупотреблял своей властью над отданными в полное его распоряжение бывшими товарищами, чтобы проявить рвение в глазах начальства. Отсюда полупрезрительное, полувраждебное отношение, сохранившееся в слове **прохвост** до сих пор.

Родословная шахматной королевы

Шахматы – индийское изобретение. Но, как показывает их название, Европа получила их через посредство персов и арабов. **Шах** значит по-персидски **царь**, **мат** по-арабски – **умер**. Это выражение означало следовательно то, что теперь выражается словом мат. А наше **шах королю**, которое предупреждает противника о нападении на его короля, имеет буквально нелепый смысл, поскольку **шах** и **король** означают одно и то же.

Первоначально главной фигурой был король, а затем ладья, королева же ходила только на два поля вперед и назад по косой линии и только вперед по прямой и называлась она не королевой, а полководцем. Это и понятно. По восточному представлению женщина не могла выступать среди мужчин. Тем более ей не место на поле брани, каким является шахматная доска. На Востоке женщины, а в особенности царские жены, сидели взаперти в гаремах. К тому же у персов и арабов господствовало многоженство, и жена не имела никакой самостоятельности.

Как же и когда восточный **полководец** превратился в европейскую **королеву**? Это случилось не сразу. Европа заимствовала от арабов шахматы с полководцем, арабское название которого было **ферзь**, – название, сохранившееся до сих пор в серьезной русской шахматной терминологии в противоположность обывательской **королеве**. Настоящие шахматисты всегда говорят **ферзь**, **ладья**, **слон**, а не **королева**, **тура**, **офицер**.

В Западной Европе **ферзь** оказался в совершенно другой обстановке. Здесь женщина пользовалась большей свободой и значением, здесь трубадуры воспевали служение прекрасным дамам, а рыцари совершали подвиги в их честь, здесь культ Мадонны получил в католическом христианстве главенствующую роль. Наконец, мог повлиять образ девы-воительницы Жанны д'Арк, во главе с которой французы одержали ряд блистательных побед над английскими войсками, занявшими уже более половины страны, так что казалось, что Франции придется быть лишь областью английского государства.

История имела здесь поддержку в языке. Арабское **ферзь** похоже по звучанию на французское слово **вьерж** (vierge) со значением **дева**. Вследствие этого было довольно легко наряду с королем поставить во главе шахматного войска вместо полководца деву-воительницу. Следующий шаг в истории этого термина был сделан уже в Испании. Здесь также произошло переосмысление арабского выражения, ставшего непонятным. Как раз к этому времени произошла большая перемена в способностях этой шахматной фигуры, которая из почти слабейшей делается сильнейшей, так как получает право хода вперед и назад, по прямой и по косой линии от края

до края доски, как наш ферзь теперь. Эта новая шахматная игра получила у испанских арабов название **аш шитрандж ат тамм**, что значит полная, совершенная шахматная игра: **аш** – вариант определительной частицы **аль**, как в имени арабского халифа Гаруна-аль-Рашида, буквально Гаруна Храброго – он известен нам из сказок «Тысячи и одной ночи». **Шитрандж**, или, вернее, **шатрандж**, – искаженное индийское **чатуранга**, то есть **шахматы**; **ат** – другой вариант частицы **аль**, а **тамм** переводится как **полный, завершённый**.

Отсюда в испанском произношении **аш шитрандж ат тамм** превратилось в **ахедрес атама**. Первое слово **ajedrez** было усвоено испанцами в значении **шахматы** и казалось уже понятным. Но второе было новым. И вот, поскольку испанцы высоко ставили рыцарское служение даме сердца, и так как для них было вполне естественно поставить рядом с королем его даму, а может быть, здесь повлиял и французский термин **дева**, они осмыслили это непонятное для них новое арабское **тамм** как **дама, госпожа**. Таким образом арабская **совершенная шахматная игра** превратилась в испанское **ахедрес де ля дама** (*ajedrez de la dama*), что могло означать шахматную игру в дамы и шахматную игру дам. Этот термин в той же двусмысленной форме перешел и во французский и в немецкий языки, но уже не в значении шахматной игры, а смысле шашек, что и способствовало укреплению за ним понимания «дамской игры». Переход к шашкам понятен. Эта игра основана на одном из правил новых шахмат, согласно которому пешка, дошедшая до противоположного края доски, становится ферзем. Поэтому и шашка, дошедшая до края доски и получающая право ходить по всей диагонали вперед и назад, получила также название **дама**, а у нас **дамка**.

Наконец, состоялось превращение **девы** и **дамы** в **королеву** – спутницу, помощницу и защитницу уже существующего короля.

Эту новую шахматную игру мы заимствовали уже с Запада, вместе с терминами **король, королева, офицер, тура**. Но в терминах **ферзь** и **слон** русский язык, единственный в Европе, удержал старинные восточные наименования, давно утраченные на Западе, а в названии **ладья** он сохранил термин, которого не имеется даже в персидско-арабской игре и который известен только в некоторых видах индийских шахмат, так что, возможно, это название **ладья** Русь получила через посредство татар, из Индии.

Эта древнейшая индийская игра называлась **чатуранга**, что значит буквально **четырёх родов**: подразумевается оружие четырех видов, и это определение является поэтическим эпитетом к слову **армия**. Действительно, индийские шахматы являются наиболее выдержанной военной игрой. Четыре рода оружия, характерных для древней Индии, были: слоны, колесницы (или ладьи), конница и пехота. Уже в персидско-арабской игре эта цельность нарушается, потому что вместо колесницы, или ладьи, появляется фигура с названием **рук**: первоначально так называли гигантскую сказочную птицу. В Европе происходит дальнейшее обесмысление терминологии, хотя оно продиктовано желанием как-нибудь

осмыслить непонятные арабские названия. Помимо того что **ферзь** становится **девой**, **дамой**, затем **королевой**, таким же образом **слон** из-за некоторого сходства арабского **аль-филь** с французским **фоль** (fol) превращается во Франции в **шута**, в Англии – по сходству самой фигуры с епископской митрой – в **епископа** (bishop), в Германии переименовывается в **бегуна** (Laufer). Арабское **рук**, означающее ладью, осмысляется как итальянское **рокка** (госса): **госса** имеет значение **скала**, **утес**, и это также **крепость**, **башня** (на скале); значение **башня** переходит в немецкий язык: немцы используют свое **Turm** (башня) для обозначения ладьи; во французском для ладьи используют **tour**, что тоже **башня**, и от французского **тур** ведет историю наше **тура**.

Таким образом, в русском языке присутствуют шахматные термины, пришедшие напрямую с Востока, и названия, заимствованные из западноевропейских языков.

ГЛАВА 3

СЛОВА-ОШИБКИ

Искаленные слова

При усвоении и передаче из рук в руки чужеземных слов происходит, разумеется, немало ошибок и искажений из-за взаимного непонимания. Однажды какой-то немецкий ученый отправился в местность, где жили славяне, еще сохранившие свое наречие, несмотря на усилия, которые делало германское правительство, чтобы их онемечить. Он хотел записать ряд слов этого наречия, которое ему самому было плохо известно. Между прочим ему хотелось узнать, как на этом наречии называется сегодняшний, завтрашний и вчерашний день. Но спрошенный им крестьянин не понял его вопроса. Дело было в воскресенье, и крестьянин ответил: **воскресенье**, **понедельник**, **суббота**. А немец не понял его ошибки и доверчиво записал, что **сегодня** называется на этом языке **воскресенье**, **завтра** называется **понедельник**, **вчера** – **суббота**.

Известен также анекдот о том, как некий русский офицер, незадолго до начала русско-японской войны посланный для съемки местности в Манчжурии, добросовестно нанес на карту до пятидесяти деревень того же названия – Бутунду, только удивляясь скудному однообразию китайского воображения. А потом оказалось, к его конфузу, что это **бутунду** значит по-китайски просто **не понимаю**.

Некоторые ошибки подобного рода очень прочно укоренились в этнографии. Так, например, слово **каннибал** вошло во все европейские языки в значении **людоед**, потому что приблизительно так называло себя первое американское племя, которое встретили европейцы с открытием Америки и которое было действительно людоедским. На самом деле, название этого племени было **карибы**, что на их собственном языке означает **храбрые**.

Таким же образом первые европейцы, попавшие на остров Борнео, слышали от туземцев побережья слово **орангутанг**, которое у них означало жителей внутренней лесной области, буквально **лесных людей**. Так как европейцы впервые увидели на этом острове огромную обезьяну, то легко могли и сами принять ее за дикаря особого племени или подумать, что туземцы считают ее диким человеком. Как бы то ни было, этот вид обезьяны получил название, которое в сущности было названием племени. Подобным же образом создалось и нелепое слово **самоед**. Как будто люди этой народности едят самих себя или едят без чужой помощи! А дело очень просто. **Самейетс** на туземном языке значит **болотный житель**.

Наоборот, готтентотам и кафрам – народностям южной Африки – названия были привнесены «со стороны». **Готтентот** вовсе не туземное слово, а голландское и не имеет никакого смысла; **Hottenton**, скорее всего, – насмешливое передразнивание той речи, которую голландцы слышали в этом районе Южной Африки: а речь местных жителей имеет особые щелкающие звуки. **Кафр** – арабское слово и означает **неверующий**; это то же самое слово, что **гяур**.

Часто слова в передаче из рук в руки сокращаются и притом так, что как раз существенная часть выражения отпадает. Так, пахучая смола с острова Ява, которую называли по-арабски **любан Джави**, то есть **явский ладан**, превратилась в конце концов в **бензой**, от которого затем произведено и слово **бензин**. Таким же образом обесмысленным словом стал и **доллар**. **Доллар** – испорченное американским произношением немецкое **талер**. Талер – большая серебряная монета, существовавшая до XVIII века. Ее впервые чеканили в городе Иоахимсталь, чье название значит буквально **долина Иоахима**, и потому она получила название **иоахимсталер**, что значит по-немецки **иоахимстальский**. Это длинное слово сократили, отбросив личное имя **Иоахим**, составлявшее первую его половину, забыв о том, что разрывали этим пополам название города. Получилась такая же нелепость, как если бы вещь, сделанную в Сталинграде и потому названную **сталинградкой**, сокращенно стали бы называть **градкой**.

Таким же искаленным словом является **мигрень** (migraine); мигрень – сильная головная боль, характерная тем, что болит обыкновенно одна сторона головы. Эту особенность и выражало греческое слово **гемикrania** (hemikrania), что значит **половина черепа**; сравните **гемисфера** (полушарие) и **краниология** (учение о форме черепа) – от греческого **kranion** (черепа). Попав во французский язык, слово **hemikrania** утратило первый слог, превратилось в **migraine**, потеряв первоначальный ясный смысл.

Арника – название высушенного растения, отвар которого применяется для лечения ушибов и порезов, не имеет смысла ни на каком языке. Но это – изуродованное греческое **птарника**, которое буквально значит **чихательная**, потому что растение имело свойство вызывать чихание. Когда арнику стали применять как лекарство в совершенно других целях, первоначальный смысл названия позабылся, и слово оказалось

бессильным против искажения.

Лузы – это мешки, или сетки, по краю бильярдного стола, в них загоняют шары; **луза** также представляет искаженное слово, потому что оно является ничем иным, как немецким **блузе** (Bluse), от которого происходит и наше **блуза**. Название, заимствованное, кстати, в немецкий из французского языка, было перенесено на бильярдный мешок по сходству его с пазухой, образуемой широкой рубашкой.

Иногда, напротив, заимствуется больше, чем надо. Чаще всего это происходит потому, что не умеют отделить самого слова от определительной частицы, обычно произносимой вместе с ним. Так, в слове **трюм** начальное **т**, а в слове **лафет** начальное **л** вовсе не принадлежали самому слову, они представляют собой служебные частицы.

Еще более забылось значение слова **бельмес**. Оно употребляется теперь только в выражении **не знать, не смыслить ни бельмеса**. На самом деле по-татарски **бельмес** означает **он не знает**, так что сказать **он не знает ни бельмеса** значит, в сущности, сказать **он не знает** сразу и по-русски, и по-татарски.

Много слов заимствованно у нас в форме множественного числа, так что, например, **бегемот** буквально означает по-древнееврейски **гиппопотамы**, **магазин** по-арабски – **склады**, **набат** по-татарски – **барабаны** (бьющие тревогу). Формами множественного числа являются древнееврейские **херувим** и **серафим**, арабское (с греческого) **талисман**, греческое **стихия**, латинское **рептилия**.

Из более новых заимствований особенно часто перенесение английских слов в форме множественного числа, то есть с окончанием **с**, например, **рельс** (rails), **бифштекс** (beefsteaks). В форме множественного числа вошли в русский язык слова **кокс**, **индус**, **папуас**, **кокос**, **меринос**, **пенс**, **бимс**, **пампасы**.

Слова **мачта** и **почта** относятся к другому роду ошибок. **Почта** – итальянское слово **поста**, первоначально **подстава** лошадей, перешедшее к нам в польской форме **пошта**. Так говорили и писали у нас в старину. Но форма **пошта** стала казаться вульгарной, народной, по примеру областного произношения **што**, **скушно**, **пошти** вместо литературных **что**, **скучно**, **почти**. И вот из желания восстановить якобы правильную форму возникла **почта**. Перемудрили. Таким же образом заимствованное из немецкого **маст** (может быть через польское **машта**) и при Петре I еще имевшее форму **машта**, обратилось в **мачту** вследствие ошибочного представления, что это будет более правильным, более «благородным» произношением.

Случается, что целое выражение иностранного языка усваивается в русском как одно слово, которое в свою очередь развивается уже по-русски. Так, возможно, что наше **лебезить** происходит от исковерканного немецкого **их либе зи**, что значит **я вас люблю**, фразы, которая, конечно, нередко слышалась в многочисленной среде немецких ремесленников, учителей и торговцев.

Другим примером может служить слово **исполать** в старинном

выражении **исполать тебе** в значении **спасибо тебе, хвала тебе**. Оно звучит несколько торжественно: так и кажется, что его произносили медленно и важно бояре с окладистыми бородами и в длинных, тяжелых кафтанах и при этом низко кланялись в пояс, касаясь рукой земли. Выражение это часто встречается и в былинах, и в народной поэзии.

В знаменитой разбойничьей песне XVIII века «Не шуми, мати зеленая дубравушка» царь говорит захваченному разбойнику:

Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

И тем не менее это слово оказывается вовсе не русским, а греческим выражением, которое полностью звучит **ис полла эти, деспота** и означает **на многие годы, владыка** – подразумевается: желаем здравствовать. Этими словами хор приветствовал выход митрополита или архиерея в церкви. Употреблялись они и при провозглашении многолетия в греческом церковном обиходе и в других торжественных случаях.

Часто слыша этот возглас в подобной обстановке, легко было усвоить его как выражение приветствия, похвалы и благодарности и употреблять его в этих смыслах. Известно, что именно подобные обращения легко механизуются. Только потому могло, например, **спасибо** стать одним словом, причем **Бог** потеряло здесь свой конечный звук, став **бо**. А мы тем более уже не сознаем, что это слово в сущности значит **спаси Бог**.

Таким же образом полное смысла **здравствуй** – пожелание здоровья – превратилось в механическое и ничего не выражающее **здрате**. Еще более выветрилось слово **сударь**, прибавлявшееся механически к словам, составлявшим ответ начальнику, хозяину, и дошедшее в конце концов до одного лишь звука **с**: это **с** звучало почему-то более противно и унизительно, чем если бы произносилось все слово, в угодливом **Чего изволите-с?** А между тем **сударь**, в свою очередь, представляет сокращение от **государь**.

Еще интереснее, пожалуй, происхождение слова **куролесить**. Оно означает: вытворять такое, что грозит плохо кончиться. В том же смысле употребляется и **бедокурить**, производное от **куролесить**. В старину говорили также **куролесничать** в смысле вести себя странно, как будто будучи не в своем уме, и **куролес** в смысле взбалмошный, сумасбродный, нелепый человек. Это выражение возникло также из церковного обихода, так как происходит от греческого **Кири элейсон**, что значит **Господи, помилуй**, припев, которым много раз отвечает хор на возгласы дьякона.

Но чем объясняется такой переход значения? Можно предположить, что при богослужении на греческом языке, которое совершалось в торжественных случаях в старину, певчие, не зная языка, могли путать и перевирать слова и напевы. Отсюда **куролесить** должно было первоначально значить **вносить беспорядок, производить сумятицу**. На

это могла бы указывать и поговорка: **Поет куролесу, а несет аллилуйю**, Такое происхождение возможно, но его недостаточно. На происхождение нашего слова повлияла более серьезная причина. Возглас **Кири элейсон** употреблялся в старину поляками в качестве боевого клича при нападениях и вылазках. Отсюда старинное **куролеса**, означавшее, по-видимому, разбойничью песню, как свидетельствует поговорка: **Идут лесом и поют куролесом**. Таким образом, **куролесить** должно было значить первоначально **нападать врасплох, производить сумятицу, смятение**.

Таким же образом слово **шарманка** создано из немецкой песенки, начинавшейся словами **Шарманте Катерина**, что значит **прелестная Екатерина**: песенка составляла неперемный и излюбленный номер в репертуаре петербургских и московских шарманщиков. Любопытно, что польский язык усвоил для названия шарманки вторую часть этого выражения, сделав из нее **катеринку** (katarynka).

Фокус

Любопытным примером искажения является слово **фокус** в смысле ловкое действие, приемы которого неизвестны или непонятны, а результат неожидан. Это слово не имеет ничего общего с общеевропейским научным термином **фокус**, которым называют точку пересечения лучей, преломленных выпуклым или вогнутым стеклом, или точку, в которой должен находиться предмет, чтобы получилось отчетливое его изображение при фотографической или кинематографической съемке. **Фокус** как научный термин представляет латинское слово **focus**, означающее **очаг** — как средоточие помещения. От этого же латинского **focus** произошло французское **фойе** (foyer) — зал в театре, куда зрители выходят в антрактах. Наш **фокус** в смысле **ловкий прием** существует только в русском языке, хотя и не является русским словом; это ясно уже из того, что оно начинается на букву **ф**, которой в русском языке от природы не было.

Как это ни странно, в русском языке нередко звук **х** в заимствованном слове заменяется звуком **ф**. Так создалось, например, старое русское **финифть** из греческого **химевти** и **кафель** из немецкого **кахель** (Kachel). Таким же образом и наш **фокус**, первоначально **фокус-покус**, представляет измененное немецкое или, вернее, голландское **хокус-покус** (hocus pocus), которое, однако, не имеет смысла ни на каком языке. Это неудивительно, потому что **hocus pocus** представляет искажение латинского выражения **хок эст корпус**: **hoc est corpus** буквально значит **это есть тело**, или **сие есть тело**, и взято оно из текста католической обедни.

Дело в том, что центральным моментом католического, а также православного, Богослужения является тот, когда средние двери алтаря — царские врата — распахиваются, из них выходят священник и дьякон и выносят чашу, в которой, по церковному верованию, находится тело и кровь Христа. Священник провозглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите». Хор поет: «Тело Христово приимите, источника бессмертного

вкусите». После этого начинается причащение, составляющее суть обедни и основанное на веровании в то, что красное вино и кусочки пресного белого хлеба превращаются в тело и кровь Христа. Это «превращение», как представляет церковь, происходит непосредственно перед выходом священника и дьякона (в православном обряде за закрытыми дверьми алтаря), и о свершении его присутствующие узнают из возгласов священника, как бы от имени самого Христа: «Сие есть кровь моя нового завета, за вас изливаемая во оставлении грехов», «Сие есть тело мое, за вас ломимое во оставление грехов».

Эти торжественные возгласы, произносимые на непонятном латинском языке, звучали для суеверных обывателей чудодейственными, магическими заклинаниями, силою которых и совершается знаменитое «таинство». Известно, как часто подобные молитвенные формулы, подхваченные из церковной обрядности, входят самым неожиданным и нелепым образом в народные заговоры от дурного глаза, против зубной боли, лихорадки и т. д. Здесь же естественно было подхватить выражение **hoc est corpus** и использовать его как сильнейшее заклинание или заговор.

Когда религиозный гипноз ослабел и колдовство потеряло доверие к себе, многие его приемы унаследовали фокусники. В составе этого наследства было и заклинание **хок эст корпус**, может быть, уже тогда искаженное в **хокус-покус**. Оно служило фокуснику формулой, посредством которой он разыгрывал из себя мага и чародея, производя неожиданное появление предмета. Сходство смысла с церковным возгласом при этом еще вполне очевидное. Фокусник брал у кого-нибудь из публики монету, и она исчезала на глазах у публики. Потом он восклицал **хокус-покус**, и монета вдруг оказывалась в кармане или даже в ухе у другого из присутствующих, по крайней мере фокусник сам доставал ее оттуда на глазах у публики.

По ошибке

Очень много слов возникло по ошибке. Эта не значит однако, что их надо за это презирать как слова низшего сорта. Ничего дурного или нелепого в этом нет. Напротив, «ошибка» в сущности является более творческим фактором в истории языка, чем соблюдение правильности. Переосмысление – несомненная ошибка, но в нем ведь проявляется похвальное стремление понять слово, не имеющее смысла, сделать его действительно своим по значению. Внешнее искажение тоже является в конце концов приспособлением чужого слова к своему произношению. Ведь если быть защитником правильности и чистоты речи во что бы то ни стало, то придется всякое изменение значения, всякое развитие слова признать ошибкой. Ошибочное слово служит не хуже правильного. Любопытный случай ошибочного словообразования представляют **зонт** и **ферт**. Эти иностранные слова созданы нами самими.

Займствованное голландское слово **зоннендек** (буквально **солнечное закрытие**) усвоено было в русском языке в форме **зонтик**. Эта форма была

воспринята впоследствии как уменьшительная, по аналогии с **винтик**, **ножик**. Но когда имели в виду большой зонтик, казалось неловким употреблять уменьшительное выражение, и таким образом произвели новое слово **зонт**, которое, следовательно, не является ни русским, ни иностранным.

Совершенно так же возникло слово **ферт**. Существовало **фертик**, заимствованное с немецкого **фертиг** (fertig), которое означает буквально **готовый**, а отсюда получило значение **одетый с иголки**, и так немцы стали называть законченного кавалера. В русском языке **фертик** подразумевало **щеголь**, **хлыщ**. И в этом случае из-за окончания **-ик** слово осмыслили как уменьшительное, вследствие чего оно стало применяться преимущественно к молодым людям и имело сравнительно мягкий оттенок. Но было желательно в некоторых случаях оттенить самодовольный, вызывающий, «ухарский» характер человека более опытного, более пожилого. Уменьшительная форма **фертик** казалась здесь неподходящей. И вот создалось мнимо иностранное слово **ферт**.

Этому словообразованию способствовало еще и то обстоятельство, что в русском языке уже существовало слово **ферт** в качестве названия буквы **ф** в славянской азбуке. Самая форма этой буквы напоминала фигуру человека, подпершего руки в бока. Отсюда создалось выражение **стоять фертом**. Так пелось в солдатской песенке первой половины XIX века:

Царь немецкий, царь пшеничный,
Взгляд куриный, нос брусничный,
Руки фертом под бочок,
А душа вся – в пяточок.

Эта молодцеватая поза фертом способствовала укреплению значения **ферта** как **хлыща**. Так у Тургенева в «Дневнике лишнего человека» говорится: «Лиза порхала по зале с ухарским фертом».

Еще более любопытным примером мнимого слова, на этот раз во всех европейских языках, является **зенит**. Зенит – точка пересечения небесного свода вертикалью, проведенной от места, в котором находится наблюдатель, отсюда, в переносном смысле, **высшая точка**. Так говорят **в зените славы**, **в зените счастья**.

Это слово возникло вследствие простой ошибки. Старинный средневековый ученый, потому ли, что глаза его ослабели от напряженного разглядывания рукописей при недостаточном свете масляной лампы, или потому, что эта латинская рукопись была очень неразборчива, не разобрал хорошенько одного слова и прочел латинские буквы **n** и **i** там, где стояла одна **m**. Эту ошибку очень легко было сделать, читая старинную рукопись: сравните **ni** и **m**.

В основе ошибочно созданного слова **зенит** лежит арабское **земт**, или **замт**, которое значит буквально **путь**, **направление** и употреблялось в выражении **замт-ар-рус** – буквально **направление головы**: **ар** – определительная частица, **рус** – **голова**. Это **замт-ар-рус**, сокращенно **замт**

и **земт**, означало у арабских ученых линию, идущую прямо вверх от головы наблюдателя, а затем и точку на небесном своде, находящуюся над самой головой наблюдателя. Это же слово с определительной частицей **аль**, которая произносилась в этом случае **аз** для приспособления к следующему **земт**, и с окончанием множественного числа давала **аз-зу-мут**, или **аззимут**, что буквально **направление**. **Азимут** стало означать линии и плоскости, соединяющие наблюдателя с точкой неба, в которой находится светило. В европейской астрономии **азимут** означает теперь угол между небесным меридианом и вертикальной плоскостью, проходящей через точку, в которой находится светило.

Адамово яблоко

Адамовым яблоком называют кадык, хрящ гортани, выступающий у мужчин спереди шеи. Выражение **Адамово яблоко** имеется во всех европейских языках. Но оно возникло вследствие ошибки.

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей женщине:

— Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

И сказала женщина змею:

— Плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, Бог запретил нам есть и касаться, чтобы нам не умереть.

И сказал змей женщине:

— Нет, не умрете. Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

И увидела женщина, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел».

Так рассказывает Книга бытия (гл. 3:1-6) о грехопадении Адама и Евы, и рассказ этот знали в средние века решительно все, анатомию же знали очень плохо даже ученые: античная наука считалась ложной и греховной как языческая, а библия почиталась энциклопедией знания, полученного непосредственно от Бога. Но читать эту энциклопедию было не так просто, как нам современный справочник, потому что текст был на латыни, да и небезопасно: можно было не так понять что-нибудь и оказаться в застенке инквизиции, а то и на костре в качестве еретика.

Поэтому, несмотря на предубеждение против евреев, средневековая наука считалась с мнением еврейских ученых — за их причастность к народу, дававшему миру библейские тексты.

Поэтому, когда средневековый ученый встретил в еврейском медицинском трактате выражение **тапуах ха адам** как термин, означающий хрящ под подбородком, кадык, выступающий вперед у мужчин, то он, естественно, понял это выражение в смысле **яблока Адама**. И разумеется,

он связывал это выражение со злополучным плодом с древа познания добра и зла, на котором «срезался» библейский Адам. О каком другом «адамовом» яблоке могла еще идти речь?

Но почему же мужской кадык получил такое название?

Объяснение давалось простое и остроумное: потому что кусок райского яблока застрял у Адама в горле, и вот, в ознаменование этого случая и в назидание потомству, все мальчики рождаются с таким хрящом, который выпирает наружу, как шишка. Толкование казалось настолько убедительным, что решительно во всех европейских языках выражение **адамово яблоко** для обозначения кадыка привилось; сравним английское **Adam's apple**.

Между тем, еврейское **адам** значит **мужчина, человек**, и **тапуах ха адам** означает просто **яблоко, или шишка, мужчины**. Это выражение, по всей вероятности, и послужило к созданию легенды о грехопадении Адама и Евы, которую включили в Книгу бытия. В еврейском народном представлении этот древний анатомический термин был понят в его обывательском смысле, как **яблоко**, и даже способствовал, может быть, превращению слова **адам** в имя первого человека. Таким образом, не столько «грех Адама», сколько погрешность старинного истолкователя была причиной возникновения этого выражения.

ГЛАВА 4

МНИМЫЕ ИНОСТРАНЦЫ

Иностранец Василий Федоров

Как это ни странно, люди любят иностранные слова и часто предпочитают употреблять их в тех случаях, когда в языке имеются свои собственные выражения с совершенно тем же значением. Мы слышим или видим в печати **контур, эскиз, эволюция**, хотя эти понятия можно отлично передать словами **очертание, набросок, развитие**. В особенности профессионалы любят щегольнуть специальным словом. Моряк никогда не скажет **веревка**: на судне веревка называется тросом. Врачи старшего поколения вместо **укол** говорили **пункция**. Охотник-профессионал даже с собаками говорит не по-русски: **куш, тубо, апорт** — команды, которые заимствованы из французского языка и значат **ложись, смирно, принеси**. Команды **пиль, даун** — английские, значат **кусай, лежать*** (В. И. Даль объясняет **пиль** как французское заимствование со значением **вперёд! бери!** Мы находим в словаре французский глагол **piller** (грабить, обкрадывать) и его повелительную форму **pille**. (Прим. ред.)).

Подобные слова придают собачнику вид спеца, а собаке — вид только что привезенной из-за границы. Кстати, за неимением иностранного иногда пользуются другим русским словом, только бы не называть вещь по-

простому, «по-обывательски»: так, настоящий охотник не назовет хвост своей собаки хвостом: у настоящей охотничьей собаки не хвост, а **правило!**

Вспомним: гоголевский шапочник в «Мертвых душах» подметил это пристрастие русского человека ко всему иностранному и, рассчитывая привлечь больше покупателей, написал на своей вывеске: «Иностранец Василий Федоров».

Применять иностранное слово или даже составить заново слово из основ чужого языка в качестве научного термина – это понятно и целесообразно, так как подобный термин легче может получить международный характер. В этом отношении состав иностранных слов, вошедших во все культурные языки, является подлинно международным, универсальным языком, в противоположность искусственным, выдуманным языкам, таким, как эсперанто. Но наряду с такими иностранцами, вполне легально получившими права гражданства, в русском языке имеется и ряд мнимых иностранцев, которые только делают вид, что они иностранцы, а иногда и очень откровенно показывают свое чисто русское происхождение.

Таковы, прежде всего, русские слова, снабженные иностранными окончаниями и имеющие поэтому довольно нелепый вид, вроде **военизировать, паспортизация, меньшевизм, теплофикация, листаж** и др.

Таковы шуточные образования, такие, как **фебрис притворалис**, в котором первое слово означает по-латыни **лихорадка**, а второе имеет окончание латинского прилагательного вместо русского **-ный** (притворный); или **нахалитэ вопиянт** – это не что иное, как **вопиющее нахальство**, снабженное французскими окончаниями. Воспитанникам старинной духовной семинарии принадлежит изречение **квис нон клячам хабэт, пехотарэ дэбэт**, в котором латинские слова **квис** (что), **нон** (не), **хабет** (имеет), **дэбэт** (должен) сочетаются с русскими **кляча** (с латинским окончанием винительного падежа) и **пехота** (с латинским окончанием неопределенного склонения). И получается: **у кого нет клячи, должен пешком идти!**

Когда французский язык был в большой моде (в первой половине XIX века), и все старались говорить по-французски, нередко получалась очень смешная смесь «французского с нижегородским», над которой издевался Чацкий в комедии «Горе от ума». Примером тому будет восклицание одного помещика в повести «Дубровский», когда разбойник, выдающий себя за француза-учителя, задует перед сном свечу. Помещик испуган:

– Пуркуа ву туше! Я не могу dormire в потемках!

Пуркуа (pourquoi) значит по-французски **зачем**, **ву** (vous) – это местоимение **вы**. Но вот слово **туше**, которое звучит, как французский глагол **toucher**, образовано самим помещиком от русского **тушить!** Французское **туше** (toucher) означает совсем другое – **трогать, прикасаться, дотрагиваться**. Так что здесь игра слов – у помещика по ошибке, у Пушкина – продуманный ход.

Дормир (dormir) по-французски – **спать**.

Якобы латинскими словами являются **свинтус**, **оболтус**, а также шуточные **секуция** (впрочем здесь скорее осмысление латинского **эксекуция** через русский глагол **сечь**), **протекция** (от **протекать**, например, о крыше), **зубристика**, **ерундистика**, **штукенция**, **старушенция**, **выпиванция**, **болтология**. Сюда же, пожалуй, относится и хлестаковский **моветон**, слово, созданное Гоголем из французского выражения, означающего **дурной тон** (*mauvais ton*), в противоположность **бонтону** (*bon ton*). Драматург Островский создал или может быть подхватил подслушанное им в купеческих или мещанских кругах Москвы словечко **асаже**, которое одно время имело значительное распространение. Это слово имеет французский вид благодаря своему окончанию: сравни **протеже** (покровительствуемый человек). В действительности **асаже** произведено от русского **осадить** в смысле поставить зазнавшегося, слишком развязного человека на подобающее место.

Лесков сохранил нам другое подобное словечко, **ажидация**, которое создалось в кругу людей, которые почитали Иоанна Кронштадского: в конце XIX века этого священника везде приглашали, считая святым и целителем, и **ажидация** означало ожидание – надо было ждать, когда придет ваша очередь, и Иоанн Кронштадский приедет по вашему приглашению, и за места в списке выездов шла настоящая торговля. В повести Лескова «Полунощницы» очень забавно рассказывается о спекуляциях на том, чтобы заполучить чудотворца к себе первой поездкой, в первую очередь:

«Второе благословение – это уже не первое. В здешнем месте уже замечено, что самое выдающееся – это то, где его раньше получают. Там и исполнение будет и в деньгах, и от вифлиенции, а что позже пойдет, то все будет слабее».

И вот часто случалось, что была назначена желанная первая **ажидация**, а фактически поездка оказывалась пятой или восьмой, потому что «сделан обман ажидации», перепроданной агентами святого старца. Лесков любил уснащать подобными словечками свои рассказы. У него есть **назидация** – латинизированное **назидание**, **непромокабли** – офранцузенное **непромокаемое** (подразумевается – пальто), и даже **хабен зи гевидел** – онемеченное **видал?** – немецкое **хабен** (*haben*) значит собственно **иметь**, а здесь служит вспомогательным глаголом, **зи** (*Sie*) – это местоимение **вы**, тогда как **ге** (*ge-*) – глагольная приставка для обозначения прошедшего времени. А **видел** – это уже от русского **видеть**.

К числу таких «обыностранных» слов принадлежит и знаменитое **будировать**. Это слово имеет очень своеобразную историю. Оно существовало еще до революции, но вовсе не в том значении, в котором обычно употребляется в наше время. Прежде оно означало **быть недовольным**, **выказывать обиду** и обычно применялось к общественным деятелям, министрам, сановникам – в тех случаях, когда они считали, что обижены начальством, правительством, царем, с помощью этого слова они выражали (в очень скромных, конечно, формах) свое недовольство новой политикой или своим преемником. Так говорили, что Витте будирует, когда,

смененный Столыпиным, он критиковал его действия и находил новые мероприятия неверными и неудачными. Это старое **будировать** образовано совершенно правильно от французского **будэ** (boudier), что значит **дуться, сердиться**; отсюда **будуар** (boudoir) – кабинет или гостиная дамы, «укромный уголок», где она может уединиться, когда дуется на мужа.

Но **будировать** получило с 1905 года совсем другое значение – **возбуждать** (людей, мысль). Это значение плохо вяжется с прежним, хотя и возможен переход от **выражать недовольство** к **возбуждать к недовольству**. К тому же это слово в его нынешнем значении так широко распространилось в 20-х годах XX века, что связь его с прежним великосветским и чиновным термином не может быть прямой и органической. Между тем в новой среде, в которую это слово попало, благодаря ее политическим интересам старое значение было перекрыто значением **будить мысль, пробуждать классовое сознание**. Таким образом, это слово следует признать скорее «мнимым иностранцем», чем «ошибочным словом», хотя, может быть, некоторый элемент ошибки здесь и есть.

Любопытный пример мнимого иностранного слова, созданного в России и притом формально неправильного, представляет **папироса**. Это слово образовано от немецкого **папир** (Papier) – **бумага: папироса** создано по образцу **пахитосы**, так называли раньше папиросу, и наши прабабушки в первой половине XIX века курили именно пахитосы. Мундштуком пахитосы служила соломинка, откуда и название: по-испански **пахито** (rajito) значит буквально **соломинка** – одного корня с rajizo (солома). Но откуда **с**? Это испанское окончание множественного числа: **пахитос** (rajitos) значит просто **соломинки**. Таким образом, русское **папироса** образовано от немецкого **папир**, потому что папироса снабжена бумажным мундштуком, но слову добавили, по аналогии с **пахитоса**, испанское окончание **с**: теперь у **папиросы** вроде как испанское происхождение, но основы **папиро** в испанском языке не существует!

Есть еще одна группа мнимых иностранных слов, примером которой может служить слово **грипп**. Это несомненно иностранное слово, которое заимствовано нами из немецкого. Но в самом немецком, как и в других европейских языках, это слово заимствовано из русского. Действительно, **грипп** – не что иное, как онемеченное русское **хрип**. Это не так странно и случайно, как может показаться. Грипп – довольно неопределенная болезнь, которая проявляется то одними, то другими признаками, и имеет очень разнообразные формы. Поэтому той разновидности, которая пришла в Германию из России, могли дать название, образованное от русского **хрип**. Другая разновидность гриппа, появившаяся во время Первой мировой войны из Испании, получила по той же причине название **испанка**.

Китель – также несомненно иностранное, немецкое слово,

означающее особый покрой форменной, преимущественно летней, куртки. Первоначально это был род материи, из которой подобные куртки главным образом делались. Но и материя, и само слово пришли в Германию из России. В основе немецкого **китель** (Kittel) лежит старорусское **китайка** – род ткани первоначально китайского происхождения.

Не помнящий родства

Мнимым иностранцем является и слово **пистолет**. Лесков в повести «Левша» рассказывает, якобы со слов мастерового Сестрорецкого оружейного завода, следующий легендарный анекдот:

«Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междуусобные разговоры со всякими людьми. И все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонить хотели. Но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то Платов сейчас скажет:

– Так и так, и у нас дома свое не хуже есть.

И чем-нибудь ответит.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, и стали звать государя во всякие свои оружейные и мыльнопильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество.

И вот между прочим подают ему пистолю и говорят:

– Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства. Ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии из-за пояса выдернул.

Александр взглянул на пистолю и наглядеться не может. Взахался ужасно.

– Вот если бы у меня, говорит, хотя один был такой мастер в России!

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда отвертку. Англичане говорят:

– Это не отворяется.

А он ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два – замок и вынулся, а там на самом сугибе надпись сделана:

«Иван Москвин во граде Туле».

Подобная же история произошла и со словом **пистолет**, которое отчетливо сознается нами как иностранное, хотя оно давно вошло в русскую литературу вместе с самим оружием. И Пушкин, описывая дуэль Онегина с Ленским, и Лермонтов в стихотворении «На смерть Пушкина» увековечили это слово. **Пистолет** – французское **pistolet**, перешедшее к нам, по видимому, через голландское посредство. По форме – это уменьшительное

от **пистоль**, старинного слова, сохранившегося в английском языке как **pistol** в значении **пистолет**. **Пистоль** имело и другое значение – так называлась серебряная монета. Лингвисты долго ломали себе голову над происхождением и связью этих двух значений. Оказалось, что имеется еще итальянское слово **пистолезе**, означающее маленький кинжал, а буквально **пистойский**, то есть сделанный в городе Пистойе, в Италии. Думали, что, может быть, по аналогии с маленьким кинжалом и маленькое огнестрельное оружие и мелкая монета получили это название. Но это не так. Оказывается, французское **пистолет** ведет свое происхождение от старинного славянского **пищаль**!

Пищалью называлась в старинном военном деле сначала пушка, потом и ружье, которое в первоначальной своей форме отличалось от пушки только размером и калибром. На Руси эти первые артиллерийские орудия появились в последний год княжения Дмитрия Донского, в 1389 году, когда, по свидетельству летописи, «вывезли из немец арматы (то есть орудия) на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стреляти». Эти первоначальные крепостные орудия представляли грубые и неуклюжие дула на колодах, и стреляли из них камнями и чугунными (литыми) или железными (кованными) ядрами. Уже в 1408 году Москва защищалась такими орудиями от осадившего ее татарского хана Эдигея. Несколько позднее появляются и ружья такого же громоздкого типа. Эти орудия Москва получила «из немец», из Германии. Действительно, первым известным нам упоминанием о применении артиллерии является сообщение, что немцы пользовались пушками при осаде итальянского города Чивидале в 1331 году. Но это были тяжелые, осадные орудия. Изобретателями же полевой артиллерии были не немцы, а чехи и притом в очень знаменательную эпоху своей истории.

В 1413 году население Чехии было охвачено возбуждением из-за предательской казни: на костре был сожжен Ян Гус – чешский реформатор, боровшийся против засилья римской церкви. Вспыхнуло восстание, длившееся почти двадцать лет. Во главе его оказался талантливый полководец Ян Жижка, которому и принадлежит заслуга создания полевой артиллерии. Изобретение состояло в том, что пушки были поставлены на платформу на колесах и что калибр (поперечник дула) был уменьшен. Применение таких передвижных орудий более мелкого калибра сильно способствовало успехам чешских войск, одержавших несколько блестящих побед над императорскими войсками.

Эти длинноствольные пушки с узкими дулами в противоположность коротким и широким мортирам или гаубицам назывались пищальми: **пищаль**, буквально, – **дудка**, **трубка**. Впоследствии этим же словом стали называться еще более легкие, уже ручные огнестрельные орудия, родоначальники современных ружей. Они еще не имели приклада и внешне очень походили на большой, длинный пистолет, так что уменьшительная форма этого слова была вполне уместна и понятна. Изобретателем пистолета считается итальянский оружейный мастер Вителли, живший в Пизе в

середине XVI века.

Таким образом иностранное слово **пистолет** на самом деле – славянское, родное русскому, в котором **пищаль** означало, как и в чешском, дудку. Это слово, следовательно, пропутешествовало вокруг всей Европы вместе с вещью, которая в этом странствовании совершенствовалась и развивалась, и возвратилось к нам в новой форме, как и вещь, которую оно обозначало.

Кстати, **гаубица** – слово, обозначающее артиллерийское орудие с коротким стволом, тоже чешского происхождения, пришедшее к нам в немецкой форме **Haubitze*** (*Оксфордский этимологический словарь прослеживает историю **гаубицы** до чешского **houfnice**, объясняя его как **праща**. (Прим. ред.)). =====

ГЛАВА 5

СЛОВА-ИМЕНА

Слова-фамилии

В русском языке не много таких слов, которые произведены от собственных имен, но среди иностранных заимствований их имеется большое количество. Почему русский народ не любит таких именных слов, трудно сказать: вернее всего, потому, что русскому языку свойственно придавать названиям вещей определенные окончания, которые указывают на их характер, и эти окончания неудобно приставлять к именам. Только окончание **-ка** уже теряет свой смысл, который оно имеет еще, например, в словах **качалка, скакалка, сенокосилка** и часто служит теперь для сокращения длинного слова или выражения – но **-ка** придает в этих случаях пренебрежительный оттенок слову. Публичную библиотеку называют **публичкой**, бывшие Александринский и Мариинский театры в Ленинграде называли **Александринкой, Мариинкой**.

Керенки – бумажные деньги небольшого размера, похожие больше на трамвайные талоны, чем на деньги, выпущенные в 1917 году в большом количестве и вскоре потерявшие всякую цену, названы были так по фамилии Керенского, стоявшего во главе правительства в первые месяцы революции, до октябрьского переворота. Известна также берданка – ружье, изобретенное американцем Берданом и введенное в русской армии в последней четверти XIX века.

В иностранных языках множество слов, которые называют изобретения собственным именем изобретателя. **Кольт, браунинг, наган, маузер** – фамилии изобретателей этих систем револьвера. Интересно, что Маяковский в своем «Левом марше» олицетворяет маузер, обращаясь к нему так, как будто называет его по фамилии, хотя Маяковский, вероятно, и не знал, что Маузер – действительно была фамилия немецкого изобретателя.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.

Тише, ораторы! Ваше
Слово, товарищ маузер!

Фамилиями же изобретателей являются, например, слова **шрапнель** – система разрывного снаряда, **дизель** – система нефтяного двигателя, **блерио** – тип аэроплана, **баббит** – вид металлического сплава, **форд** – марка автомобиля, **ундervуд**, **ремингтон** – системы пишущей машинки.

Многие виды цветочных растений названы в честь лиц, привезших их впервые в Европу, например, **камелия** по фамилии иезуита-миссионера Камелля, привезшего из Японии луковицы этого, китайского по происхождению, цветка в Англию в 1791 году.* (*По нашим сведениям, миссионер Георг Джозеф Камель (Kamel) умер в 1706 году. В некоторых справочниках указывают происхождение **камелии** от **Camelli**, возможно, приводя латинизированную фамилию того же Камеля. (Прим. ред.)).

Бедный монах не подозревал, что лет через пятьдесят название этого цветка, а следовательно и его собственное имя, будет означать женщину легкого поведения. Но это произошло случайно. Французский писатель Дюма, сын известного автора «Трех мушкетеров», написал пьесу, в которой героиней была женщина подобного типа, страстно любящая камелии и трогательно умирающая от чахотки, окруженная этими цветами.

Пьеса эта называлась «Дама с камелиями» и имела такой успех, что саму несчастную красавицу и женщин ее типа стали называть камелиями. В старину у ботаников было в обыкновении, что ученый, получивший новый вид растения и изучивший его, давал ему не свое имя, а имя другого лица, как бы в честь его. Так бегония названа в честь французского сановника Бегона, любителя искусств и цветов; магнолия – в честь французского ботаника Магнолия и т. д. При этом с георгиной произошло осложнение. Ее назвал этим именем немецкий ботаник в честь своего друга, петербургского ботаника Георги: произошло это в начале XIX века. Но одновременно с ним изучил и описал этот цветок (который был тогда только что вывезен из Америки) другой немецкий ботаник, который назвал его далией – в честь шведского ботаника Даля* (*Мишель Бегон (ум. 1710 г.) – губернатор французской колонии Санто Доминго. Фамилия ботаника Пьера Маньоля (ум. 1715 г.) пишется Magnol, то есть название цветка образовано по написанию, а не звучанию его имени. И.И. Георги (1729-1802), этнограф и натуралист, был по национальности немец, но жил и работал в Петербурге. Фамилия шведского ботаника Андерса Даля (ум. 1789) пишется **Dahl**, отсюда английское и французское написание **dahlia** (Прим. ред.)). И до сих пор, спустя более ста лет после этого, имена двух ботаников все еще спорят между собой за право на этот цветок. Северная Германия называет его георгиной, южная – далией.

В честь знаменитых физиков назван ряд физических понятий: вольт, ватт, ампер, ом, кулон, гаусс, генри, фарада, ангстрем, – всё это славные имена героев науки, увековеченные в технике.

Наука не забыла и человека, открывшего электричество, итальянского доктора Гальвани, хотя он и не понял сути своего открытия. Гальвани не был физиком, он был медиком и занимался изучением анатомии. Это изучение обыкновенно производилось на лягушках как наиболее доступном и дешевом материале. Это было так типично, что даже лет пятьдесят спустя Тургенев в «Отцах и детях», желая изобразить новый тип человека, который ни во что не верит, кроме науки, изображает Базарова студентом-медиком, потрошащим лягушек.

Гальвани работал на балконе. На перилах висели лягушачьи лапки на медных крючках, покачиваясь от ветра. И вдруг Гальвани видит, что то одна, то другая лапка вдруг резко сгибается, как живая. Ветер не мог быть этому причиной. Гальвани как доктор слишком хорошо знал, что такое движение может происходить только вследствие сокращения мышцы самой лапки. Но каким же чудом действует мышца в отрезанной лапке? Гальвани долго ломал себе голову над этим вопросом, но ничего не мог понять. Как врач он решил, что это какая-то неизвестная нервная сила. Непонятно только было, почему она проявляется именно в этой обстановке.

Как раз незадолго до этого, за несколько лет до Великой французской революции, большую сенсацию производил венский врач Месмер своими опытами лечения чем-то вроде гипноза. Он называл это «животным магнетизмом». Идея какого-то тайного воздействия одного человека на другого посредством определенных приемов произвела большое и длительное впечатление. В ряде романов и повестей первой половины XIX века изображаются магнетизёры, умеющие владеть этой таинственной силой. Отсюда пошли такие выражения, как **магнетизировать** и **магнетический взгляд**. Естественно, что Гальвани решил, что в судорожных движениях лягушечьей лапки он подметил непосредственное проявление загадочной силы животного магнетизма.

Истинную природу этого явления понял итальянский физик Вольта, который, прочтя статью Гальвани о его наблюдениях, решил проверить их и обратил внимание на то, что лапки сгибались только тогда, когда медь крючка приходила в соприкосновение с железом перил, и притом только когда металлы были влажны. Продолжая опыты, он нашел, что сильнее всего действует соприкосновение меди и цинка, проложенных сукном, смоченным в подкисленной воде. Построенный им на этом принципе прибор получил впоследствии имя **вольтовый столб**. Сам же Вольта назвал открытый им принцип химического возбуждения электрического тока **гальванизмом** в честь человека, который в сущности только первый случайно подметил странное явление.

Менее известно, вероятно, что слова **мансарда**, **сэндвич**, **силуэт**, **макинтош**, **бешамель**, **френч**, **галифе** тоже являются просто фамилиями.

Мансард — фамилия французского архитектора XVII века,

придумавшего дешевые чердачные помещения. Он сообразил, что если скат крутой, как строили в старину, крыши сделать снизу круче, а сверху более пологим, то можно выгадать низенький полуэтаж, которому нижние половины скатов крыши будут служить стенами; эти стены будут, конечно, косыми, наклонными, но в них все-таки можно сделать окна. Такая как бы сломанная крыша и помещение под нею назывались **мансардовыми**, а затем и просто **мансардами**.

Лорд Сандвич был страстный игрок в карты: засев за карточный стол, он уже был не в силах оторваться от игры, что бы ни случилось. В этом отношении еда была для него большой помехой. Подавать настоящие блюда значило загромоздить стол тарелками, а карточные столы были маленькие, рассчитанные только на одного человека с каждой стороны. Идти в столовую – значит, прервать игру. А есть хочется. И вот в таком безвыходном, отчаянном положении благородный лорд сделал необыкновенное мозговое усилие, которое привело к замечательному открытию: между двумя тонкими ломтиками белого хлеба можно положить очень разнообразные вещи – кусок ветчины, телятины, сыру, и такой бутерброд не будет пачкать пальцы, а если их приготовить достаточное количество, то можно быть сытым, не прерывая игры. Лорд Сандвич всю жизнь был и считал себя государственным деятелем, но единственное, что сохранило его имя в истории, это изобретение двойного бутерброда – сандвича (по-английски **sandwich**).

Кстати сказать, еще менее заслужили подобного увековечения своих фамилий французский маркиз Бешамель и французский маршал Пралин, потому что соус, которым обливают ломти телятины, назван **бешамелем**, а сладкое миндальное пирожное **пранлине** только потому, что то и другое было придумано поварами, служившими у этих господ.

Силуэт также является словом, возникшим случайно и случайно же укрепившимся. **Силуэт** (Silhouette) – фамилия французского министра финансов, который занял эту должность в момент, когда французские финансы вследствие расточительности короля Людовика XV и бесхозяйственности управления были в большом расстройстве. Назначение Силуэта в 1759 году было встречено большими надеждами со стороны общества, которое ожидало от нового министра серьезных реформ. И Этьен Силуэт действительно был полон решимости и широчайших проектов.

Положение было критическим. Непрерывные войны срочно требовали денег, а казна была совершенно опустошена. И вот Силуэт, подражая английской финансовой политике, которой он был сторонником, производит довольно рискованный опыт акционирования некоторых государственных монополий. Попытка подкупала новизной идеей и выгодами, которые она сулила держателям облигаций. Семьдесят две тысячи акций по 1000 франков каждая были раскуплены нарасхват, и казна в несколько дней получила огромную по тому времени сумму в 72 миллиона франков. Это произвело ошеломляющее впечатление. Силуэт был объявлен магом и волшебником.

Но этот успех имел и обратную сторону медали. Полагаясь на волшебные способности Силуэта, король с каждым днем предъявлял все

больше требований, воображая, что такие операции казна может производить ежемесячно. Силуэт понимал, что ему грозит стать виновником разорения широкого круга людей, введенных им в обман. Ведь его попытка была рассчитана на проведение ряда реформ.

Попытки Силуэта рационализировать финансы, ограничить расходы двора и упорядочить поступление налогов, раскрадывавшихся откупщиками и губернаторами, быстро восстановили против него как двор и чиновничество, так и население, потому что откупщики поняли эти реформы так, что надо вымогать двойную подать – одну в казну, а другую в свою пользу. И бедный Силуэт усидел на своем министерском кресле всего несколько месяцев. Он пролетел, как блестящий метеор, по правительственным сферам Франции и исчез с горизонта. Этот быстрый взлет, короткая и бурная карьера, вызвавшая большое возбуждение, и столь же внезапное падение Силуэта произвело большое впечатление. «Появиться как Силуэт», «исчезнуть как Силуэт» стало поговорками. Силуэт стал образом скоропалительности, наскоро сделанного дела. Поэтому, когда вскоре появилась манера рисовать теневое изображение предмета, фигуры, лица, очень эффектная и вместе с тем быстрая, то ее называли **a la Silhouette** (на манер Силуэта), а затем и самое изображение получило название **силуэт**. Так по случайному совпадению понятий образ яркого «метеора» превратился в темную тень.

Макинтош (Macintosh) – фамилия шотландского технолога, который изобрел способ, как делать ткань непромокаемой, пропитывая ее раствором резины. Такая прорезиненная ткань, а также и плащ, сделанный из нее, назывались первоначально **макинтошевыми**, а затем и просто **макинтошами**.

Галифе (Gallifet) – французский генерал, приобретший позорную известность жестоким подавлением Парижской коммуны в 1871 году и сделавшийся героем французской буржуазии. Но из всех почестей, которыми он был в свое время осыпан, дольше всего уцелело название особого покроя брюк, названных в его честь.

Подобным же образом френч, вид военной походной куртки, получил свое название от имени английского маршала Френча (French), главнокомандующего английской армией во время мировой войны 1914 - 1919 гг.

Гильотина, название знаменитой машины для быстрого отрубания головы, введенной в официальное употребление Национальным собранием в эпоху французской революции, образовано от фамилии французского доктора Гильотена (по-французски пишется **Guillotin**), который предложил применять это орудие казни революционному правительству из «человеколюбивых» соображений. В «человеколюбии» он был, конечно, прав, потому что палач, рубящий голову преступника топором или вешающий его в петле на виселице, не мог делать этого так безукоризненно правильно и быстро, как эта машина. Известны случаи, когда топор, направленный неверно, только ранил или оглушал казнимого, и казнь

превращалась в пытку. Палачу уже не так удобно было действовать с судорожно бившейся жертвой, и в этих случаях ему редко удавалось покончить с ней одним ударом. Из нашей истории мы помним, что двое из пяти декабристов, подвергнутых казни через повешение, сорвались с виселицы, потому что веревка оказалась непрочной, и их пришлось повесить вторично.

Но что касается безболезненности и вообще преимуществ быстрой смерти, то князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского был, как известно, совсем другого мнения.

Впрочем, доктор Гильотен только усовершенствовал машину, которая до французской революции применялась в Италии.

Твердолобый капитан

Отставной капитан кавалерии Чарльз Кеннингем Бойкот был типичным английским дворянином, твердым в своих правилах, внушенных ему в семье и в школе, решительный в своих поступках, самоуверенный.

А настоящий твердолобый англичанин, для которого Англия с ее национальной культурой, с ее узкой сухой моралью, с ее пресловутым здравым смыслом представлялась верхом возможного идеала. С таким идейным багажом капитан, выйдя в отставку, взял место управляющего в имениях графа Ирна в Ирландии. Он, может быть, и не представлял себе трудностей и даже опасностей, связанных с этой должностью. Но во всяком случае то, что он знал об ирландской сельской жизни, внушало ему только пренебрежение. Он не сомневался в своем превосходстве. Чтобы он, англичанин, дворянин, капитан королевской армии, не сумел справиться с какими-то жалкими ирландскими арендаторами! Вероятно, на эти английские и капитанские качества рассчитывал и достопочтенный граф, который, несмотря на свое ирландское происхождение и возвышенные мечты о независимости Ирландии, был во всем прочем, и в особенности в отношении к зависимым от него людям, таким же заядлым помещиком, как любой английский лорд.

Прибыв в имение и поселившись в старинном феодальном замке, капитан Бойкот сразу показал арендаторам своего хозяина и окрестным поселянам, что он «настоящий человек». «Я им не граф,— говорил он себе.— Я не буду с ними церемониться. Они должны сразу понять, что находятся в твердых руках. Никаких послаблений! Все, что закон предоставляет требовать, должно быть взыскано неукоснительно и безотлагательно».

А между тем Ирландия в то время, в конце 70-х годов XIX века, сохраняла во многих отношениях еще феодальные порядки. В помещике видели естественного господина, который должен заботиться о населении и помогать ему в трудные дни. Законов никто не знал, начиная с населения, среди которого грамотных было немного, и кончая управляющим, не говоря уже о самом графе, который знал о жизни своего имения только сумму арендной платы и находил ее недостаточной, чтобы жить так, как считал

соответствующим своему титулу. Бойкот же, проникнутый до мозга костей идеей законности, изучил ирландское земельное право и сразу увидел, что оно не имело почти никакого значения в отношениях лорда и крестьян. Люди жили по старине, по обычаю, иногда недостаточному, часто неопределенному, позволявшему различные толкования и связанному с обстановкой местной жизни.

Всему этому Бойкот решил положить конец. Как! В случае неурожая арендатор просит отсрочки или сбавки арендной платы, соседний крестьянин нахально приходит просить семян на посев и находит вполне естественным собирать валежник в графском лесу или даже срубить там дерево, если он в нужде. Отныне это запрещено, и объявления развешены, и сторожа поставлены, и преступившие закон привлекаются к судебной ответственности и штрафуются по закону. Бойкота не трогают старинные обычаи, по которым молодые после венчания являются в замок на поклон и приносят специальный каравай с наклепленными на нем фигурками из сусального золота. Арендаторы считают долгом представить первый или последний сноп жатвы и первинки своих овощей и фруктов, а крестьяне собираются на поляне у ворот для песен и танцев в праздничные дни. Это все пустяки, которыми ему некогда заниматься.

Немудрено, что Бойкота в округе ненавидели и боялись.

Но война началась, когда неукоснительный капитан объявил, что отныне земля будет сдаваться в аренду на новых условиях, которые будут точно перечислены в договоре, и, прежде всего, по более высокой цене. Его не смущало, что качество семян и средства обработки в Ирландии были далеко не те, что в Англии, и что самая земля здесь гораздо сильнее истощена вследствие недостаточности удобрения. Он стоял на одном твердо: именье оценивается в такую-то сумму, обложено такой-то суммой налога, значит оно должно приносить соответственную сумму дохода.

Но в это время в Ирландии действовала не без успеха «национальная лига», вокруг которой объединились широкие круги сельского населения, возложившие на нее свои единственные надежды. Эта лига ставила себе целью политическую и экономическую организации Ирландии. И вот в ответ на отчаянный призыв арендаторов графа Ирн лига решила оправдать на деле то доверие, которым она пользовалась в ирландских селах. Бойкот и Ирн получили от лиги решительное требование отменить новые условия сдачи земель в аренду. Но Ирн полагался на стойкость и храбрость капитана, а капитан заявил, что он не отступится от своих мероприятий, несмотря ни на что. Тогда ему была объявлена не столько война, сколько осада. Это произошло в 1880 году. Сначала Бойкот думал взять неустрашимостью. Он выезжал верхом, сопровождаемый собственной стражей, но после двух попыток вынужден был отказаться от этого. Стоило ему показаться в деревне, как раздавался набат, и все население, не исключая женщин и детей, выбегало на улицу. Его осыпали бранью, комья грязи, камни и палки летели в него и его спутников со всех сторон. Он хотел победить выдержкой. Но его хладнокровие только больше бесило волновавшуюся вокруг него

толпу, которая теснила его, не давала проезда, хватала за уздцы, грозила ежеминутно стащить с лошади и растерзать.

Бойкот был вынужден пригрозить, что будет стрелять. Но в ответ поднялся такой рев ярости, что он был вынужден выстрелить в воздух и, пользуясь минутным замешательством, ускакал в замок. Свалившийся при этом отступлении стражник был избит до полусмерти.

После этого Бойкот заперся в замке. Ему надо было действовать, так как его энергичный характер не соглашался ни на сдачу, ни на бездействие. Но никто не смел показаться в качестве нового арендатора, и Бойкот решил нанять рабочих и вести хозяйство сам. Однако из местных жителей никто не являлся предлагать свои услуги. Сколько ни писал он в разные бюро и агентства в Англию, ответа он не получил. Наконец, обнаружилось, что вся почта перехватывалась. Когда же удалось в конце концов выписать рабочих, их пребывание в имении встретило ряд неожиданных и непреодолимых затруднений. То пропадал куда-то неизвестно как транспорт провизии, то задерживалась непонятным образом присылка денег и т. д. Рабочие не смели показаться в деревне, не смели выходить на работу далеко от замка. Эти условия жизни трудно было выдержать, и партия за партией уходила обратно, и по дороге на станцию их провожала улюлюканьем вся деревня. Все служащие также покинули замок, и одно время Бойкот находился совершенно один во всем имении, и ему только оставалось в бессильной злобе наблюдать из окна, как во дворе поселяне с хохотом и гиканьем сжигали или вешали на виселице его изображение.

Между тем положение сделалось таким угрожающим, что пришлось просить о присылке солдат для охраны рабочих, которые иначе не соглашались наниматься, и кое-как сбор урожая был произведен под защитой нескольких сотен вооруженных солдат.

Эта осада продолжалась несколько месяцев, и Бойкот выдержал ее и провел хозяйственный год с грехом пополам только благодаря исключительному своему упрямству и самолюбию. Но тотчас после этого он бросил все.

Движение, поднятое земельной лигой против Бойкота, встречено было таким всеобщим сочувствием в Ирландии и в рабочих кругах Англии, что имя этого сомнительного героя сделалось популярным символом. От имени **Boycott** был образован глагол **boycott**, который вошел в русский язык как **бойкотировать**: он означает, что кого-то подвергают по политическим или экономическим мотивам изоляции, с кем-то не общаются, не поддерживают никаких отношений. А отсюда образовано было и русское существительное **бойкот**. Практика такой борьбы применялась в Ирландии и после истории с Бойкотом. Оттуда ее заимствовали рабочие профсоюзы Соединенных штатов Америки.

Откуда взялся «царь»

Юлий Цезарь (Caesar), знаменитый римский полководец и

политический деятель I века до нашей эры, завоеватель Галлии (древней Франции), Британии и Ирландии, был вождем демократической партии, боровшейся против аристократического правления. Опираясь на сочувствие широких масс и преданность своей армии, Цезарь легко завладел Италией и Римом, был облечен диктаторской властью, разбил правительственные войска в Греции, Испании и Африке, захватил Египет, мимоходом победил черноморского царя, выступившего против него, о чем сообщил в Рим тремя словами: «Пришел, увидел, победил».

Цезарю не пришлось воспользоваться плодами своих побед. Вскоре по возвращении в Рим он был убит заговорщиками во время заседания сената. Но слишком много интересов и еще больше надежд было связано с ним в войсках и в народе, слишком велика была слава и популярность Цезаря, чтобы его убийство могло вернуть власть аристократической партии. Напротив, эта смерть любимого вождя возбудила такой подъем чувств к нему, такое поклонение его памяти, что установился настоящий культ Цезаря, который в значительной степени способствовал установлению империи. Племянник Цезаря, объявивший себя исполнителем планов и намерений диктатора и принявший его имя, был не полководцем, а политиком. Не имея никаких прав на власть, которая в Риме никогда не была единоличной и наследственной, и которую Цезарь получил в совершенно исключительной обстановке, и не располагая той популярностью в войсках и народе, которой пользовался Антоний, ближайший помощник Цезаря, он принужден был искать поддержки в средних слоях населения, в тогдашней буржуазии, которая жаждала порядка и мира после пятнадцати лет гражданской войны. Напротив, революционное движение постепенно шло на убыль. В результате новый Цезарь, принявший еще наименование **Август** (что значит **блаженный** или **благословенный**), сделался главою римского государства. И так как не было слова, которое означало бы подобную единоличную монархическую власть, то имя, которое носил этот первый император, а именно **Цезарь**, стало как бы титулом главы государства. Слово **император**, постепенно заменившее впоследствии это имя-титул, первоначально означало **командир** и употреблялось специально в качестве приветствия, провозглашаемого полководцу войсками после победы, а также при торжественном шествии его по возвращении в Рим, которое называлось триумфом. Этот почетный титул стал составной частью имени, не только означая, что великий полководец обладает безусловной властью главнокомандующего даже вне военного строя, но и давая понять, что он отныне как бы справляет непрерывный и победный триумф. Таким образом имя Цезаря полностью стало: Император Гай Юлий Цезарь. Все дальнейшие императоры, начиная с Августа, сначала родственники, получавшие власть по наследству, а потом и совершенно чужие, уже принимали титул императора.

Германцы непосредственно столкнулись с самим Цезарем, когда он воевал в Галлии. Германский князь Ариовист выступил тогда против него с большим войском и был разбит Цезарем наголову. Слава великого римского

полководца могла тогда же сделать имя его известным германцам. Во всяком случае, в качестве титула римского императора имя **Caesar** знакомо германцам с самых ранних пор, это ясно из того, что германцы заимствовали это слово в его древнейшем произношении **кайсар**. Так говорил сам Цезарь и его современники. От германского **кайсар** произошло славянское **цесарь** в значении **император** — сначала имелся в виду римский, а затем и австрийский император. Русское **цесаревич** использовалось по отношению к наследнику императорского престола, а **цесарка** была курицей австрийской породы. Из **цесаря** впоследствии образовалось **царь**: титул царя был принят Иваном Грозным после покорения татарских княжеств Казанского и Астраханского; до этого он именовался великим князем московским.

От того же германского **кайсар** произошло и немецкое **кайзер** (Kaiser) — титул австрийского, а затем и германского императора.

Старинное русское слово **кесарь**, которое использовалось по отношению к римскому или австрийскому императору, заимствовано из греческой формы того же латинского **caesar**.

Можно еще упомянуть, что наши названия месяцев **июль** и **август** происходят от латинских, данных в честь Юлия Цезаря и Августа, и что от имени этого последнего образовано и прилагательное **августейший**, существующее только в превосходной форме и применявшееся к лицам царской фамилии в торжественных и верноподданнических выражениях.

Что такое «король»

Пожалуй еще более замечательный случай представляет слово **король**. Это титул государя в применении к европейским странам, например: **английский король**. Но в европейских языках такого слова (не только что титула) не существует. Оно существует только в славянских языках. Откуда же оно взялось? Оно возникло по ошибке.

Около 800 года нашей эры почти вся Западная Европа была объединена, впервые после распада Римской империи, под властью древнефранцузского князя Карла, прозванного «Великим» и принявшего в 800 году титул императора, которым до того пользовались только римские, а затем византийские (старогреческие) государи. Империя Карла Великого обнимала нынешнюю Францию, северную половину Италии и западную часть Германии. Он правил очень долго, 46 лет, а управлять таким большим государством, населенным весьма различными народами, до тех пор жившими по собственным законам и обычаям, было нелегко. Но Карл проявил огромную деятельность. Он вырубал дремучие леса, вводил земледелие, прокладывал дороги, строил города, распространял просвещение. Авторитет и слава Карла были столь велики, что его образ остался в ряде легенд и песен.

В противоположность делу и имени Цезаря, дело Карла Великого не продолжилось, его империя распалась вскоре после его смерти, а имя **Карл**

хотя и осталось одним из обычных королевских имен во Франции (на французском престоле было десять Карлов, но еще больше Людовиков – восемнадцать), однако не стало французским королевским титулом.

Зато, как это ни странно, имя **Карл** стало титулом славянских государей. И это произошло в результате простого недоразумения.

Имя Карла Великого, как главы могущественной империи, было знакомо славянам не только понаслышке. Они граничили с пределами этой империи на востоке. Соседство в то время означало оживленные сношения: набеги при благоприятных условиях, торговые сношения тогда, когда нападать было рискованно. Карлу не раз приходилось выступать против соседних славян, чтобы отогнать их подальше от границ, в глубь сплошных лесов, покрывавших восточную Европу, или завоевывать ближайшие славянские области. Так он подчинил полабских славян, живших по течению нынешней Эльбы, чехов и сербов (предков нынешних сербов и хорватов), в своих походах заходя и дальше на восток, вплоть до нынешней Польши, и защищая от южных славян свои границы сплошным рядом укрепленных постов. И вот в представлении этих полуподчиненных или пограничных славян – чехов, поляков, болгар, сербов – имя Карла в латинской форме **Каролус, Карлус** крепко связалось с понятием могущественного государя и было понято ими как титул, а не как собственное имя, и удержалось для обозначения европейского государя в отличие от византийского и австрийского **цесарь**. Вспомним: в один прекрасный день московский князь решил, что он достаточно могущественен, чтобы тоже называться царем, тем более, что Византийской империи был положен конец турецким завоеванием, и совершенно так же однажды чешский, а затем и польский князь сочли, что им пора сделаться «королями».

Самое имя **Карл** означало в старонемецком языке просто **человек, муж**, иногда **старик**, а современная немецкая форма **Karl** переводится как **парень**.

Любопытно, что от старонемецкого слова, ставшего собственным именем **Карл**, а затем славянским титулом **король**, произошло и наше слово **карлик**, старинное **карла**, перешедшее к нам, по-видимому, вместе со сказками и суеверными представлениями. Старинные немецкие рудокопы создали представление о горных духах в образе маленьких бородатых человечков, живущих под землей и оберегающих руду. Их штукам, между прочим, приписывалось нахождение в горной руде взамен меди другого металла, что приводило старинных рудокопов в большую досаду, так как им этот металл был ни к чему; они называют его «медный бесенок», и имя этого бесенка сохранилось до сих пор в названии **никель**: **никель** является уменьшительной формой от **Ник**, имени, которым называли беса, чтобы не портить с ним отношений. Образ маленького человечка, первоначально старичка, и перешел в русский и другие славянские языки со словом **карла, карлик**. Вспомним, что карликом изображается злой волшебник Черномор в «Руслане и Людмиле» Пушкина.

С этим же словом **карл** произошло еще одно недоразумение, в

результате которого явился **кролик**. Германцы узнали этого зверька под латинским названием **куникулус**, которое, в свою очередь, восходит к иберскому, то есть древне-испанскому, слову, буквальное значение которого неизвестно. Латинское **куникулус** звучало очень похоже на старонемецкое **куниклин**, что означало **царёк**: **куниклин** – уменьшительное от **кунинг** (kuning), от которого произошло современное немецкое **König** (король) и русское **князь**. Через немцев познакомились с кроликом чехи и поляки и перевели его название своим **кralik**, **кролик** (krolík), что тоже значит буквально **королёк**.

Русский язык усвоил **король** из польского **krol**.

Названия карточных фигур **король** и **королева** пришли к нам вместе с самими фигурами из Польши, вернее из Чехии; об этом свидетельствует слово **кralя** – так в некоторых областях России называли карточную королеву. **Кralя** в смысле **красавица** вошло в русский язык через украинский тоже из польского, от **krolowa**, что означает собственно **королева**.

Карьера святого Фиакра

Фиакр (fiacre) по-французски означает **извозчик, извозчий экипаж**. Слово **fiacre** на самом деле представляет собственное имя и притом, странным образом, имя католического святого. История святых – дело довольно темное, и святой Фиакр, может быть, – весьма сомнительная личность. Согласно легенде, Фиакр был уроженцем Ирландии, и его настоящее, ирландское, имя было будто бы Фефр. Имя же **Фиакр** он получил во Франции, куда переселился, чтобы вести отшельническую жизнь. Почему он не мог заниматься этим в Ирландии, непонятно. Вероятно, его приход во Францию был непонятен и местным жителям, которые встретили его насмешками, в особенности женщины. Тогда, чтобы показать, что он за человек, Фиакр стал волочить за собой свой дорожный посох, и там, где он оставлял след на земле, раскрывался ров. Это – единственное, что Фиакр совершил вообще, потому что после этого он сделался отшельником. Как бы то ни было, Фиакра объявили святым и днем празднования его сделали 30 августа.

К концу средних веков святой Фиакр достиг некоторой популярности, чему способствовало то, что у него оказались две специальности. Во-первых, он сделался покровителем садоводства, так что его статуя или икона нередко украшала фасад дома, хозяин которого был заинтересован в процветании своего сада. Во-вторых, считалось, что никто лучше его не помогает при поносе. Так, именно его помощи приписывали выздоровление французского короля Людовика XIII. Извозом же святой Фиакр занялся совершенно случайно. Дело в том, что наёмные экипажи, извозчики, появились в Париже впервые около 1630 года. До того были в ходу только частные кареты и в особенности легкие крытые носилки – портшезы* (***Porte-chaise** составлено из глагола **porter** (носить) и **chaise** (стул) (*Прим. ред.*)). Содержать лошадей или

носильщиков стоило дорого, и их могли иметь лишь верхи столичного общества. Сообразив это, некий Николай Соваж открыл первый в Европе извозчий двор. Дом, который он для этой цели нанял на улице Сен-Мартен, имел на своем фасаде икону святого Фиакра и поэтому был известен как **особняк святого Фиакра** (hotel de St Fiacre). Этой случайностью объясняется новая карьера святого. Он стал покровителем, «патроном» извозчиков; наемный экипаж стал называться коляской святого Фиакра, коляской Фиакра, а затем и просто **фиакр**. В этой новой роли имя святого Фиакра получило такую популярность, с которой ни в какой мере не может сравниться его деятельность в области садоводства и медицины.

Географические слова

Множество слов образовано от названий стран, народов, городов – тех мест, откуда была получена, заимствована та или иная вещь. Типом таких образований в русском языке может служить **венгерка** – название танца венгерского происхождения, а также венгерского сорта сливы. Другой пример: **килька** – так называли у нас мелкую сельдь, привозимую из немецкого города Киля на Балтийском море. **Болонка** – комнатная собачка болонской породы, из города Болоньи в Италии. **Феска** – войлочная красная шапочка в форме усеченного конуса, фасон которой идет из города Феса в Марокко. Чисто русским словом такого рода является **Владимирка** – знаменитая дорога из Москвы на Владимир, по которой в старину гнали осужденных по этапу в Сибирь. **Антоновкой** и даже **антоном** называется антоновское яблоко, сорт, которым славилось село Антоновка на средней Волге.

Но этот тип словообразования не свойствен русскому языку. **Оренбургский платок, киевское варенье, вяземский пряник, уральский самоцвет** не превратились в **оренбурку, киевку, вяземку** и пр. Напротив, в западноевропейских языках, особенно французском и английском, подобные выражения легко поддаются сокращению, потому что не требуют образований нового слова с помощью определенного окончания (как у нас посредством **-ка**), а образуются просто опущением существительного, которое первоначально подразумевается, а затем и вообще выпадает, так как само прилагательное становится существительным. В русском языке также встречается превращение прилагательного в существительное, например, **борзая** (собака), **скорый** (поезд), **горючее** (вещество), но не в случаях с прилагательными географического порядка. Только **шампанское** – название игристого вина, образованное от **Шампани**, по названию области во Франции, настолько стало самостоятельным и потеряло географический смысл, что мы спокойно говорим, например, о донском шампанском.

Таким образом, ряд названий городов стал названием предметов, которые в них производились или из них вывозились: **Бордо** и **Нюи** (Франция), **Мадера**, **Херес**, **Малага** (Испания) стали названиями вин; **Шевиот** (Шотландия), **Нанкин** (Китай), **Мадаполам** (Индия) стали

названиями тканей; **Шаль** (Индия) – дало название теплому платку, **Боксит** (Франция) – сорту глины, **Бостон** (Америка) – карточной игре, **Мокка** (Аравия) – сорту кофе, **Гавана** (Куба) – сорту сигар, **Макао** (Южный Китай) – виду азартной игры. Сюда же относятся следующие слова: **меренги** (вид пирожного) – от немецкого города Меринген, **майолика** (сорт фарфора и посуды из него) – от названия (в итальянской форме) острова Майорки близ Испании, **муслин** (сорт ткани) – от названия (во французской форме) города Моссула в Сирии. **Фильдекос** значит по-французски буквально **шотландская нить**; **портвейн** – по-немецки **вино из Порто** (Порто – город в Португалии); **майонез** – по-французски значит **майонский** (от города Майон на острове Минорке); **провансаль** значит **прованский** – потому что в этот соус входит прованское масло (которым славится Прованс, область в Южной Франции). **Топаз** – по названию острова в Красном море; **фаянс** – по названию (во французской форме) города Фаенцы в Италии, **каолин** (сорт фарфоровой глины) – по названию горы в Китае. Слово **оттоманка** происходит от французского **оттоман**, что значит **османский, турецкий**; **фазан** – немецкая форма греческого **фасианос**, прилагательного от **Фасис**, названия реки на Кавказе (теперешнее название этой реки – Риони); **савой** (сорт капусты) – по названию Савойи, области во Франции.

Во всех этих словах названия города или местности еще может быть узнано. Но в ряде случаев они изменены до неузнаваемости при переходе из языка в язык. Так **апельсин** – немецкое слово, переделанное из голландского, в котором оно значит буквально **китайское яблоко**; **балдахин** – немецкая передача старинного итальянского слова, означающего **багдадский** (так первоначально назывался шелк, вывозимый из Багдада и употреблявшийся в особенности для занавесей и навесов); **тайфун** – китайское слово, означающее **ветер с Формозы**: Формоза – остров у берегов Китая, известный нам как Тайвань (**Тай** – китайское название Формозы). **Рюмка** произведена от голландского слова, означающего **римский** (подразумевается – стакан); **пергамент**, в котором буква **т** добавлена по аналогии с **документ** и другими похожими словами, означает по-латыни буквально **пергамский**, так как этот род писчего материала из особо выделанной тонкой кожи изготовлялся первоначально в Пергаме, древнем городе Малой Азии.

Галоша (калоша) восходит в конце концов к латинскому слову, означавшему **галльская** (подразумевается – обувь). В давние времена еще не знали, конечно, резины, а называли этим словом особого рода дорожную обувь.

Сардоническим мы называем теперь горький, язвительный, мрачный смех. Но **сардонический** означает по-гречески буквально **сардинский**, происходящий с острова Сардиния в Средиземном море, близ Италии. В древности существовало поверье, что на этом острове растет такая трава, которая, если ее поест, вызывает судорожное искажение лица, подобное улыбке или смеху. Такая гримаса смеха, при которой отсутствует всякая веселость и которая, напротив, является выражением мучений, должна

казаться жуткой. Отсюда наше значение. Идея подобного насильственного механического смеха положена в основу известного романа В. Гюго «Человек, который смеется».

Вокзал теперь означает у нас здание станции на железной дороге. Но **Воксхолл** (Vauxhall) – это, собственно, название старинного поместья, которое находилось под Лондоном, южнее Темзы. Этот участок был приобретен в казну и здесь со второй половины XVII века устроен был городской открытый сад, служивший излюбленным местом для прогулок. В 1732 году в этом саду некий предприниматель Тайерс открыл увеселительное заведение, которое после его смерти содержал его сын, а затем внук. Став местом развлечений, Воксхольский сад приобрел еще большую популярность. Наибольшей известности он достиг в 20-х годах XIX века, когда к его названию был даже добавлен титул **королевский**. В подражание этому Воксхольскому саду был организован подобный же сад развлечений с увеселительным заведением в Париже и других городах, в том числе и в Петербурге, где подобием его явился «Екатерингоф», устроенный Милорадовичем, известным героем войны 1812 года, который здесь сильно запятнал свою боевую славу растратами городских капиталов и развратом. Уже этот сад мог называться петербургским «вокзалом» – так во французском произношении пришло к нам английское **Vauxhall**. Но после смерти Милорадовича, убитого во время восстания декабристов в 1825 году, его дело вскоре потеряло тот великосветский и пышный характер, на которые претендовал генерал.

Первым «вокзалом», еще в смысле увеселительного заведения с садом, было подобное предприятие в Павловске: здесь открылись увеселительные заведения при станции первой в России железной дороги – Царскосельской. Николай I очень гордился железной дорогой и всячески поощрял новый способ передвижения, которого на первых порах все побаивались. Для привлечения пассажиров и были организованы увеселения в Павловске. А так как в этом случае сад совпадал со станцией и так как станцией в то время привыкли называть почтовую станцию, где сменяли лошадей, то это новое слово **вокзал** и стало вскоре означать здание железнодорожной станции.

Глава 6

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ

Библейские образы

Библия и евангелие оказывали в свое время огромное влияние на людей не только непосредственно, но и через ряд поколений, воспитавшихся на них. Но в особенности широко было влияние библейского и евангельского языка. Эти сборники написаны местами с большой поэтической силой. Своими литературными достоинствами они действовали

даже тогда, когда религиозный или моральный смысл их оставался чуждым. Поэтому ряд живописных образов и выражений библии и евангелия был усвоен издавна в русском языке, не говоря уже о христианских и церковных терминах вроде **ад, геенна, ангел, аминь, анафема, маммона**.

Таковы, например, выражения **вавилонское столпотворение, поцелуй Иуды, валаамская ослица, ноев ковчег, голгофа, конь бледный, соль земли, седьмое небо, не трудящийся да не ест, плоть от плоти, глас вопиющего в пустыне, первые да будут последними**.

История некоторых подобных образов и выражений особенно поучительна как пример живучести и гибкости литературного наследия в использовании его при совершенно различных условиях.

Талант означает теперь **дарование**. Это – древнегреческое слово **talanton**, которым называли меру веса золота и серебра, и которое затем означало сумму денег, соответствовавшую этому весу. Талант серебра стоил приблизительно 3000 рублей, талант золота раз в десять больше. Но что же общего между первоначальным значением этого слова и современным? Решительно ничего. Как же в таком случае **талант** получил такое неожиданное новое значение? Это произошло исключительно под влиянием евангельской притчи. Притча эта гласит:

«Некий человек, отправляясь в чужую сторону, призвал рабов своих и поручил им имение свое. И одному он дал пять талантов, другому два, третьему один, каждому по его способностям. И отправился в путь.

Получивший пять талантов раб пошел и пустил их в дело и нажил на них другие пять талантов. Также и тот, который получил два таланта, приобрел на них еще два. Раб же, получивший один талант, пошел и закопал его в землю.

После долгого отсутствия возвратился хозяин и потребовал у них отчета. И явился раб, получивший пять талантов, и сказал:

–Господин! Ты дал мне пять талантов. Вот я приобрел на них еще пять.

И хозяин похвалил его. И подошел другой, получивший два таланта, и сказал:

–Господин! Ты дал мне два таланта. Вот я приобрел на них еще два.

И хозяин похвалил его.

И подошел третий, получивший один талант, и сказал:

–Господин! Я знал, что ты человек жестокий, и, убоявшись, я скрыл талант твой в землю. Вот получи свое.

И сказал хозяин:

–Ты раб трусливый и ленивый! Ты мог приумножить мое Богатство и не решился. Выбросьте его вон»* (*Притча дана в пересказе. См. Евангелие от Матфея, гл. 25, ст. 14-30. (Прим. ред.))

Смысл притчи ясен: долг человека – отдавать свои силы и способности на служение добру, хотя бы рискуя сделать ошибку, но только не беречь их без пользы под спудом. Этот нравственный долг человека определяется «по способностям».

Сумма денег здесь означает уровень или объем способностей, задатков

человека к деятельности в жизни. Эта иносказательно выраженная идея понравилась, произвела впечатление, была усвоена. В подходящих случаях, когда человек выказывал нерешительность и лень в отношении своих способностей (эти случаи были часты в школе, в монастыре, в мастерской), получило распространение выражение **зарыть свой талант в землю**. Наконец и просто **талант** стал означать **дарование**. Таким образом новый смысл этого слова явился в качестве переносного, иносказательного, обусловленного ситуацией евангельской басни.

Всем известно выражение **не отступать ни на йоту**, или **не уступать, не изменить ни йоты**. Но **йота** (iota) по-гречески является только названием буквы **і**. Откуда же этот теперешний смысл? Опять-таки из евангельского выражения.

В так называемой «нагорной проповеди» Христос, по преданию, сказал между прочим: «Не думайте, что я пришел нарушить закон, не нарушить пришел я, а исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота не прейдет из закона, пока не исполнится все, предсказанное пророками»* (*См. Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 17-18. (Прим. ред.)).

Но что значит здесь **йота закона**? Это объясняется из практики греческого письма. Во многих случаях буква **і**, после гласной произносившаяся как наш **и**, уже не произносилась, как например в слове **ад** (наряду с более старым **Аид: Aides** – имя Бога, который, по греческим мифам, царствовал в подземной обители мертвых). В таких случаях буква **і** не писалась рядом с предшествующей гласной, а обозначалась маленькой черточкой под этой гласной. Пропуск этой черточки не имел никакого значения для произношения, но строгие правила правописания продолжали требовать добавления этой черточки, подобно тому как в нашей дореволюционной орфографии требовалось присоединение твердого знака, ставшего давно мертвой, ненужной буквой. Иисус, говоря о нарушении закона, имел в виду, конечно, законы Моисея в составе Ветхого завета, то есть религиозные предписания, которые были священными в глазах древних людей и не допускали ни малейшего изменения. Поэтому выражение **ни одна йота не пропадет в законе** подчеркивает утверждение Христа о незыблемости его: не только текст закона от слова до слова не подлежит изменению, но даже ни одна буква не должна быть в нем пропущена или изменена, и даже черточка, переставшая быть буквой и оставшаяся лишь мертвым законом древнего правописания, должна сохраняться в нем так, как она стояла в нем испокон веков.

Из евангельского текста пришло в русский язык слово **лепта** в значении **взнос, вклад**, тогда как греческое **lepton** означало мелкую медную монету, которая находится в обращении в Греции до сих пор. Евангельское предание рассказывает:

«Иисус сел (в храме) против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в нее. И многие богатые клали много. Но вот пришла бедная вдовица и положила в сокровищницу мелкую монету в две лепты.

И, подозревая учеников своих, Он сказал им:
–Истинно говорю вам, что это бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Потому что все клали от избытка своего, она же от скудости своей, так как положила все, что имела, всё пропитание свое»*
(*См. Евангелие от Марта, гл. 12, ст. 41-44. (Прим. ред.)).

Более сложна история слова **филистер**, которое заимствовано нами из немецкого языка:

Philister – так называли обывателя с мещанским складом мыслей и образом жизни, с узким кругозором, человека, который формально, рутинно, предубежденно относится ко всему. Буквально же это слово означает по-немецки **филистимлянин**. Филистимляне, по библейскому преданию, были первоначальными жителями Палестины и находились в постоянной вражде с пришедшими туда позднее иудеями. Библия относится, понятно, к этим врагам иудейского племени очень враждебно, но отсюда никак не объясняется немецкое и русское значение этого слова. Объяснение надо искать в том, что это слово получило свое новое значение в студенческой среде, которая в старинной Германии была преимущественно дворянской и отличалась большой заносчивостью и своеволием. В особенности в небольших, чисто университетских городках, таких, как Иена или Гейдельберг, студенты мнили себя особым сортом людей, стоящим неизмеримо выше жалких ремесленников, составлявших главную массу горожан, и не упускали случая позабавиться насчет этих последних. Шутки эти иногда заходили очень далеко и переходили в скандалы и драки. Обыкновенно тот или иной обыватель, который становился жертвой нахальных молодцов, не мог с ними справиться и спешил укрыться от них в собственном или знакомом доме. Но иногда, когда дело заходило слишком далеко, горожане объединялись, и драки происходили с переменным успехом. Бывало, что некоторое время велась форменная война, с засадами, укреплениями. Это могло само по себе подать повод к сопоставлению горожан с филистимлянами, постоянными врагами иудеев. Но этому способствовало и следующее обстоятельство.

Однажды, это было в 1785 году, в одной из таких схваток дело кончилось тем, что один студент был убит. Это произвело большое волнение не только в студенческих, но и в университетских кругах. При погребении пастор университетской церкви произнес проповедь; темы для проповедей полагалось брать на библейские тексты, и пастор взял за основу смерть иудейского царя Саула, павшего в бою против филистимлян. Это сопоставление было лестным для студента, хотя пастор имел в виду внушить молодежи, что убитый студент погиб в результате собственной буйной жизни и дурной нравственности, подобно тому, как Саул пал потому, что не угодил Иегове*. (*Иегова, или Яхве (Yahweh), – основное имя Бога в Ветхом завете. (Прим. ред.)).

Этот случай как бы узаконил переносный смысл слова **филистимляне**, которое было первоначально племенным названием. Впрочем, установление переносного значения **ограниченный мещанин**

было поддержано созвучием слова **Philister** (филистимлянин) с намеком **пфистер** (булочник).

Содом является в сущности также географическим словом – это название древнего города в Палестине. Но наш смысл возник под влиянием библии.

Книга Бытия рассказывает, что два города, Содом и Гоморра, считались особенно погрязшими в пороках и нечестии.

«И сказал Бог:

–Вопль содомский и гоморрский – велик он, и грех их тяжек весьма. Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко мне, или нет; узнаю»*. (* См. Книга Бытия, гл. 18, ст. 20-21. (Прим. ред.))

Здесь имеется в виду следовательно вопль жалоб и нареканий соседних жителей против бесчинств, творимых в Содоме и Гоморре, а вовсе не какой-то беспорядок и крик в самих этих городах. Но церковно-славянский текст и даже традиционный перевод, как видно из приведенных здесь слов, не очень вразумителен. Немудрено, что **воплъ содомский и гоморрский** был понят именно как крик жителей этих городов, тем более что дальше рассказывается, что они были истреблены серным и огненным дождем. Оба выражения легко сплелись в один образ города, полного воплей, ужаса и боли. Отсюда наше значение **содома** как полного беспорядка.

В смысле, довольно близком нашему **содому**, употребляется и выражение **бедлам**; оно означает полный сумбур, обстановку, подобную сумасшедшему дому в обывательском его понимании, которое, по-видимому, представляло себе это учреждение как сплошную кутерьму, производимую всеми содержащимися в нем сумасшедшими сразу. Английское **бедлам** (bedlam), действительно, означает название сумасшедшего дома в Лондоне, а в переносном смысле это то же, что и у нас. Но откуда самое название **бедлам**? Это не что иное как испорченное **Вифлеем** – по-английски **Бетлем** (пишется **Bethlehem**). Официально этот дом для сумасшедших назывался **Вифлеемским госпиталем**. Это было первое учреждение подобного рода в Англии и второе во всей Европе, основанное в XVI веке. Первый в Европе дом сумасшедших учрежден был в Гренаде, в Испании, еще раньше. Но Бетлем был больницей еще раньше, с XIV века. Лечебница для умалишенных получила это название по наследству.

Дело в том, что еще крестоносцами был учрежден в Палестине «Орден Вифлеемской звезды». Этот орден основал в 1247 г. свое подворье (филиал) в Лондоне с церковью Святой Марии Вифлеемской. Как это не раз случалось с европейскими монастырскими и орденскими зданиями, и это здание в XIV веке было отведено под больницу. Но еще до этого здесь было нечто вроде приюта, который был устроен в этом подворье, потому что к этому обязывало самое название ордена. Ведь Вифлеем был небольшим городком в Палестине, на окраине которого, по евангельскому преданию, родился Христос и был положен в ясли за неимением более подходящего помещения. Этот образ яслей стал символом приюта: у нас до сих пор ясли –

приют или помещение для временной заботы о маленьких детях. Вифлеемский орден не мог, конечно, не иметь подобного учреждения.

Бетлем (Bethlehem) со временем стали произносить **Бедлэм**, и под этим словом, которое вошло в русский язык как **бедлам**, все чаще подразумевали сплошную суматоху и полную неразбериху.

История одного термина

Слово **галерея** имеет теперь несколько значений: оно означает длинный проход или коридор вдоль наружной стены, снабженной окнами или целиком застекленной; отсюда – помещение для выставки, музей и самое собрание картин или других вещей, и далее, уже в переносном смысле, – вереница, например, литературных образов, вспоминаемых или воображаемых лиц, ряд общественных деятелей и т. п. С другой стороны, галереей называют подземный коридор, например, в руднике. Наконец, галереей, или попросту галеркой, называется верхний ярус театра, где расположены самые дешевые места, а иногда также и хоры в зале заседаний или зрительном зале.

Все эти значения восходят, как и самое слово, к средневековой церковной архитектуре. Здесь галереей назывались колоннады и открытые коридоры снаружи храма как на самой земле, так и на разных этажах здания. Откуда это название? Из евангельского выражения, вернее, из приведенных в евангелии слов древнееврейского пророка Исая:

«Земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая;

Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий»* (*См. Матфея, гл. 4, ст. 15-16. (Прим. ред.))

Галилея, область, уроженцем которой был Христос, действительно считалась правоверными иудеями страной полуязыческой, потому, что влияние иерусалимского духовенства не могло уничтожить в ней многих местных обычаев и обрядов.

Вот это-то выражение «Галилея языческая» и было перенесено на некоторые, менее «святые» части средневековых церквей, например на преддверие, паперть, боковой проход, балкон, пристройку к основному корпусу, на боковой, чаще всего западный притвор церкви, в противоположность главному, центральному помещению. Эти боковые, часто наружные пристройки средневековых соборов обычно представляли собой колоннады, открытые наружу переходы, коридоры или узкие террасы. Поэтому впоследствии и всякое сооружение такого типа получило это же название **галилея**. Но когда в слове имеются два **л** или два **р**, одно из них нередко переходит в соответствующий родственный: одно из **л** в **р** или одно из **р** в **л**. Так, вместо **коридор** иногда говорится **колидор**. Таким же образом **галилея** обратилась в **галерею**.

Театральная галерка названа так по аналогии с церковными галереями Европы, которые в русском языке называются хорами. Совершенно так же

название **хоры** из церковного обихода перенесено было у нас на балконные сооружения над зрительной залой или залом заседаний.

Так название области, благодаря своего рода игре слов, каламбуру, внушенному случайным впечатлением от библейского выражения, превратилось в название части храма, а отсюда в архитектурный термин.

Лазарет

Лазарет теперь означает больницу, но не общую, открытую для всех граждан, а состоящую при учебном заведении, месте заключения, заводе, военной части, то есть там, где необходимо самостоятельное медицинское обслуживание большого скопления людей. Откуда это название и почему оно имеет такой ограниченный смысл? Из христианской легенды.

Евангелие от Луки передает следующую притчу, рассказанную будто бы Христом в назидание книжникам и фарисеям:

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно.

Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот богача в рубище и в струпьях и радовался крошкам, падающим со стола богатого. И псы лизали гной его.

Умер нищий и отнесен был ангелами в рай, на лоно родоначальника иудеев, Авраама. Умер и богач и оказался в аду. И, находясь в муках, он поднял глаза свои и увидел издали Авраама и Лазаря в райском месте и воскликнул:

—Отец Авраам, умиلسердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы он омочил палец свой в воде и охладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени.

Но Авраам сказал:

—Вспомни, что ты получил свою благую долю в жизни, как и Лазарь свою злую. Теперь же он здесь утешается, а ты страдаешь»*. (*См. Луки, гл. 16, ст. 19-25. (Прим. ред.))

С другой стороны, евангелие от Иоанна передавало предание о воскрешении Христом некоего Лазаря (совсем другого), о болезни которого он был извещен, но которого застал уже похороненным, когда пришел в этот город**. (** См. Иоанна, гл. 11, ст. 1-44. (Прим. ред.))

Оба эти евангельские образа – Лазаря-нищего и Лазаря-больного – были сближены в средние века под влиянием церковных проповедей и призывов к благотворительности и милосердию в отношении бедных и несчастных, которых поэтому так и называли **лазарями**. Средние века отличались твердым общественным разделением, которому способствовали крепостное хозяйство и феодальный строй. Не только сословия были резко разграничены и замкнуты, но и различные профессии были объединены в цехи. Были цехи литейщиков, бочаров, суконщиков, кузнецов, портных, врачей. В своего рода цехи объединялись и воры, также строго соблюдая свою специализацию – карманников, взломщиков, конокрадов, а также и нищие. В романе французского писателя В. Гюго «Собор парижской

Богоматери» очень живо и картинно изображен случай, когда подобное объединение нищих и бродяг средневекового Парижа обнаружило такую силу и верность, что было в состоянии поднять вооруженное восстание для освобождения одного из своих товарищей.

Каждый цех имел свои обычаи, свои особые законы, свое управление, своего святого-покровителя. Святые имели также каждый свою профессию, свою специальность: один помогал от засухи, другой от града; один от зубной боли, другой от колик, третий от судорог; один при пропаже вещей, другой при путешествии, третий при совершении сделки. Забавное перечисление этой до нелепости доведенной специализации святых дает дьякон Ахилла в «Соборях» Лескова, указывая, какому святому в каких случаях надо молиться:

«Об исцелении от трясовичной болезни – преподобному Марою.

От огрызной болезни – великомученику Артемию.

Если возненавидит муж жену свою – мученикам Гурию, Самону и Авиву.

Об отогнании бесов – преподобному Нифонту и Моисею Угрину.

От винного запойства – мученику Вонифатию и Моисею Мурину.

О сохранении от злого очарования – священномученику Киприяну и святой Устинии.

Об обретении украденных вещей и бежавших рабов – Феодору Тихону и Иоанну Воинственнику».

Имели своего покровителя и нищие: это был, конечно, святой Лазарь.

Религия проникала во все стороны средневековой жизни. Причт каждой церкви имел большую власть в своем квартале города, и нищие, существование которых зависело наполовину от доброй воли властей, а наполовину от милости состоятельных граждан, естественно, должны были находиться под покровительством церковных организаций. Церковь же не могла им в этом отказать, так как, по крайней мере на словах, учила, что все люди «братья», хотя и не в действительности, а «во Христе». В частности, подача милостыни, как показывает и самое это слово, поощрялось церковью как богоугодное дело, хотя лицемерие и здесь создало звучащий по-христиански жесткий ответ на просьбу нищего: «Бог подаст».

Церковная паперть всегда была своего рода «рынком нищих», которые демонстрировали здесь свои увечья, уродства и язвы в наиболее выгодном свете, чтобы сильнее возбудить сострадание шествующих в церковь и из церкви почтенных граждан, разодетых в праздничные костюмы. В этом нищие и калеки достигали большого искусства. До недавних дней на церковных папертях или у входа в церковь наших провинциальных городов еще можно было видеть ряд слепцов и калек, гнусаво поющих традиционный духовный стих:

Эй вы, люди умные, люди вы ученые,
Над колом не писаны, над попом поставлены,
Поведайте, что есть один?
– Один сын у Марии, царствует и ликует

Господь Бог над нами.
Эй вы, люди умные, люди вы ученые,
Над колом не писаны, над попом поставлены,
Поведайте, что есть два?
Два скрижаля каменных.
Один сын у Марии, царствует и ликует,
Господь Бог над нами...

В таком же порядке задаются вопросы до двенадцати, так что последний ответ гласит:

Двенадцать апостолов,
Одиннадцать праотец,
Десять божьих заповедей,
Девять в году праздников,
Восемь кругов солнечных,
Семь чинов ангельских.
Шестикрылый серафим,
Пять ран у Христа,
Четыре евангелия,
Три патриарха на земле,
Два скрижаля каменных,
Один сын у Марии, царствует и ликует...

И опять повторялось все сначала. Эта нелепая песенка составлена по типу «Сказки о репке», в которой каждый раз перечисляется нарастающее количество действующих лиц.

Но первоначально основной их песней был стих о святом Лазаре, представляющий развитие евангельской притчи:

Жил на свете славен богатырь,
Пил, ел сладко, ходил хорошо,
Было у богатого злата-серебра,
Дорогого камня, скатна жемчуга *;
Не было у богатого спасеной души.
Как был же у богатого родимый брат,
Убогий старик Лазарь во гною.
Приходил тот Лазарь к брату под окно,
Закричал-завопил громким голосом:
—Милостивый братец, богат человек,
—Христа ради, братец, напой-накорми.
—Срамным словом богач брату отказал
И убогому Лазарю сам проговорил:
—Как ты меня можешь братом называть?
Как ты меня смеешь родным нарицать?
Этакого брата в роде моем нет,
Этакого срамного слыхом не слыхать.
Есть у меня братья, каков я сам,
У которых много злата-серебра,
У которых много скатна жемчуга.
Есть у меня, богатого, два лютые пса:

Вот тебе, Лазарю, два брата родных.
А те псы на столики похаживали,
Мелкие крошечки собиравали,
К убогому Лазарю принашивали
И тем его, убогого, пропитывали
И гноющие раночки зализывали!
(*Скатный жемчуг – крупный, ровный, будто скатанный. (Прим. ред.))

После смерти Лазаря, когда ангелы отнесли его душу «в прекрасный рай», спустя «не долгое времечко, часок погодя», заболел и умер богатый и очутился в аду, в кипящей смоле.

Немного времечко, часок погодя,
Не смог богатый муки сотерпеть,
И завидел богатый брата во раю.
– Милостивый братец, святой Лазарь,
Сходи ты, братец, на сине море,
Обмочи ты, братец, хоть мизин-перст*,
Охлади ты, братец, мои уста.
Не дай же ты, братец, мне всему сгореть.
(*Мизинец. (Прим. ред.))

Кончается стих той же отповедью, как и в притче.

Отсюда создались выражения **лазаря петь, лазарничать** в значении **клянчить, жалобиться, подлещиваться**. Лазарем называли в старину и попрошайку, и человека, который приbedнялся и старался вызвать к себе жалость.

Своими нищими были особенно знамениты большие города Италии. Неаполитанские и римские лаццарони (lazzaroni), что буквально **лазари**, составляли до недавнего времени неотъемлемую принадлежность этих городов. Одетые в живописные лохмотья, в которые они умели гордо драпироваться, эти нищие проводили всю жизнь на рынках, улицах, папертях, в полном безделье и беспечности, потому что считали ниже своего достоинства искать работы, живя случайными, сомнительными заработками, по возможности же на чужой счет.

Но святой Лазарь был в средние века покровителем не только нищих и убогих. У него было и еще более мрачное ведомство – прокаженные. Проказа – неисцелимая заразная кожная болезнь, которая занесена была с востока крестоносцами и паломниками, ходившими на поклонение «святым местам» в Палестину, и, естественно, была отождествлена с упоминаемой в евангелии «проказой», хотя это была, по-видимому, совсем другая болезнь. Под влиянием того же ошибочного впечатления и упоминаемые в притче о Лазаре струпья и гной были поняты как признаки проказы. Таким образом, Лазарь-нищий и Лазарь-больной еще раз слились в образе Лазаря-прокаженного, который вследствие этого стал покровителем прокаженных и дал им свое имя. Итальянское **лаццаре**, буквально **Лазарь**, значило **прокаженный**.

Идеи изолятора и карантина в то время не было, государство средних веков не сразу доросло до того, чтобы взять на себя уход и содержание прокаженных; оно только следило, чтобы они не проживали вблизи городов и деревень. Заботу о них, как и о нищих и калеках, брала на себя церковь, которая вменяла гражданам в обязанность снабжать несчастных изгнанников необходимой пищей. Это увековечено знаменитой картиной немецкого художника Гольбейна, написанной в 1516 году и изображающей святую Елисавету, подающую пищу группе прокаженных. Но чтобы предупредить заражение, общение с прокаженными было обставлено некоторыми предохранительными мерами. Прокаженные должны были быть одеты в длинный мешок, в котором сделаны были только два прореза для глаз, и к которому привязаны были колокольцы. Колокольцы должны были предупреждать о приближении прокаженного.

Однако уже в XI веке существовал рыцарский орден «гостеприимцев святого Лазаря», посвятивший себя заботам о прокаженных и учредивший в Иерусалиме особый приют для них. Их глава, «великий магистр», по уставу должен был сам быть прокаженным. После того, как арабы вытеснили крестоносцев из Палестины, подобные учреждения монашествующих рыцарских организаций перенесены были в Европу.

Так возник ряд старинных больниц, самой известной из которых является «Больница святого Лазаря», основанная близ Парижа в начале XII века. В XVI веке она вошла в состав большого монастыря, возникшего здесь и еще до Великой французской революции 1789 года превращенного в государственную тюрьму. Сюда был отправлен знаменитый Бомарше, автор комедии «Свадьба Фигаро», тотчас после первого представления этой пьесы; здесь же заключен был во время революции поэт Шенье, воспетый Пушкиным в стихотворении, едва не приведшем его самого к такой же участи. Со времен Наполеона и до сих пор здесь устроена женская тюрьма, сохранившая свое средневековое название «Святого Лазаря».

Проказа была очень распространенной болезнью в средневековой Европе. Насчитывалось до 19000 убежищ для содержания прокаженных во всех больших городах. Так что, казалось бы, именно здесь, в применении к этим убежищам прокаженных, легче всего было возникнуть слову **лазарет**. Может быть, это так и было. Но в таком случае употребление этого слова оставалось чисто случайным, обывательским, тогда как во всех документах и исторических текстах эти убежища называются всегда лепрозориями: от латинского **leprosus** (прокаженный). Эти убежища отнюдь не были больницами, так как проказа и теперь еще неизлечима. Как бы то ни было, понадобилось более грозное бедствие, чем проказа, для возникновения лазарета. Этим бедствием была чума.

Чума явилась в Европу из Крыма, перенесенная оттуда греками и итальянцами из греческих и итальянских колоний крымского побережья. Чума разразилась прежде всего в Сицилии и Константинополе в 1346 году, распространившись отсюда по Греции и южной Италии в следующем году, затем по северной Италии, южной Франции и Германии и наконец по

Испании, северной Франции, Англии и Скандинавии. «Черная смерть», как называли тогда чуму, наступала, как наводнение, затопляя город за городом смертью и ужасом. Люди гибли десятками тысяч, и страх был так велик, что умершие оставались без погребения, заболевшие – без ухода. Уцелевшие бежали в панике, население охватывалось массовым помешательством, разбои и преступления стали обычным явлением, целые области обращались в пустыни. С тех пор чума не переставала вспыхивать в отдельных местностях Европы. Особенно губительны были эпидемии XV и XVI веков, от которых сильнее всего пострадали Данциг в 1427 году, Париж в 1466 году, Лондон в 1499 и 1563 годах. Известна и страшная чума, разразившаяся в 1570 году в Москве и унесшая свыше 200 тысяч жизней.

Наиболее часто чума вспыхивала в Италии, потому что она была в эту эпоху как бы посредницей торгового обмена между Востоком и Европой. Венеция и Генуя были главными портами Италии, их торговые и военные флоты господствовали в Средиземном море. Естественно, что здесь впервые возникла идея карантина. Кстати сказать, **карантин** происходит от итальянского **quarantina**, что значит **сорок**: подразумевается сорок дней изоляции; так что, когда мы говорим о двухнедельном карантине, то буквальный смысл получается довольно нелепый. Учреждение первого карантинного поста принадлежит Венеции. Здесь к началу XV века на островке Святой Марии Назаретской (названном так по находившейся на нем церкви этого названия) был устроен первый чумной госпиталь, который и стал родоначальником всех подобных больниц. Но популярность святого Лазаря и имя его как обозначение нищего, больного, прокаженного были гораздо шире распространены, чем святая Мария Назаретская, известная только в Венеции. И вот вместо «назаретского» дома или убежища появился «лазаретский»; разница была в одной букве, и переход произошел легко и был всем понятен.

Таким образом слово **лазарет** возникло благодаря ряду последовательных и притом ошибочных осмыслений образа евангельского Лазаря и, в конце концов, в результате путаницы в именах. **Лазарет**, таким образом, оказался, хотя это звучит забавно, порождением двух святых: Лазаря и Марии Назаретской.

Античная мифология

Влияние античной литературы и мифологии также оставило прочные следы в европейских языках, в том числе и в русском.

Некоторые имена мифологических героев получили нарицательное значение вследствие частого употребления в переносном смысле, в виде сравнения. Древнегреческий Богатырь Геркулес стал означать силача, трехголовый пес Цербер, охраняющий вход в преисподнюю, означает теперь свирепую сторожевую собаку и бдительного стража; древнегреческое божество мести Мегера (буквально это имя значило **приносящая несчастье, завистливая**) стала синонимом сварливой старухи. Фаэтон – сын Солнца

(по-гречески буквально **пылающий**), который однажды, в отсутствие отца, решил сам поехать на солнечной колеснице не таким размеренным шагом, как всегда правил отец, а действительно лихо, и погиб. Имя этого неудачного заместителя Солнца стало первоначально означать возницу, а затем и вид экипажа. Первоначально так назывался легкий открытый экипаж для прогулок, на высоких колесах, с двумя сиденьями, расположенными друг против друга; теперь такой экипаж называется **шарабан** (char a bancs), что по-французски значит буквально **повозка** (char) **со скамейками** (bancs). А **фаэтоном** стали потом именовать вообще изящную пролетку.

Пигмеями древние греки называли крошечных людей, которые будто бы обитают в далеких южных странах и ведут войну с птицами. Буквально **пигмей** (pigmaios) значит **величиной с кулак**. Знания древних в области географии и этнографии были ограничены. Они знали только берега Средиземного моря, а о том, что находилось подальше вглубь страны, они узнавали только со слов прибрежных жителей, которые сами обычно знали только своих непосредственных соседей, а о более далеких областях передавали из третьих рук самые фантастические сведения. Неудивительно, что они рассказывали об одноглазых людях, о людях с песьими головами, о великанах и карликах. Может быть, впрочем, в их рассказах о пигмеях можно угадать отголосок сведений о карликовом племени «акка», открытом только в XIX столетии в центре Африки: люди этого племени стояли на низшей ступени культуры.

В настоящее время пигмеем называется не столько человек очень маленького роста, сколько малорослая, карликовая разновидность животного или растительного мира. Впрочем, пигмеем называют и человека, но не по его росту, а по моральным или умственным качествам, в смысле **ничтожная личность**.

Паника означает теперь стихийное смятение, при котором люди теряют голову и не способны под влиянием овладевшего ими страха ни соображать, ни действовать сознательно и целесообразно. Отсюда **панический ужас, паническое бегство**. В этих выражениях еще сохранился оттенок смысла чего-то непонятного, безотчетного, причина которого неясна.

Паника – слово очень древнее и имеет интересное происхождение. Оно выросло из старинного пастушеского быта. Крупный скот был редок в гористой и лесистой Греции, преобладали козы и овцы, и божеством этого мелкого скота считался Пан, которого древние греки представляли в образе получеловека-полукозла, вроде римского Фавна. Это был демон горных зарослей и полян, то есть того ландшафта, в котором и протекала большей частью жизнь пастуха, пасшего козье или овечье стадо. От расположения этого демона, по суеверному представлению древних, многое зависело для пастуха и его стада. Отобьется овца от стада – не так-то легко ее разыскать, когда быстро, как это типично для южных стран, падает темнота, а не разыщется, удастся ли ей за ночь избежать зубов голодного волка? Останутся, пожалуй, от козлика рожки да ножки. Тут многое зависит от

случая, скажем мы, а греки говорили: от доброй воли Пана.

В общем, Пан – славный малый. Для пастухов он – свой брат, не то что Зевс, Аполлон, Посейдон, Деметра и прочие высшие Боги, восседающие далеко на Олимпе. Пан находится тут же, он бродит по этим самым горам и рощам, он их хозяин, и понятно, что он заботится о стадах, пасущихся в его владениях, о своих в этом отношении стадах. И не раз пастуху кажется, что он ощущает присутствие Пана совсем ясно, совсем близко. Упавшая ветка хрустнет, как будто под невидимой ногой, где-то свистнет или ухнет что-то, внезапный порыв ветра прошелестит по листве, или птицы вдруг испуганно сорвутся с ветвей, хотя никакой причины испуга не видно.

Ну, значит, это Пан обходит свои владения.

Случается, что необъяснимый испуг охватывает и стадо. И козы с овцами идут, как слепые, за своим вожаком – козлом или бараном. И вот вдруг как будто что-то укусило одну козу или овцу: она шарахается в сторону со всех ног, и тотчас же все стадо приходит в смятение: косматый вожак теряет свою важность и опрометью скачет прочь, куда попало, а за ним вслепую, теснясь и толкая друг друга, мчится все перепуганное стадо. Напрасно пастух дудит в свирель, кричит им вслед, а их и след простыл. Что за притча? «Никто, как Пан», – думает он. И невольно жуткое чувство охватывает его, оставшегося одного в безлюдном месте. Невольно шепчет он молитву или, вернее, привет и просьбу Пану о покровительстве.

Этот внезапный, непонятный для пастуха перепуг в его стаде получил поэтому название **панический**, буквально **пановский**. Но такие стадные страхи бывали и у людей, в особенности на войне, когда вдруг идущему ночью отряду что-то послышится, привидится, почудится, внезапная робость охватывает всех, и без рассуждения, вслепую, они бегут, увлекая за собой более хладнокровных. Не раз подобное безотчетное смятение охватывало людей и в бою, без всякого, казалось бы, основания, и люди бежали, поддаваясь паническому страху, которого ни тогда, ни потом объяснить себе не могли, когда со стыдом и досадой вспоминали о своем малодушии. Отсюда **паника** – слово, которое передает подобные настроения.

Сирена

Всякий знает теперь, что такое сирена, – хотя бы понаслышке: это можно сказать в буквальном смысле, потому что только глухой не слышал ее своеобразного воя. Сиреной называется особого рода гудок, производящий длительный, гулкий, завывающий звук, слышимый на далекое расстояние и применяемый в особенности на судах для сигнализации. Но в этом значении **сирена** появилась лишь недавно, так как и самый гудок изобретен был только в XX столетии. Однако, слово **сирена** существовало давно во всех европейских языках в совершенно другом значении. Оно появилось во Франции первоначально как поэтическое выражение и применялось в качестве комплимента, в смысле **очаровательная, обольстительная**

женщина, но вскоре приобрело отрицательное значение. Сиреной стали называть женщину, привлекающую мужчин всеми приемами кокетства из корыстных или других подобных расчетов.

Этот переход значения от комплимента к обидному объясняется положением женщины в обществе того времени, когда девушка или женщина буржуазного или дворянского круга не имела ни службы, ни занятия, ни дела и стремилась только стать женой или возлюбленной мужчины. Но девушка без состояния или знатной родни имела мало шансов выйти замуж. Да и выйдя замуж, женщина была ограничена в своих интересах только детьми, домашним хозяйством и церковью. А в больших городах, особенно в Париже, где жизнь кипела ключом, у девушки и женщины легко пробуждались новые, более широкие интересы, тем более что жизнь ее протекала здесь далеко не так однообразно и замкнуто, как в провинции. Театры, карусели, балы, приемы гостей позволяли гораздо шире общаться с мужчинами. Легко себе представить, что девушка или женщина, более предприимчивая и смелая, охотно решалась вести самостоятельную жизнь, рассчитывая исключительно только на свою красоту, ум и другие качества. Такая жизнь представляла, конечно, много опасностей для подобной искательницы приключений. Но и сама искательница приключений бывала опасной для людей, становившихся жертвами ее чар и искусства.

Это выражение, первоначально поэтическое и комплиментарное, взято французами, в свою очередь, из античной поэзии.

Сирены – сказочные существа с женскими головами и птичьими крыльями и лапами, живущие на скалистом острове в далеком море. Первоначально они, по-видимому, являлись, по наивному представлению древних греков, демонами, похищавшими души мертвых.

В «Одиссее», знаменитой древнегреческой поэме Гомера, где описываются странствия Одиссея, героя, возвращающегося на родину после десятилетней осады Трои, рассказывается, что эти женщины-птицы обладают человеческой речью и так пленительно поют, что человек, который их слышит, не в силах оторваться от этого пения и думать о чем-нибудь другом. Он забывает все на свете, и его корабль гибнет, разбитый о прибрежные камни. Эта участь грозит и Одиссею с его спутниками, корабль которых должен пройти мимо рокового острова, но Одиссей заранее предупрежден доброй волшебницей:

Прежде всего ты увидишь сирен. Неизбежно чарой
Манят они подходящих к ним близко людей корабельных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизясь, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом.

Следуя советам своей покровительницы, Одиссей, недаром приобретший прозвище «хитроумного», заклепывает уши своих спутников воском, чтобы они не могли услышать волшебного пения; себе он оставляет

уши открытыми, чтобы испытать это необычайное ощущение, но зато велит привязать себя к мачте и, не слушая его просьб и приказаний, плыть скорее дальше.

Только таким образом он хотя и поддался чарам чудного пения, но был бессилён уступить им и оказался спасённым.

Этот мотив сладостной и губительной песни, которую поёт волшебная птица, повторяется в опере Римского-Корсакова «Садко», где индийский гость поёт:

Есть на синем море чудный камень яхонт,
На том камне чудном сидит птица феникс,
Крылья распускает, песни распевает.
Кто ту песню слышит, все позабывает.

Этот образ перешёл гораздо раньше и в русскую христианскую мифологию, причём здесь использовано было значение сирен как вещей и губительных птиц. В раю находятся, по этому представлению, две чудесных птицы: Сирин, птица радости, и Алконост, птица печали.

В опере Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» Алконост поёт:

Есмь я птица милости,
Алконост зовомаю,
А кому пою, тому смерть пришла.

В этом смысле «Алконостом» назван был сборник, посвящённый памяти актрисы В. Ф. Коммисаржевской, умершей в расцвет своей популярности в 1910 году от оспы, которой она заразилась во время гастролей в Ташкенте.

Сирин же рекомендует в «Китеже» такими словами:

Птица Сирин я, птица радости,
А кому пою, будет вечно жить.

ГЛАВА 7

РОДОСЛОВНАЯ «ГОЛОВЫ»

Голова недаром помещается выше других частей человеческого тела. Человек издавна понял – головой! – что ей надлежит господствовать над телом. А наше сознание и теперь ещё склонно очеловечивать все явления и представлять их как бы в соотношении частей тела. Тем более в старину. **Правый** означает не только **находящийся справа**, но и **законный, соответствующий законности**, отсюда родственные слова **право, править, правильный, правило, правда, справедливый, праведный, расправа, оправа**. Французское слово **правый** (droit) означает также и **прямой**, а **левый** (gauche) значит также и **неловкий, неуклюжий**.

Но голова, по пословице, действительно, «всему делу голова». Головой в старину назывался деревенский староста, в дореволюционной России – городской старшина. Вместе с тем **голова** означает и штуку скота, отсюда **поголовный**. В церковно-славянской форме **глава** это слово до сих пор означает начальника, лицо, возглавляющее то или иное учреждение, предприятие. **Главный** имеет смысл высшего, значительного, основного. Глагол **главенствовать** – значит господствовать, быть главным. **Главарь** – вождь, лицо, стоящее во главе чего-либо.

С другой стороны, главами назывались купола, «маковки» церквей, главой называется отдел книги (в этом значении перевод с латинского), отсюда **оглавление, заголовок, заглавие**. В выражении **стоять во главе** слово **глава** означает высшее, начальственное положение, а в выражении **во главу угла** это же слово значит **вершина**.

Головным называется передовой отряд и ведущее эскадру судно. Но это же слово имеет и смысл **рассудочный**. **Уголовный** – еще один перевод с латинского. Наконец от **головы** произведены **головотяп, головастик, головань, головизна**.

Латинское **капут** (caput), которое значит голова, имеет еще более разнообразное потомство. От прилагательного **capitalis** со значением **главный, основной**, а также и **уголовный** происходит наше **капитальный**, например, **капитальная стена, капитальное значение**.

Отсюда и **капитал** как основная сумма, в отличие от процентов и доходов. Во французском отсюда же слово **capitate** с значением **столица, главный город**.

От другого, позднелатинского прилагательного **capitaneus** с значением **главный** происходит итальянское **капитане** – **полководец**, первоначально **главарь**. Это значение еще сохранилось во французском **капитэн** (capitaine). Постепенно, однако, это слово снижается до значения небольшого чина, каков наш **капитан**. Во флоте это слово сохраняет еще наряду со значением чина и более общий и высокий смысл **командир судна**.

Капитана унижил **генерал**: история этого слова также любопытна. **Генерал** тоже происходит от латинского прилагательного – от **generalis**, означающего первоначально **родовой**. Тот же корень сохранился в словах **генерация** (поколение), **генератор** (машина для производства газа, для возбуждения электрического тока), **дегенерат** (человек с признаками вырождения). От значения **родовой** это слово перешло к значению **общий, объединяющий, верховный**, что отражается в нашем **генеральный**; в старину говорили **генеральное понятие, генеральный штурм, генеральное сражение**.

Как существительное в значении **глава** слово **генерал** появляется прежде всего в качестве настоятеля монастырской общины или главы религиозного ордена. В особенности получил печальную известность в истории генерал ордена иезуитов, обладавший одно время такой огромной властью, что его называли «черным папой». Поздней термин **генерал** перешел в армию,

сначала в качестве прилагательного, как добавление, в форме **генеральный капитан**, или **генерал-капитан**, буквально **общий, главный капитан**, то есть начальник. Таким же дополнительным прилагательным остается слово и в названии **генерал-губернатор**, которое первоначально вовсе не означало генерала в должности губернатора или губернатора в чине генерала, а вообще главного губернатора – управляющего большой областью. Но затем перестали ощущать это слово как прилагательное, уже не различали, которое из двух слов основное, так что **генерал** в конце концов оттер **капитана** и **губернатора**, понятия которых стали пониматься как дополнительные, как обозначения разновидностей генеральского титула. Вследствие этого появились и новые словообразования подобного типа, уже ставшие названиями чинов: **генерал-поручик, генерал-майор, генерал-лейтенант**, причем эти приставки к **генералу** понимаются как ограничения генеральства, так что создается старинное **генерал-аншеф**, буквально **генерал во главе**, а впоследствии **полный генерал**, официально называвшийся по роду оружия, в котором он числился: **генерал от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии**, даже **генерал флота**. Только **генерал-адмирал** и **генерал-интендант** продолжали еще сохранять смысл верховного адмирала, главного интенданта.

Но довольно о генералах, возвратимся к голове.

Латинское **capitellum**, уменьшительное от **caput** (голова), что означает буквально **головка**, развилось в название того украшения, которое находится сверху колонны, для которого мы пользуемся термином **капитель**. Этим же **капитель** назван вид шрифта.

В гасконском наречии французского языка это же уменьшительное **capitellum** превратилось в **capdet** с первоначальным значением **главарь** (в русском **головка** тоже имеет значение верхушки, а отсюда – управляющей, руководящей группы). Отсюда **capdet** перешло к значению **офицер, командир**. А так как вступали в военную службу, становились профессиональными военными преимущественно младшие сыновья, которым приходилось искать счастья на службе у того или другого феодала или государя, тогда как старший сын наследовал имение отца и оставался в нем помещиком, то это слово стало обозначать младшего сына – сначала в значении, близком к нашему старинному **недоросль: кадет** (cadet) – так называли юношу, который должен был с молодых лет посвятить себя военной службе; затем **cadet** стало обозначением вообще младшего сына. С другой стороны, это же слово стало означать воспитанника военно-учебного заведения, юнкера, и усвоилось в русском языке в форме **кадет** в значении воспитанника средней школы военного ведомства: такая школа носила название **кадетский корпус**.

Ничего общего, кроме созвучия, а также, впрочем, и совместных действий в защиту правительства Керенского и участия в белогвардейских войсках, не имеет с этим «главным» словом другое **кадет** – название либерально-интеллигентской, среднедворянской и крупнобуржуазной партии, которая названа была кадетской по первым буквам **К** и **Д** –

сокращению широковещательного названия **конституционно-демократическая партия народной свободы**.

Другое латинское уменьшительное от того же **caput** получило значение **перечень главнейших предметов** – предметов, которые подлежали перечислению. Отсюда – слова **оглавление, заголовок и глава**. К этому времени христианство получило господство, и библия и специально евангелие сделались книгой по преимуществу (**библия** по-гречески буквально значит **книги**). До того времени греческие и латинские сочинения разделялись на книги и песни. Но библия и евангелие были сборниками самостоятельных книг, написанных различными авторами. Поэтому для дальнейшего подразделения этих книг понадобился еще термин **глава** (**capitulum**), который и стал в церковных кругах означать специально главу евангелия. Но чтение евангелия было предметом общих собраний монастырской общины. Отсюда **capitulum** получило еще одно значение: **общее собрание членов общины или ордена**. В этом значении термин **капитул** вошел и в русский язык.

То же самое слово **capitulum** помимо просто перечня приобрело специальный смысл как перечисление условий сдачи неприятелю, как опись оружия, запасов и воинских частей, подлежащих передаче или свободному пропуску. Русский язык сохранил это значение в старинном выражении **сдаваться на капитуляцию** в отличие от безоговорочной сдачи в плен на милость победителя, без всяких условий.

Только позднее слово **капитуляция** стало означать просто сдачу в плен, а затем и сдачу позиции вообще, не только в прямом, военном, но и в переносном смысле.

От того же основного латинского слова **caput** (голова) произошел и ряд слов, означающих головной убор: **капор, шапка, кепи и кепка**, французское **шапо** (**chapeau**) со значением **шляпа**. Сюда же принадлежит и французское **капюшон** (**capuchon**) – большой колпак для прикрытия головы, пришитый к плащу, а также **капот** (**capot**) – первоначально дождевой плащ с капюшоном, затем накидка, наконец женский халат сходного покроя* (*Ср. также итальянские **cappello** (шляпа), **cappotto** (пальто, шинель). (Прим. ред.))

Плащ с капюшоном был характерной принадлежностью монашеского одеяния и специально одного монашеского ордена, монахи которого и получили поэтому название **капуцины** – по-французски **capucins**. В основе названия, по-видимому, итальянское **каппуччо** (**capuccio**), что значит **капюшон**. Отсюда в одном переводе: «монах с капюшином на голове»** (**Итальянское **capuccino** (монах-капуцин) получило в наше время большое распространение в русском языке в значении **кофе с молоком**. (Прим. ред.))

Другое слово этого же рода имело еще более любопытную судьбу – французское **chape**. Оно означало первоначально небольшой плащ с капюшоном и специально плащик некоего святого Мартина, который пользовался большим почитанием в Средние века, так как будто бы производил чудесные исцеления. Для хранения этого плащика, привлекавшего многочисленных паломников, была построена особая часовня, которая и получила в конце концов это же название **плащик** – по-

французски **шапель** (chapelle). Популярность этой часовни распространила название **шапель** и на другие часовни, в которых уже не было никакого плаща и вообще никаких предметов почитания. В этом смысле **часовня** слово **chapelle** имеется и у нас, это **капелла**, что буквально – тоже **плащик**. Отсюда титул настоятеля придворной, замковой, полковой или какой другой католической часовни – **капеллан**.

Впоследствии, когда религиозные интересы уступают место светским, капеллы заводились и поддерживались преимущественно ради хора, хорошим подбором голосов которого или искусным регентом можно было щегольнуть перед соседями и гостями. Постепенно церковный характер капеллы сменился чисто музыкальным, слово **капелла** стало означать концертный зал, музыкальное общество, а еще и хоровой ансамбль.

Отсюда **капельмейстер** – человек, заведующий капеллой, управляющий хором, а потом человек, руководящий оркестром, дирижер. Отсюда же и **капельдинер**, буквально **служитель капеллы**, так назывался лакей придворного театра.

Особый ряд производных все от того же латинского **caput** начинает испанское **кабо** (cabo), значение которого **мыс**. Отсюда французское каботаж (cabotage) – прибрежное плавание, как бы от мыса к мысу. Это значение понятно, потому что плавание вдоль берега, следуя рабски иногда очень извилистой береговой линии было бы очень медленным, и выгоднее срезать эту линию и держать курс на самый дальний мыс с целью его обогнуть. От переносного смысла этого **cabo** получилось французское слово **каботин** (cabotin) – бродячий актер, фигляр, человек, актерствующий в жизни.

От этого же **cabo** произведено французское **кабошон** (cabochon) – это шлифованный, но не граненый драгоценный камень. Отсюда также слово **кабошь** (caboché) со значением кочан и шутливо-ругательным **кочанная голова, башка**, откуда в сокращенной форме получило распространение слово бош – со времен Первой мировой войны оно известно и у нас как насмешливое прозвище немца.

С другой стороны, от этого же слова произошел **кабестан**, первоначально в значении недоуздка, потом кабестаном стали называть ворот для наматывания якорного каната.

Далее, французское **capillaire**, образованное все от того же латинского **caput**, имело значение **для волос, по уходу за волосами**; это прилагательное получило значение **капиллярный** в качестве термина, означающего свойства очень тонкой – как волос – трубки, в которой сила сцепления жидкости проявляется особенно наглядно.

Наконец, во французском языке это же **caput** получило форму шеф (chef), прямой смысл которого **голова** перешел также к значению **глава, начальник**. Отсюда и французское **шедевр** (chef-d'oeuvre), буквально – **главное произведение**.

Таково родословное дерево латинского слова **капут**, по крайней мере, та его ветвь, которая имеет производные в составе русского языка. Множество производных этого слова имеется во французском, итальянском,

испанском, португальском, румынском и в самом латинском языке, но те, что не перешли в русский язык, оставлены здесь в стороне.

Кстати сказать, слово **капут** в шутовском смысле **конец, крышка** является другим словом, чем латинское **caput**. **Капут** (kaputt) – немецкая форма французского **капот** (capot), но не того, которое мы рассматривали выше в значении **халат** (и **чехол**, и **капот**). Это другое **капот** значит собственно **кувырок** и произведено от французского глагола **capoter**, означающего буквально **становиться на голову, опрокидываться**. Отсюда **капотировать** – крениться (об аэроплане). Таким образом **капут** является лишь очень дальним родственником латинского **капут**, гораздо более дальним, чем например шеф (chef), несмотря на кажущуюся чрезвычайную близость этих слов по форме.

ГЛАВА 8

ОБРУСЕВШИЕ ИНОСТРАНЦЫ

Изба

Уж на что, казалось бы, исконное русское слово **изба**. Оно производит впечатление очень стойкого выражения, которое всегда и неизменно означало одно и то же: крестьянский дом. И однако это не так. Это слово заимствованное и имеет большую историю.

Изба происходит от древнегерманского слова **стоба**, которое означало **отапливаемое помещение**; от него происходит современное немецкое **штубе** (Stube) со значением **комната**. В свою очередь, германцы заимствовали это слово у римлян, от которых они находились в зависимости в первые века нашей эры. Латинское слово, которое германцы превратили в **стоба**, не сохранилось, но, судя по образованным от него итальянскому и французскому словам, оно должно было означать печь для отопления; в его основе лежит греческое слово **тюфос** (tuphos), означающее **дым, пар, чад** (от этого же слова создано и название болезни **тиф**).

До воздействия римской культуры германцы не знали печей для отопления, хотя и применяли огонь для обжига глиняной посуды, выплавки иковки металлов, для приготовления пищи. Первоначальным их жилищем была землянка, или хижина, врытая в землю, в середине которой находилась яма. В яме раскладывался костер. Иногда жилье имело две комнаты: в одной был очаг (подземный, с жаровней), другая служила собственно для жилья в качестве спальни. Идею отопления принесли с собой римляне. Римляне были большими любителями бань и распространили эту привычку по всей Европе вместе с самим названием: **баня** во всех языках, кроме германского, образовано от латинского слова.* (*Видимо, автор имеет в виду **balneum** (ванна); сравните французские **bain** (баня) и **baigner** (купать), итальянское **bagno** (ванна). (Прим. ред.)) Таким образом наряду с очагом появилась печь для отопления. Эта печь была «курная», без трубы, вроде той примитивной каменки, которая

еще до сих пор типична для русской бани и которая состоит из грубо сложенного из камней свода, просветы которого засыпаны сверху камешками; когда эти камешки накалятся, их поливают водой, чтобы «поддать пару», который нагревает помещение.

Славяне, венгры, греки, турки заимствовали это слово **стоба** в значениях **печь** и **баня**, иногда **жилье**. В русском языке оно известно только в значениях **баня** и **дом**. Так, летопись Нестора (6454 г.) сообщает об убийстве древлянских послов, «они та пережгоша истобку, и влезоша древляне и начашася мыти, и запроша у них истобку, и повеле зажечь ее от дверей (чтобы древляне не выломали); ту и сгореша вси». Значение **избы** как **дом** развилось уже на русской почве самостоятельно из значения **жилое, отапливаемое помещение, комната с печью**. Это первоначальное значение уже имелось в германском языке, где оно и сохранилось до сих пор. В русском языке **изба** тем легче могла получить значение **дом**, что жилая (отапливаемая) комната первоначально и составляла весь дом.

Интересно, что и слово **комната** совершило позднее такой же путь: от греческого слова **kaminos**, сохранившегося до сих пор в нашем слове **камин** и означавшего также род печи для отопления, было образовано латинское в значении **помещение, снабженное печью**, а позже, через германское посредство, это слово вошло и в русский язык.

Доска

Кто подумал бы, что **доска** не родное русское слово? Трудно даже представить себе теперь, как может в языке отсутствовать такое понятие. Но дело в том, что заимствование вовсе не обязательно доказывает отсутствие соответствующего понятия и слова. В данном случае таким словом, означавшим доску, был **тёс**. Вместе с тем надо учесть, что наша доска вовсе не такая простая вещь, которую могли бы сделать люди очень давнего времени. Чтобы сделать доску, необходимо иметь большую крепкую пилу и высокие козлы, чтобы распиливать толстые бревна в продольном направлении. Первоначально бревно просто обтесывалось топором или раскалывалось надвое клиньями.

Интересно, однако, что теперешнее значение слова **доска** создано уже на славянской почве; заимствовано же оно от древненемецкого в значении (обеденный) **стол**: современное слово **Tisch** сохраняет до сих пор в немецком языке это значение. Германское слово можно было понимать и как **блюдо**: близость этих понятий объясняется тем, что под **столом** первоначально понималось не то, что теперь, а небольшая доска (на подставке), служившая подносом, то есть нечто, очень близкое блюду.

В свою очередь, это древнегерманское слово, как и параллельные ему романские формы, восходит к греческому слову, означавшему металлический круг для метания, диск, а также круглую пластину вообще, а затем и металлическую (оловянную) тарелку или блюдо круглой формы – в отличие от более древней и обычной глиняной посуды. В греческой форме

дискос (diskos) это слово вошло в русский церковный обиход для обозначения блюда, употребляемого в качестве церковной посуды. Римляне заимствовали у греков это слово в тех же значениях: из латинского **дискус** (discus) образован научный термин **диск** для обозначения круглой пластинки, поверхности небесного светила и пр.

Совершенно такой же переход значений, только в обратном направлении – от **стола** к **посуде для еды**, произошел с нашими словами **блюдо** (от древнегерманского слова, означавшего первоначально **стол**) и **миска** (от латинского слова, означавшего **стол**). Так как столом служила доска-поднос, то переход к нашему теперешнему значению **доска** вполне понятен. Подобный переход, но опять в противоположном направлении, от смысла **доска** к смыслу **стол**, имеется и во французском слове **табль** (стол), и в английском **тэйбл**: имея одинаковое написание **table**, они ведут происхождение от латинского **tabula** (доска).

Любопытно, что наше слово **стол** также не означало первоначально теперешнего стола, то есть доски на ножках, а означало царское или княжеское кресло – отсюда **столица**, **стольный** город. Стол значило **трон** и было родственно германскому слову, заимствованному нами в голландской форме **стул**. Позднее это первоначальное значение сохранилось за словом **престол**, которое используется также в церковном обиходе для обозначения стола в алтаре, на котором стоит церковная посуда и прочие вещи, нужные для богослужения. Одновременное существование двух значений слова **престол** сбилось с толку когда-то Пугачева: об этой забавной ошибке рассказывали Пушкину старожилы Оренбургского края, когда поэт поехал туда собирать материалы для своей «Истории Пугачевского бунта». Вступив в село Берды, Пугачев, войдя в церковь, сказал будто бы: «Давненько я не сиживал на престоле», и, войдя в алтарь, присел на церковный престол.

Русское **стол** родственно глаголу **стелить** и означает, по-видимому, подстилку, служившую для сиденья на земле или на полу и также взамен подноса для еды. Этим и объясняется переход значения **стола** (которому способствовало влияние слова **стоять**) от **сиденья** к **подставке для блюд**.

То, что слово **доска** имело у древних славян значение **стол**, можно только догадаться. Но подтверждением этого является еще и то обстоятельство, что слово **скатерть**, как это ни кажется на первый взгляд странным, является производным от слова **доска**. Действительно, старинными формами **доски** в русском языке были **дека** и даже **ска**, так что от **доскатерть** или **дскатерть** легко могла образоваться наша теперешняя форма **скатерть**. **Скатерть** употребляется уже в старинных рукописях в смысле **покрышка стола**, редко в смысле **покрытый стол**, но, вероятно, первоначально это слово должно было означать скорее полотенце для вытирания доски, подноса или блюда, служивших столом.

Подобный случай имеется и во французском языке, где слово **dais**, возникшее из того же латинского **дискус**, к которому восходит и немецкое **Tisch** (стол) и русское **доска**, стало означать **скатерть**, **покрыв**, а затем и **балдахин** – навес над тронном.

Другим столь же удивительным на первый взгляд производным от слова **доска** является **чан**. В этом случае известны и промежуточные переходные формы. В старину **чан** писалось **тшан, тчан**; в некоторых говорах и теперь еще говорят **щан**. Кроме того, известны такие параллели, как **дощан** в смысле **большая кадка, ларь**; **доскан, досканец** в значении **ларь, ящик**; **доскань** – в смысле **табакерка**. Таким образом, в этом случае превращение **дошана** (дошаной кадки) в **чан** происходит прямо на наших глазах. Позже чаном стали называть не только дощатый, но и чугунный, медный, железный котел.

Некоторые языковеды предполагают также, что и **стакан** происходит от **доски**. Но, хотя и известна старинная форма **достокан**, как будто говорящая в пользу этого предположения, другие соображения заставляют утверждать в этом слове совсем другое, восточное происхождение.

Товарищ

Слово **товарищ** представляет пример слова, приобретшего совершенно исключительное значение вследствие политических причин, благодаря победе революции и установлению советского строя. До этого оно было партийным словом революционеров. Теперь, когда, партия коммунистов стала во главе управления и жизни всей страны, это слово получило, естественно, огромную власть. Понятие, которое оно выражает, связалось множеством крепких нитей с новой идеологией, с героическими надеждами и усилиями революционной борьбы, с мощной живой силой самих борцов, ведущих за собой пролетарские массы к строительству нового мира.

Товарищ – старинное русское слово, образованное от **товар**, которое, в свою очередь, заимствовано от тюркского **тавар**. **Товар** означало **скот**, а затем вообще все товары. В старорусском языке слово **товар** употреблялось, кроме основного своего значения, также в смысле **имущество, состояние**, с одной стороны, и **транспорт, обоз, стан** – с другой. Так, о князе Владимире повествуется в летописи, что он «приде в товары и посла бирючи (то есть послал вестников) по товарам». В том же значении **стан, становище** существовало и слово **товарище**. Летопись сообщает например о попытке князя Изяслава спасти становища: «Изяслав же, вседше на конь, гна до товарищ их, и види товарища горяща, и воротися опять». В некоторых славянских языках **товарин** означает **вьючное животное**.

Следовательно, **товарищ** первоначально означает человека того же стана, соучастника похода или торгового путешествия, а затем спутника. В старинных документах часто встречается выражение: «такой-то боярин со товарищи», то есть с подчиненными ему людьми, помощниками. В этой линии развития слово **товарищ** вошло и в должностную терминологию. До самой революции существовали должности товарища прокурора, товарища министра, товарища председателя.

Прямым путем развивалось значение сослуживца-однополчанина,

соученика, сожителя, члена той же артели, соучастника в предприятии. Отсюда даже термин **товарищество** в смысле торгового или промышленного общества, компании, фирмы.

В политическом значении слово **товарищ** начинает употребляться под влиянием немецкого **камрад** (от **Kamerad**), в свою очередь заимствованного от французского **камарад** (camarade). Это слово французы переняли из испанского **camarada**, где оно означало **сожитель по комнате** – от **camara** (комната): оно использовалось по отношению к солдату той же казармы, и первоначально **камарад** ограничивалось военными кругами. В немецкий язык **camarade** вошло также через солдатское употребление, усвоенное еще в XVII веке. Как известно, политическим термином со времен французской революции 1789 года было слово гражданин – собственно церковно-славянская форма, которая приобрела потому более торжественный характер и более отвлеченный смысл, чем соответственная русская форма **горожанин**. **Гражданин** было подхвачено и русскими революционерами двадцатых годов XIX столетия, декабристами. Последнее стихотворение одного из вождей этого движения, Рылеева, озаглавлено «Гражданин», другое стихотворение – «Гражданское мужество». Но вскоре слово это потеряло политический смысл и затерялось в обывательском и казенном смысле, среди «именитых» и «гражданских чинов». Впрочем за неимением другого подходящего слова, **гражданин** все-таки сохранило еще свое общее значение до самой революции, даже после того, как это слово взял названием своей реакционной газеты небезызвестный князь Мещерский в 1870 - 1890 годах*. (*В. П. Мещерский (1839 - 1914), издатель газеты «Гражданин», отстаивал незыблемость самодержавия. (Прим. ред.))

После Октябрьской революции гражданин отчасти взял на себя обязанности господина и сударя в обывательском обиходе: «Не толкайтесь, гражданин!» – «Здравствуйте, гражданочка!» и т. п. Это, следовательно, еще пережиток дореволюционного сознания и быта. С другой стороны **гражданин** стало официальным термином, заменившим прежние сословные обозначения **мещанин, купец, крестьянин, дворянин**, а также общий административный термин **житель**. Это придало слову **гражданин** некоторый общественный смысл. Однако оно никак не может быть сопоставлено, даже приблизительно, с соответственным словоупотреблением Великой французской революции. «Гражданин Робеспьер», «гражданин Бонапарт» в то время звучало строгим достоинством, гордо и просто. Теперь **гражданин** означает все-таки почти **обыватель**. Нельзя сказать даже **гражданин директор, гражданин кондуктор**. Термин, соответственный французскому **citoyen** (гражданин) Октябрьская революция создала в слове **товарищ**, с тем, однако, отличием, что ограничила его и как бы углубила его значение. В отличие от **гражданина** французской революции, **товарищ** относится не к любому гражданину Советского Союза, отражая идеалистический принцип всеобщего равенства в правах, а только к подлинному участнику революции, активному строителю социалистического государства и, прежде всего, к

члену коммунистической партии. Эта напряженная, боевая обстановка и придает слову **товарищ** тот смысл, который никогда не имело слово **гражданин**.

Между тем уже Пушкин в «Послании к Чаадаеву», написанному в 1818 году, по-видимому, ощущал в **товарище** политический оттенок:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ГЛАВА 9

НЕСКОЛЬКО ТЕРМИНОВ

Атлас

Атлас, или Атлант – образ греческой мифологии. Атлант – один из титанов, сын Земли, как и Прометей. Как и Прометей, похитивший огонь с неба, чтобы дать его людям и тем освободить их от рабской зависимости от богов, Атлант – сторонник Земли в ее извечной распре с Небом. Борьба эта окончилась победой небесных божеств, титаны поражены молниями бога-громовержца, но убить их нельзя: они бессмертны, как сами боги. Поэтому они ниспровергнуты в подземное царство и заперты там навеки. Атлант осужден держать на своих плечах столбы, на которых стоит поверхность земли и свод небес. Это древнейший образ Атланта. Позднее он представляется гигантом, стоящим где-то на крайнем западе и поддерживающим небо. Этим крайним западом для древних греков был северо-запад Африки, так как Атлантический океан (названный так от имени Атланта) по тогдашним представлениям омывал всю поверхность суши. Неопределенные сообщения о высоких горах в этой области (носящих до сих пор название **Атлас**) позволили поместить гиганта именно здесь. Уже в «Одиссее» Гомера говорится об Атланте,

Которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.

Еще в древности Атлант считался изобретателем глобуса, специально небесного, и изображался несущим на плечах небесный свод или земной шар. Так изображает его, например, знаменитая статуя в Неаполитанском музее в Италии. Отсюда архитектурный термин **атланты**, означавший уже у римлян мужские фигуры, служившие вместо колонн для поддержки выступающих вперед частей здания. Превосходный образец подобных

атлантов представляет фасад Эрмитажа в Ленинграде.

Образ гиганта, поддерживающего небесный свод или земной шар, – что могло быть более наглядным символом географии? Неудивительно, что первый сборник географических карт имел своим фронтисписом гравюру, изображавшую атланта, держащего на плечах земной шар, и носил название (по-латыни) «Атлас, или космографические размышления о здании мира». Этот первый географический атлас составлен и издан был в 1585 году известным Меркатором: собственно, фамилия его была Кремер* (*Герард ван Кремер (1512 - 1594), фламандский картограф. (Прим. ред.)), но тогда было в моде применять латинизмы, и вот Кремер (Kramer), что по-немецки значит **торговец, лавочник**, перевел свою фамилию на латинский язык и стал называться Меркатором. Меркатору в то время было 73 года, и он уже пятьдесят лет занимался составлением и печатанием географических карт в Лувене, в Бельгии. Между прочим, ему принадлежит идея выполнить карты земных полушарий, что он и сделал в 1538 году, составив затем общую карту земного шара, в которой кривые линии математически переведены в прямые и которая до сих пор печатается в начале атласов под названием «карты Меркатора».

Подобно многим другим ученым той эпохи, когда католическая церковь боролась всеми средствами против наступавшей науки, Меркатор не избежал обвинения в ереси, заключения в церковную тюрьму и дальнейших преследований, вынудивших его бежать в Германию. Из людей, арестованных одновременно с ним инквизицией по тому же обвинению, двое были сожжены, двое зарыты живыми в землю и один казнен.

От сборников географических и астрономических карт название **атлас** перешло и на сборники планов, таблиц, чертежей, рисунков и т. д., при которых текст составляет только незначительную часть или играет служебную, объяснительную роль.

С этим **атласом** не имеет ничего общего название плотной гладкой шелковой материи: **атлас** заимствовано из арабского, где значит буквально **лишенный ворса, выщипанный**.

Фауна и флора

Древний обитатель Италии, пастух и земледелец, чтит силы природы, от которых он, не имея в своем распоряжении технических и искусственных средств для управления ими, всецело зависел. Жизнь природы, по его представлениям, управляется сонмом божеств, от доброй воли которых зависит удача и вообще все то, что мы теперь называем «случайностью». Божеством лесов и пастбищ, владыкой зверей и всего живого был Фавн (Faunus), нечто вроде русского лешего, но более благодушного нрава: **фавн** значит буквально **благожелатель** и родственно словам **фавор, фаворит**. Фавна изображали в виде бородатого мужчины с некоторыми звериными признаками: нижняя часть тела его покрыта густой шерстью, на голове маленькие рожки, иногда даже имеется хвост. Наряду с ним то в качестве

сестры, то в качестве жены представляли и женское божество, Фауну (Fauna).

В XVIII веке античность была в большой моде, и все знали греческую и римскую мифологию лучше собственной русской. В то время любили даже ученые труды озаглавливать мифологическими именами. В поэзии эти привычки сохранились даже в XIX веке, и Пушкин, например, постоянно называет зарю Авророй, а вечер Геспером. Поэтому и знаменитый шведский натуралист Линней озаглавил свое описание животного мира Швеции, написанное по-латыни (как обычно тогда писали научные сочинения, а это было в 1746 году), «Шведская фауна». Точно так же в начале XIX века в России говорили «русская муза» в смысле русская поэзия, «российская Мельпомена» вместо «русская трагедия» и т. д. Этот труд Линнея послужил образцом для ряда других, например, в 1791 году появилась «Европейская фауна». Так что скоро **Фауна** стало нарицательным, означая животный мир данной области в его видах и разновидностях. По аналогии с этим удобным термином для обозначения растительного мира взяли имя Флоры – римской Богини растительности. **Флора** (Flora) происходит от латинского слова **flos**, означающего **цветок**.

Раёк

Слово **раёк** означает последние, верхние и самые дешевые места на галерее, верхнем ярусе театра. Эти места знамениты в истории русского театра, потому что их занимала всегда самая искренняя и непосредственная часть публики: учащиеся, рабочие, мелкий городской люд. Эту публику нередко упрекали в грубости и наивности восприятия, в готовности поддаться трескучей фразе или эффектному жесту. Действительно, в их отношении к артистам было много смешного. Известен, например, случай, когда какой-то обожатель трагической актрисы Семеновой, знаменитой в ту пору, когда был молод Пушкин, взволнованный положением героини, которой грозило сделаться жертвой обольстителя, не выдержал и, перегнувшись через барьер, заорал во все горло:

– Семениха, не поддавайся!

Но именно эта наивность и горячность давала актерам то главное в сценическом творчестве, что не способна была дать светская или присяжная театральная публика партера: живое взаимодействие с актером, когда зритель не только легко реагирует на воздействие, но и поддерживает с своей стороны подъем актерского темперамента.

К тому же эта публика была нередко и более передовая и более чуткая к дарованию, чем солидная часть зрителей, сидящих в партере. Так было, например, в отношении Коммисаржевской, которая держалась в Александрийском театре в значительной степени сочувствием молодежи, сразу угадавшей в ее таланте новую искренность и правду, которой не могло почувствовать старшее поколение зрителей и основное ядро актеров.

Раек представляет перевод немецкого слова **парадиз** (Paradies),

заимствованного с французского, в котором оно означает буквально рай. В старину и у нас раек назывался **парадиз**. Не в насмешку ли так назван самый верхний ряд галерки, в виду положения его под самым потолком театра?

Нет. Это слово было только осмыслено таким образом. В действительности же значение **раек** оно получило совсем не от **рая**.

Парадиз – персидское слово, означавшее парк, в котором знатные персы имели обыкновение содержать павлинов, ланей и других птиц и животных для красоты или для охоты. Отсюда значение прекрасного сада, которое во французском языке получило смысл **рай**. Но это побочная, чисто книжная линия развития. Прямая же привела от значения **сад** к значению усаженного деревьями места, двора, украшенного колоннами, церковной паперти, колоннады, служившей преддверием церкви, пристройки вроде балкона или галереи.

Таким образом, это слово стало термином архитектуры, как и **галерея**, и оба из специально церковного применения были перенесены в театр. Уже во французской форме оно было осмыслено как рай, и это осмысление способствовало возвышению этого слова, а также и самой вещи. У нас оно было затем переведено именно в этом осмыслении. Но след первоначального смысла **паперть** или **пристройка** еще угадывается в форме самого сооружения: раек, к которому ведут дополнительные ступени, сохранил за собой пристроечный, дополнительный характер.

Цифра

Всем известно различие между римскими цифрами, такими, как I, II, III, и арабскими, например, 1, 2, 3, 4. Но вряд ли кто задумывается над значением этого различия. Между тем введение арабских цифр в свое время сделало эпоху.

Римские цифры кажутся более первоначальными, так как легко представить себе, что эти палочки происходят из зарубок, какие до сих пор делают неграмотные люди и народности, не знающие письменности. Но этот первоначальный характер присущ только первым трем знакам, точнее только обозначению единицы; все прочие, как и вся система счета, заимствованы римлянами от более древней восточной системы. Система эта не десятичная, как арабская, а пятеричная, и состоит в том, что 5, 10, 50, 100, 500, 1000 и т. д. выражаются особыми знаками, а все прочие числа – повторением знака: единицы, десятки, сотни... Например, III – три, XII – двенадцать, XXXI – тридцать один, CCXXII – двести двадцать два, MDVI – тысяча пятьсот шесть. Благодаря пятеричному счету не было необходимости изображать, например, 6, 7, 8 шестью, семью и восемью единицами; вместо этого писали VI, VII, VIII, то есть V (пять) плюс I (один), II (два), III (три). Наряду с этим приемом сложения был еще и прием вычитания, например, IV (пять без одного) вместо IIII, IX (десять без одного) вместо VIIII; сорок изображалось как XL (пятьдесят без десятка) вместо XXXX, девяносто как

XC (сто без десятка) вместо LXXXX, девятьсот как CM (тысяча без сотни) вместо DCCCC; это позволяло еще более упростить систему. В общем, это была неплохая система.

Для обозначения чисел до десяти применялось всего три различных знака, тогда как нам теперь нужно десять. Например, 1905 выражалось римски также четырьмя знаками: MCMV. Но понятно, что чем числа были больше, тем больше новых знаков требовалось, так что шестизначные, миллионные числа требовали уже 12 различных знаков для своего выражения. Кроме того, приходилось повторять основной знак столько раз, сколько единиц данной категории заключалось в числе. Таким образом римляне, чтобы передать наше 4687, должны были писать MMMDCLXXXVII – 13 цифр вместо наших четырех. Понятно, что эта громоздкая система очень затрудняла счет.

Греческая цифровая система была немногим проще, потому что была чисто буквенной. Единицы означались первыми девятью буквами алфавита, десятки – вторыми девятью, сотни – третьими, тысяча – 28-й буквой и 10000 29-й буквой алфавита. Хорошо еще, что у них было так много букв! И то приходилось пользоваться условными дополнительными знаками для обозначения более высоких чисел. Нетрудно представить себе, как неудобно было производить даже простые арифметические действия с такой системой и какие преимущества представляет система «арабских» цифр, которыми мы теперь пользуемся.

Все дело было в том, чтобы сообразить, что для обозначения любого числа, как бы велико оно ни было, совершенно достаточно девяти первых знаков, выражающих единицы. Нужно только иметь способ различать порядковые категории их, то есть как-нибудь отмечать, означают ли они число единиц, десятков, сотен, тысяч или миллионов. Ведь ясно, что число 4687 можно было бы написать и по буквенной системе: Г тысяч, Е сотен. 3 десятков, Ж единиц, и даже просто ГЕЗЖ. Важно было, следовательно, установить определенный порядок в написании знаков, выражающих число, то есть чтобы тот же знак, в зависимости от места, которое он занимает в ряду, выражающем число, мог означать или число единиц, или число десятков, или сотен и т. д. Мы с детства знаем эту систему, и она нам кажется очень простой. Но построить ее было трудно. Для этого требовался большой ум и много труда. Понятия **десяток**, **сотня**, **тысяча**, казалось, требовали собственных отличительных знаков. И вообще числовой знак представлялся выражением определенного числа, действительной величины. А как же быть, если надо написать например число сто три или сто тридцать? Если изображать буквами, АВ будет значить только 13. Помогли здесь приемы механического счета.

Для сложения и вычитания удобно было писать единицы под единицами, десятки под десятками и т. д. Так возникла счетная доска, абак: **абак** – греческое слово, заимствованное с арабского, где оно значило буквально **песок**. Из этой счетной доски впоследствии создались конторские счеты. Первоначально это была доска с бортами, посыпанная песком; ее разделяли

вертикальными чертами на графы для единиц, десятков, сотен и т. д., и в эти графы вписывали цифры посредством острой палочки. Позднее пользовались деревянной или каменной доской, разграфленной таким же образом, а счет производился посредством камешков: сколько в числе имелось единиц, десятков, сотен и тысяч, столько в каждой полосе клалось камешков. **Камешек** по-латыни зывался **калькулус** (calculus); от латинского слова, означающего **камень**, создано и название химического элемента кальция, составляющего основу известняка*. (*Оксфордский этимологический словарь прослеживает происхождение **кальция** от латинского **calx** (известь). (Прим. ред.)) От подобного счета камешками происходит наше, заимствованное из латинского, слово **калькуляция**, означающее сложное исчисление, например, расценка товара из расчета себестоимости, накладных расходов, погашения основных затрат по оборудованию предприятия и т. д. Употребляли для этой же цели и костяшки, вследствие чего и шарики на счётах до сих пор сохранили название **кости**.

Происхождение наших счетов из подобной счетной доски понятно: вместо проведенной на ней черты – натянутая проволока, вместо отдельного набора камешков – 10 шариков, надетых на каждую проволоку, вместо доски – рамка. Прибор стал легче, проще и удобнее.

Применение подобной счетной доски вводило в сущности «арабскую» систему счета, так как благодаря последовательному расположению граф те же самые камешки служили для показания единиц, десятков, сотен и т. д. в данном числе. Но это еще не значило изобрести «арабскую» систему цифр. Для этого нужно было додуматься еще до одной идеи, которая не так-то легко приходит в голову. Необходимо было создать понятие нуль, составляющего самую душу этой системы.

Действительно, когда человек клал 4 камешка в графу тысяч, 2 в графу десятков и 5 в графу единиц, чтобы составить число 4025, то это было просто и ясно: каждый камешек означал наличие той или другой единицы стоимости, веса, количества, всегда это была какая-то реальная величина. Отсутствие сотен в числе 4025 показывалось отсутствием камешков в соответствующей графе, но это было именно отсутствие и только. Понятие нуль как отвлеченное отсутствие числовой величины в данном месте числового ряда требовало такого уровня мысли, который был достигнут далеко не сразу. И может быть, не случайность, что это понятие возникло не на Западе, а на Востоке, и именно в Индии, в которой отвлеченное мышление усиленно культивировалось и доходило до нелепости.

Нигде, кроме как в Индии, не находим мы такого увлечения огромными цифрами, такого числового воображения. Например, индусы насчитывали 68000 воплощений верховного божества, Брамы; сто миллионов божеств и 8400 биллионов их сыновей, три миллиарда разных богов. У них имелись названия для всех числовых величин в пределах колоссального числа, выражающегося единицей с двадцатью семью, а по другой системе, даже пятьюдесятью четырьмя нулями. В легенде о мудром Арджуме тоже задается вопрос, каков объем вселенной, вычисленный в

мельчайших частицах, и ответ (сокращенный) гласит: одно зернышко мака равняется десяти тысячам мельчайших пылинок, одна верста равняется миллиону маковых зерен, одна сфера равняется ста миллиардам верст, а вселенная равняется числу сфер, выражающемуся единицей и сорока нулями. С другой стороны, именно индийский ум создал понятие «небытия», которое играет важнейшую роль в буддийской философии.

Для обозначения этого отсутствия цифры данной категории индусы воспользовались знаком, которым они обозначали пропуск буквы и слова в тексте или имени в списке, как мы употребляем для этого «птичку», тире или крестик. Название этого знака по-индийски было буквально **пустой**.

От индусов вся эта система счета с девятью знаками, которые были, по-видимому, когда-то буквами, и знаком отсутствия числовой величины перешла к арабам, которые до того пользовались греческим буквенным счетом. Это произошло в конце VIII века, когда кабульский Раджа прислал с посольством к арабскому халифу Аль-Мансуру в Багдад среди прочих подарков индийскую рукопись, содержащую основы арифметики. Книга была переведена по приказу Аль-Мансура на арабский язык, а затем переработана знаменитым арабским математиком Абу-Джафаром Магометом бен Муса аль-Хваризми (то есть Хивинским) около 820 г. Арабы до сих пор называют эту цифровую систему «индийской». В европейских языках она получила название **алгорифм**. **Алгорифм** – искаженное под влиянием **алгебра** и **арифметика** имя **Аль-Хваризми**, а самые цифры стали называть арабскими.

Сохранилось предание, что впервые арабские цифры попали в Европу в 807 году, когда в Аахен прибыло посольство знаменитого халифа Гарун-аль-Рашида к столь же знаменитому императору Франции, Германии и Италии – Карлу Великому. Но если даже это предание справедливо, это ознакомление с арабской системой счета осталось без применения. И только к концу XII века эта система завоевывает Европу и вытесняет римскую систему. Этим завоеванием Европа обязана уроженцу города Пизы в Италии, купцу Леонардо, отец которого был кем-то вроде торгового агента или консула в одном из портов Алжира, входившего в состав арабской империи. Молодой Леонардо был вызван туда отцом специально для обучения «удивительному искусству» арабской арифметики. Еще до этого, с середины XII века, новые идеи идут из Испании, которая до этого времени находилась под владычеством арабов. Город Толедо, отвоеванный у них в 1085 году, еще оставался очагом арабской образованности, и сюда едут учиться любознательные ученые из Англии и Италии. Но победу арабской науке дала книга Леонардо, написанная им по-латыни и изданная в Пизе в 1202 году под заглавием «Книга абака».

Понятие и знак отсутствия числовой величины, то есть нуль, арабы называли **цифр**, что значит буквально **пустой**, – это перевод индийского термина. Леонардо называет его **зефирум**: это искажение объясняется влиянием латинского (заимствованного с греческого) слова **зефир**, означающего легкий теплый ветер. Отсюда французское **зеро** в том же значении **нуль** (у

нас только для обозначения нулевого номера в игре в рулетку)*. (*Оксфордский этимологический словарь ведет происхождение **zero** непосредственно от арабского **cifr**, не упоминая промежуточное **зефир**. (Прим. ред.)) Наряду с этим латинским термином возник и итальянский **сифра, сифера** в том же значении **нуль**, которое перешло и во все европейские языки.

Для обозначения числового знака цифры употреблялось прежнее латинское слово нумерус (numerus), означавшее вместе с тем и **число** и сохранившееся до сих пор во всех европейских языках в том же значении. Это наше **номер**.

Только гораздо позднее, в XV веке, итальянцы заменили арабское слово **сифр** (cifr) собственным словом **нулла** (nulla), что буквально **никакая**; это **nulla** от них заимствовали немцы, изменив его произношение в **нуль** (Null). Из Германии **нуль** перешел к нам. Введение этого нового термина освободило заимствованное с арабского слово **сифр** от значения **ноль** и позволило ему получить более широкое значение числового знака – цифры – вообще. Но это произошло не всюду. Французское **шифр** (chiffre) переменило значение вслед за итальянским, в Германии же **циффер** (Ziffer) удерживал значение **нуль** до XVII века, и еще Лютер, упрекая немецких епископов в беспрекословной покорности римской церкви, говорил, что они – цифры, то есть нули, перед папой. А английское **сайфер** (cipher) до сих пор упрямо сохраняет значение **нуль**.

В Россию это слово пришло двумя путями: прямым в форме **цифра** и в теперешнем смысле слова, и косвенным, через Германию, в форме **цыфирь** в значении **знание цифр, арифметика**. Отсюда назван Цыфиркиным учитель арифметики в «Недоросле» Фонвизина.

Ранее, в допетровскую эпоху, числа выражались буквами, как у греков. При этом, начиная с тысячи, уже не хватало букв, и такие числа означались буквами-единицами, снабженными дополнительными знаками. Тысяча обозначалась маленькой кривой черточкой, пересеченной двумя еще меньшими и поставленной перед буквой-единицей; 10000 называлось **тьмой** и обозначалось кружком вокруг буквы; 100000 носило название **легеон**, – здесь кружок делался из черточек, лучиков; 10 миллионов именовалось **вороном**, и кружок был из крестиков. Дальше арифметическое воображение не шло, и даже имелось представление, что после этого имеется последнее число, больше которого не может быть. Оно называлось **колодой**. «Бесчисленная лежит колода, – заявлял старинный человек, – ей же больше несть числа, и человеку от Бога утаено: не возможно бо есть человеку тайну божию ведети».

Уже слова **тысяча** не было в древнеславянском языке, и это слово заимствовано из старонемецкого. **Тьма** не имеет ничего общего с темнотой, это только удачное осмысление. На самом деле это татарское слово **туман**, означающее тоже 10000, буквально **собранное, объединенное**. **Легеон** – латинское **легион** (legio), легионом был отряд в 6000 солдат. Увеличение числового значения произошло под влиянием евангельского образа. Евангелие сообщает, что однажды при исцелении бесноватого Христос

потребовал, чтобы изгоняемый бес назвал свое имя. По суеверному представлению древних, это давало человеку власть над демоном, которого он мог отныне вызывать, когда захочет. «Мне имя – легион», был ответ*. (*См. Марка, гл. 5, ст. 9. (*Прим. ред.*)) Отсюда значение множества, бесчисленного количества.

Позднее, когда стали применять цифровую азбуку для секретной переписки, ее называли во всех языках тем же словом, которое означало цифру, и это название сохранилось за тайной азбукой и тогда, когда она перестала быть цифровой. В русском языке для этого заимствовано французское **шифр** (chiffre).

Наконец, то же слово **шифр** означало в дореволюционной России еще и золотой вензель, служивший знаком награды за успехи при окончании дворянских женских институтов.

Инициатива

Представьте себе круг, по разграфленным секторам которого бегают семь шариков разной величины и цвета, а поля обведены вращающимся ободом, разделенным на двенадцать частей. Получается нечто вроде рулетки. Рулетка – это приспособление для азартной игры и самая эта игра, которая основана на том, что по доске, разделенной на поля, снабженные номерами, пускается шарик. Остановка шарика в определенном поле означает выигрыш этого номера. Игрок, поставивший свои деньги на это поле, получает сумму, во много раз превышающую его ставку, а все поставившие на другие номера теряют свои ставки.

Вроде такой рулетки представляли себе люди в древности движение светил и созвездий по небесному своду. Тогда еще не знали, что земля и планеты движутся вокруг солнца, и что это круговращение земли и объясняет кажущееся вращение небесного свода. Но люди уже в глубокой древности подметили, что путь солнца и луны с каждым днем перемещается с запада на восток, возвращаясь к исходной точке – луна через 28 дней, солнце через год, в отличие от планет, путь которых не имеет такой правильности. Потому-то они и получили по-гречески название **планеты**: греческое **planetes** в буквальном переводе – **скиталец**. Древние люди заметили также, что годовое перемещение солнца проходит по полосе неба, которую можно разделить приблизительно на двенадцать отрезков, причем в каждом можно поместить одно созвездие. Таким образом солнце, луна и планеты проходят последовательно через этот круг созвездий. Получается действительно нечто похожее на рулетку. Семь шариков – это солнце, луна и пять известных в то время планет, двенадцать отрезков обода – это ряд созвездий, поле – небо.

Люди той эпохи представляли себе не только землю центром вселенной, но и человека целью мироздания. Величественный механизм неба казался им механизмом самой судьбы человеческой. Наблюдая, что смена времен года соответствует местоположению солнца в том или другом

созвездия, связывая наступление периода дождей или засухи с наличием того или иного созвездия, они, по своему суеверию, невольно, а затем и сознательно (и даже с своей точки зрения логично) видели в этом небесном механизме механизм не только календаря природы, но и календаря истории и верили, что то или иное расположение светил знаменует не только наступление тех или иных явлений природы, но и наступление тех или иных событий в истории и даже в жизни отдельного лица. Этому способствовало, конечно, развитие астрономических знаний, благодаря которым люди научились вычислять более или менее точно расположение светил в любой момент прошлого и будущего. Им казалось, что они овладели механикой судьбы, механикой истории, позволяющей предугадывать и предсказывать событие или исход задуманного предприятия. Так возникло звездочетство, астрология: **astrologia** по-гречески буквально **учение о звездах**. Это «учение» было, разумеется, совершенно фантастическим. Оно не раз сыграло пагубную роль в истории и в судьбе отдельных лиц, которых оно вводило в заблуждение своими ложными предвещаниями. Подозрительные римские императоры, вечно боявшиеся заговоров в пользу другого претендента, обращались к звездочетам с заданием проследить по небесному календарю судьбу тех лиц, в которых они подозревали себе соперников, и нередко казнили тех, которым ответы этих предсказателей сулили успех, несмотря на то, казалось бы, неопровержимое изречение, гласившее, что никто не в силах убить своего преемника. И наоборот, иногда популярный военачальник или правитель области, обнадеженный лстивым звездочетом, поднимал восстание или устраивал заговор и погибал. Но подобные случаи мало способствовали рассеянию этого суеверия. Хитрые звездочеты всегда умели объяснить такое не оправдавшееся предсказание ошибкой вычисления. Подобный случай, например, положен в основу трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна».

Однако астрология была кое-чем и полезна. Повышенный интерес, который она возбуждала тогда, когда чистая любознательность вряд ли способна была побудить к изучению небесных явлений, способствовал развитию астрономических и математических знаний, которые постепенно устранили из изучения неба то самое суеверие, которое их породило. Любопытным наследием этой мнимой науки остался ряд слов, суеверное происхождение которых давно забыто. Это не удивительно. Слово, возникшее в качестве термина определенной области знания или деятельности, может впоследствии укорениться в другой или перейти к более общему значению. Ярким примером может служить слово **революция**, означавшее первоначально ту петлю или зигзаг, которую делает видимый, кажущийся путь планеты вследствие обращения земли и планеты вокруг солнца. Буквально **революция** значит по-латыни (*revolutio*) **обратное развитие***. (*Оксфордский этимологический словарь и другие английские источники возводят **revolution** к латинскому глаголу **revolvere**, что значит **вращаться**. (Прим. ред.)) Казалось бы, нечто действительно «обратное» тому смыслу, который этому слову принадлежит теперь. Но это фактически попятное движение планеты было вместе с тем резким нарушением привычного движения,

«переворотом», «возмущением». Ведь этим последним словом и переведено как астрономический термин слово **революция** в его первоначальном значении.

Предсказания астрологов основывались на вычислении расположения планет (включая солнце и луну) и созвездий и на истолковании его. Это исчисление производилось с целью установления момента наиболее благоприятного расположения планет, когда и следовало осуществить предприятие, чтобы иметь наилучший успех. Этот искомый момент назывался **инициативой**, буквально **начинанием****. (***Initium* по-латыни – **начало**. (Прим. ред.)) Как же угадывался этот момент? Это было довольно сложное дело. Планеты разделялись на благоприятные, враждебные и безразличные, такое же деление устанавливалось для созвездий. Кроме того, сила планеты зависела от того, находится ли она в соответствующем ей созвездии, как бы у себя дома, или в чужом. Наконец, очень существенно было взаимное расположение планет. Круг созвездий был расчерчен четырьмя вписанными в него треугольниками, пересекавшиеся линии которых образовывали квадрат, так каждое созвездие соединялось с двумя другими по треугольнику и с третьим по квадрату. Это соединение называлось **аспектом**: **aspectus** по-латыни буквально **взгляд**. В настоящее время **аспект** означает отношение, в котором мы берем понятие или представление. В зависимости от того, в каком аспекте к данной планете находились другие, враждебные и благоприятные планеты, сила ее считалась повышенной или ослабленной. Это повышение силы называлось **экзальтацией**, по-латыни (*exaltatio*) буквально **возвышением**. Оно названо так потому, что планета считалась сильнейшей в час своего восхождения. Теперь **экзальтацией** называется повышенная возбужденность, взволнованность.

Общее расположение светил, обуславливающее исход предприятия, имело название **констелляция**: **constellatio** буквально по-латыни **созвездность, созвездие**. У нас теперь это слово означает обстановку, обуславливающую тот или иной исход предприятия или действия.

Таким образом **инициатива, аспект, констелляция, экзальтация**, ставшие теперь совершенно трезвыми и серьезными понятиями, оказываются возникшими из фантастического учения о влиянии звезд на судьбу человека и на историю и хранящими еще в своем буквальном значении печать породившего их суеверия.

Кстати сказать, и название болезни **инфлюэнца** возникло из того же круга суеверных представлений, так как эта болезнь приписывалась враждебному магическому влиянию, – **influenza** буквально по-итальянски **влияние**.

Как ни странно, **влияние**, оказывается, также заимствование: это перевод французского слова **influence** (влияние, воздействие), являющегося родным братом итальянского **инфлюэнца**. Слово **влияние** введено в русский язык Карамзиным в начале XIX столетия.

Икс

Известно, что буква **x** означает в алгебре неизвестное, подлежащее определению. Поэтому, когда немецкий физик Рентген открыл загадочные лучи, проникавшие сквозь непрозрачные предметы, он назвал их «икс-лучами».

Нас не удивляет, что **x** применяется в формулах с одним неизвестным, **y** для обозначения второго и **z** для обозначения третьего неизвестного: **x, y, z** – последние буквы всех западноевропейских алфавитов и их образца и родоначальника – латинского алфавита, так что эти буквы, естественно, могли употребляться в алгебре в этом значении в противоположность начальным буквами, прежде всего, **a, b, c**, обозначающим известные величины. Но в таком случае, казалось бы, нужно было начинать действительно с конца, то есть **z** должен быть знаком первого неизвестного, **y** – второго, **x** – третьего. Стоит ли об этом раздумывать? Разумеется, само по себе это пустяки. Но эта маленькая странность не просто случай, а имеет исторические причины.

Алгебре научили Европу арабы. Самое слово **алгебра** – арабское и означает **восстановление** (так арабские математики понимали построение уравнений). Конечно, это были только начала алгебры, они не шли дальше решения уравнений второй степени. Эти начатки алгебры вместе с употреблением цифр (которые потому и называются до сих пор арабскими) были переняты в Италии благодаря торговым сношениям итальянских купцов с Востоком – в начале XIII века. Решение же уравнений третьей степени открыл итальянский математик Феррео, профессор Болонского университета, в начале XVI века, и он долго держал свое открытие в секрете: таково было в то время отношение ученых к науке, как к секретам, которые даром не передаются. Феррео сообщил о своем открытии только любимому ученику Флоридо и то с тем условием, чтобы тот не пользовался этим секретом до его смерти.

Флоридо остался верен обещанию, которое он дал своему учителю, и только в 1535 году решил приобрести славу с помощью этого секрета. Он вызвал на состязание в Венеции пользовавшегося большой известностью в то время математика Тарталеа: каждый должен был задать сопернику три задачи, и Флоридо был заранее уверен в победе, предложив Тарталеа задачи, которые можно было решить только с помощью уравнений в третьей степени. Каково же было его смущение и отчаянье, когда Тарталеа задал ему задачи, которые поставили его самого в тупик! Тарталеа, оказалось, к этому времени сам додумался до правил решения уравнений не только третьей степени, но даже и четвертой.

Эта победа доставила Тарталеа большую славу. Кардан, имя которого сохранилось до сих пор в термине **карданное соединение**, известном всем велосипедистам и автомобилистам (в значении **передача**), долго тщетно умолял Тарталеа открыть ему эти секреты, и тот наконец согласился, но при условии, что Кардан поклянется на евангелии и даст честное слово

дворянина, что он не разгласит этих знаний и запишет их только тайным шифром, чтобы даже после его смерти никто не мог их узнать. Кардан с готовностью дал требуемые клятвы, и Тарталеа вручил ему свою рукопись, в которой стихами (для лучшего запоминания) изложены были правила решения уравнений – самих доказательств Тарталеа не дал Кардану, а, может быть, он и сам не знал их. Однако Кардан вывел эти доказательства и, несмотря на свои клятвы, опубликовал в 1545 году свои открытия, признавая первенство Тарталеа.

Вскоре после этого француз Виета ввел впервые буквенные обозначения для алгебраических величин, причем неизвестные означались гласными **a, e, i, o, u**, а известные – согласными **b, c, d, f** и т. д. Знаменитый французский философ и математик Декарт (XVII в.), создатель аналитической геометрии, пользуется для обозначения алгебраических неизвестных уже буквами **x, y, z**, опять под влиянием арабской математики, процветавшей в Испании в эпоху владычества мавров. Мавританские ученые с X века называли неизвестное словом **шай**, или **шей**, обозначающим по-арабски **нечто**, и употребляли в качестве алгебраического знака для его выражения первоначально букву арабского письма, произносившуюся **ш**. Но после завоевания мавританской Гренады испанцами в XV веке арабская культура быстро теряет свою самостоятельность и обособленность, и мавританские и испанские математики, пользуясь уже испанским (общеевропейским) алфавитом, заменили этот арабский знак собственной буквой, имевшей также произношение **ш**. Этой буквой и был **x** (впоследствии испанцы стали произносить эту букву как русское **x**, поэтому имя Дон-Кихота французы, узнавшие его раньше, произносят Дон-Кишот, как и у нас в старину, следуя французскому произношению, называли этого героя). Этим же объясняется то обстоятельство, что часто упоминаемое в английских романах шерри и испанский херес являются одним и тем же вином*. (*Английское **sherry** заимствовано в XVI веке от испанского **vino de Xerez** – по названию города Херес; современное написание этого названия – **Jerez**. (Прим. ред.))

Знак **x**, перенятый у испанцев, а также **y** и **z** получили общеевропейское значение благодаря знаменитой «Геометрии» Декарта (1637 г.), а вместе с этим и названия этих букв – **икс**, **игрек**, **зед**. И если бы не маленькая странность в порядке обозначения неизвестных, никому бы и в голову не пришло, что введение этих букв для алгебраических целей – свидетельство арабского заимствования.

Нигилист

В романе Тургенева «Отцы и дети» Аркадий Кирсанов так спрашивает:

«–Что такое Базаров? Он нигилист.

–Как? – спросил Николай Петрович.

А Павел Петрович поднял на воздух нож с куском масла на конце лезвия и остался неподвижен.

–Он нигилист, – повторил Аркадий.

–Нигилист? – проговорил Николай Петрович. – Это от латинского **нигиль, ничего**, сколько я могу судить. Стало быть это слово означает человека, который... который ничего не признает?

–Скажи: который ничего не уважает, – подхватил Павел Петрович и снова принялся за масло.

–Который ко всему относится с критической точки зрения, – заметил Аркадий.

–А это не все равно? – спросил Павел Петрович.

–Нет, не все равно. Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип.

–И что ж, это хорошо? – перебил его Павел Петрович.

–Смотря как кому, дядюшка. Иному от этого хорошо, а иному очень дурно.

–Вот как! Ну это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принципов, принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Посмотрим, как вы будете существовать в пустоте, в безвоздушном пространстве».

Роман Тургенева создал слову **нигилист** огромную популярность. «Из всего, что есть в романе Тургенева, слово **нигилизм** имело самый громадный успех, – высказывалась критика того времени. – Оно было принято бесспорно и противниками и приверженцами того течения, которое им обозначается. Теперь это слово повторяется в печати ежедневно нескончаемое число раз».

«Нигилизм был своего рода откровением», подтверждает и Салтыков.

Тургенев считал себя, по-видимому, изобретателем этого слова.

«Когда я вернулся в Петербург (из-за границы), – рассказывал он впоследствии, – слово **нигилист** уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мною на Невском, было:

– Посмотрите, что ваши нигилисты делают! (В это время только что сгорел Апраксин рынок, подожженный, по слухам, с политическими целями).

Выпущенным мною словом **нигилист** воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово, но как точное и уместное выражение проявившегося исторического факта. Оно было превращено в орудие доноса, почти в клеймо позора. Несколько печальных событий, совершившихся в ту эпоху (имеются в виду политические покушения и убийства), дали еще более пищи нарождавшимся подозрениям и как бы подтверждали распространенные опасения (приближения революции), оправдали старания и хлопоты наших “спасителей отечества”. Общественное мнение, столь неопределенное еще у нас, хлынуло обратной

волной. Но на мое имя легла тень (упреки в доносительстве)».

Лишь немногие знали в то время, что слово **нигилист** существовало до Тургенева. Слово слилось с типом, впервые воплощенным в образе Базарова, и хорошо передавало отношение общества к новым людям шестидесятых годов, материалистам. «Отцы», подобные Кирсановым, создали популярность этому названию, которое распространилось и на Западе в качестве немногих заимствований из русского. Романы Тургенева переводились на все европейские языки.

«В чем нигилизм состоит? – спрашивает генерал Утробин в «Благонамеренных речах» Салтыкова. – В отвержении промысла Божия и пользы, предержащими властями приносимой, в непочтении, неуважении, разрушении и неповиновении».

С другой стороны, и левая интеллигенция отрекалась от этого выражения, считая его осмеянным и дискредитированным в образе Базарова. Это слышится в стихах Некрасова («Газетная»):

Что ты бесишься? Что чудачишь?
В нигилисты ты что ли вступил?
– Нигилист – это глупое слово, –
Говорит, – но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит жить чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодя освищет,
А при случае рад и побить, –
Так, пожалуй, зови нигилистом!

Но **нигилизм** имеет историю и до Тургенева. Уже средневековое Богословие обозначало этим словом учение, отрицавшее вочеловечение Христа, но это слово затерялось в узких церковных кругах, тем более что означало ересь, сурово задушенную.

В конце XVIII века, в эпоху французской революции, это слово опять возникает – первоначально для того, чтобы обозначить безразличие к вопросам религии, а затем и в смысле неверия ни во что. Одновременно развивается и другое значение: **нигилист** означает никчемного человека, человека, у которого ничего не осталось, которому нечего терять и который поэтому оказывается «революционером поневоле».

Несколько позднее **нигилизм** становится философским понятием у немецкого философа-идеалиста Якоби, означая у него крайнего идеалиста, отрицающего существование внешнего мира как реальности; реальны, дескать, только восприятия сознания; предметы – это только наши представления. При этом иногда это понятие прямо противопоставляется материализму; нигилизм не признает ничего, кроме идеи духа.

В русском языке **нигилист** появляется в двадцатых годах XIX столетия, продолжая французский смысл этого слова, но с переходом от политического смысла к культурному. Нигилист – это человек, который не

имеет никакой основы (философской, моральной), никаких идеалов в искусстве и жизни. В этом смысле, от которого недалеко до **ничтожества**, употребляет это слово в «Вестнике Европы» (1829 г.) критик Надеждин в выражении «сонмище нигилистов», направленном против Пушкина и его литературных друзей, позицию которых он считал оторванной от жизни, чисто эстетической, хотя уже тогда это выражение Надеждина было понято как упрек в материализме. В таком же смысле отсутствия идей и отказа от идеализма употребляет это слово и Белинский. А несколько позднее **нигилизм** означает отсутствие собственного, определенного взгляда на вещи.

Таким образом, слово **нигилизм** или **нигилист** возникало заново и без связи с предыдущим по крайней мере три, если не четыре раза. И хотя оно всегда подразумевало отрицание, это отрицание получало даже прямо противоположный смысл, являясь то идеалистическим, то материалистическим.

ГЛАВА 10

СТРАННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Алкоголь

Алкоголь – арабское слово. Но по-арабски оно означает не винный спирт (точнее, содержание спирта в напитке), как у нас теперь, а порошок сурьмы, употреблявшийся издавна на всем Ближнем Востоке женщинами для окраски бровей и ресниц. Обычай женщин чернить брови и ресницы, вошедший с какого-то времени в наш обиход из Западной Европы, в подражание буржуазной моде, оказывается очень древним. Уже в библии древнееврейские пророки сравнивают Палестину, не соблюдающую строгий веры в Иегову, с женщиной, оставившей мужа и старающейся нравиться другим мужчинам своими пестрыми нарядами и насурьмленными бровями. Даже в древних гробницах Египта найдены в женских погребениях сосуды и коробочки для подобных целей. Известно впрочем, что первым видом живописи и рисования, существующим уже у самых грубых дикарей, является именно разрисовка и раскрашивание лица и всего тела, так что модой этой совершенно нечего гордиться. В России этот обычай существовал уже в старину, но пришел тогда к нам с Востока. Это называлось **сурьмить** брови, от персидского слова **сурьма**.

Обычай чернить брови порошком сурьмы был так распространен среди персидских и арабских женщин, что старинный поэт мог даже воскликнуть, что целая гора (содержащая сурьмяную руду) разносится на палочках, которыми женщины подмазывают себе брови.

У слова **алкоголь** переход значения от **сурьмян** к **спирту** кажется совершенно непонятным. Объяснение его лежит в истории химии. Слово **химия** представляет сокращение от **алхимия**, как называлось в старину

учение о превращениях и соединениях веществ. Это учение главным образом имело задачей найти «эликсир жизни», напиток, сохраняющий молодость, и «философский камень» – средство для делания золота.

Сохранить вечную молодость, стать бессмертным, как боги, было мечтой человека уже в древности. Отголоски ее повторяются в мифических представлениях о «дереве жизни», о «нектаре» и «амброзии» – пище и напитке богов, о «живой» и «мертвой» воде. Мечта о золоте появилась гораздо позднее, когда расслоение классов на почве экономического неравенства сделалось достаточно резким.

Алхимия если и не создана была арабами (их учителями в этой области были греки), то во всяком случае была ими развита в период расцвета арабской культуры в VIII - XI веках настолько, что была заимствована средневековой Европой в качестве арабской науки. Самое слово **алхимия** – арабское, как показывает начальное **аль**, арабская определительная приставка, известная всем из имени Гарун-аль-Рашид, то есть Гарун Храбрый – так звали калифа, героя сказочной «Тысячи и одной ночи». Вторая часть слова **алхимия** неясна: одни производят его от греческого слова, означающего сок, другие (с большим основанием) видят в нем египетское слово, означающее **Египет: химия** (khemia) буквально **черная земля** – в противоположность пескам пустыни. Так что **алхимия** означает, по всей вероятности, «египетскую» науку. Египет был для арабов, как и для греков, страной древнейшей культуры и таинственных знаний.

Вместе с алхимией перешли в Европу и термины **эликсир** и **алкоголь**, оба в близком друг другу значении **тонкий чистый порошок**.

Эликсир – тоже арабское слово, состоящее опять-таки из приставки **аль** и греческого слова, означающего **сухой**: это слово **xerion** повторяется в терминах **ксероформ** (кровоостанавливающий и дезинфицирующий порошок) и **ксерофильный** (тип растений, требующий сухой почвы).

Оба термина – **эликсир** и **алкоголь** – стали обозначать тончайшее, чистейшее вещество и самый «философский камень», способный превращать простые металлы в золото. При этом и то и другое слово стало применяться преимущественно к жидкостям, потому что для алхимиков самым высшим способом превращения вещества была перегонка, а это способствовало представлению о жидкости, как о высшем (по сравнению с твердым) состоянии вещества, тем более что жидкости действительно оказывались и физически и химически более подвижными и деятельными, например, кислоты и растворы. Поэтому и **эликсир** и **алкоголь** в качестве высших алхимических понятий легко перешли от значения чистого тонкого, сухого порошка к значению сильнодействующей, крепкой, чистой, высшего типа жидкости. Отсюда, между прочим, развилось и представление об эликсире как о волшебном напитке, которое отразилось в известной повести Гофмана «Эликсир сатаны» и в ряде других произведений подобного рода.

Но по мере того, как алхимия в тщетных опытах смешивания, нагревания, растворения и выпаривания всевозможных веществ становится подлинной наукой, химией, блекли и старинные фантастические

представления, и термины **алкоголь и эликсир** спустились из туманных высот воображения на твердую почву. **Эликсир** стал скромным медицинским термином, означающим лечебное питье (теперь заменено термином **микстура**, буквально значит **смесь**). **Алкоголь** стал означать очищенную и крепкую, благодаря перегонке, основу – то, что теперь называется **эссенцией**. Одной из важнейших таких эссенций была винная, винный спирт, получение которого в чистом виде было большим достижением старинной химии.

Извлечение опьяняющей основы вина, которая оказалась прозрачной, легко воспламеняемой (горящей голубым огнем) летучей жидкостью, обладающей большой растворяющей способностью и не замерзающей (в условиях того времени), естественно, произвело большое впечатление на ученых той эпохи. Ведь это была «душа» вина! Поэтому-то и называли его «винным спиртом»: по-латыни **спиритус вини** (*spiritus vini*) означает буквально **дух вина**. От того же слова **спиритус** образован термин **спиритизм** – вызывание духов и переговоры с ними через посредство медиумов или «столоверчения», которым очень увлекались во всей Европе во второй половине XIX столетия.

По-французски винный спирт также называется до сих пор «духом вина»*. (*В термине **esprit-de-vin** (винный спирт) слово *esprit* (дух) ведет происхождение от латинского **spiritus**. (*Прим. ред.*)) По аналогии с ним спирт, последний продукт перегонки дерева, называли древесным спиртом. Вместе с этим и значение **алкоголь** сосредоточилось на винном спирте. Но еще в начале XIX века английский поэт Кольридж, современник Пушкина, применяет для характеристики человека выражение «алкоголь эгоизма», в котором **алкоголь** еще сохраняет свой старинный, полутаинственный смысл **чистейшая суть вещества**.

Альманах

Верблюды останавливаются один за другим, устало сгибают сначала передние, потом задние ноги, опускаются на колени и медленно ложатся на землю. Они лежат в позе, в которой изображен маленький верблюд на памятнике известному путешественнику Пржевальскому в Саду трудящихся в Ленинграде*. (*Ныне Александровский сад. (*Прим. ред.*)) Верблюд приучен так ложиться, чтобы всадник мог легко сойти с него и садиться снова.

Какое наслаждение после утомительной тряски под палящим солнцем и ветром, который бьет в лицо раскаленным песком, оказаться, наконец, к ночи под тенью пальм и кустов, у студеного источника! Долог был путь от оазиса к оазису через пустыню.

Всадники спешиваются, поят верблюдов, засыпают им корму, доливают выпитые за дорогу бурдюки свежей водой из источника, и только после этого садятся сами на отдых.

Такая стоянка называется по-арабски **альманах**, что означает буквально **место, где сгибаются колени** (подразумеваются верблюжьи

колени).

Но человек невольно переносит свои отношения и свойства на окружающий мир, представляя себе явления природы в образе живых существ, поступающих так, как привык он сам поступать, и создавая богов, подобных себе. Солнце, луна, планеты, созвездия движутся по небу, совершая определенный путь, как караваны в пустыне. На этих небесных дорогах также должны быть стоянки.

Мы говорим о летнем и зимнем «солнцестоянии», это дни, когда высота солнца над горизонтом в полдень максимальна (летом) или минимальна (зимой). Потом те точки на горизонте, откуда восходит и куда садится солнце, с каждым днем перемещаются, как будто солнце после отдыха опять прокладывает себе ежедневно новый путь. Планеты также, вследствие движения земли вокруг солнца, как будто останавливаются на некоторое время, как бы для отдыха, подымаясь в течение нескольких ночей примерно в том же месте, а затем их орбита опять начинает смещаться.

Эти стоянки небесных светил совпадают со сменой времен года, указывая наступление периода дождей, ветров, сроков прорастания, цветения и созревания плодов и определяя таким образом последовательность земледельческих работ, этапы пастушеской жизни. Для земледельца и пастуха весь обиход жизни строился по этому круговороту природы, по этому календарю, таблицей которого служило ему небо. Из этой необходимости очень рано возникают начала астрономии, и, как это ни удивительно, древний человек или современный «дикарь» знает жизнь неба гораздо лучше, чем нынешний средний городской обыватель, который часто не знает даже, когда бывает равноденствие или когда будет ближайшее новолуние.

Поэтому нетрудно понять, каким образом «стоянка» небесных светил, а затем весь маршрут планет и созвездий, определяющий течение года, могли получить в арабском языке название **альманах**. Так это слово пришло к значению **календарь**.

В этом значении **календарь** слово **альманах** пришло в Европу и вошло во все европейские языки, начиная с испанского и итальянского, которые заимствовали его непосредственно из арабского*. (*Оксфордский этимологический словарь прослеживает западноевропейские варианты **альманаха** от средневековой латыни (где зафиксировано **almanac**), считая происхождение слова неясным. (Прим. ред.)) Так назывались с XII века календари, снабженные таблицами фаз луны и движения планет, датами солнцестояний и равноденствий, восхода и захода солнца, луны, планет и созвездий. Нередко в них помещались и предсказания на будущий год. Потомки этого типа альманаха – справочного ежегодника – живут до сих пор. Наиболее престарелые и почтенные из их: «Морской альманах» английского Адмиралтейства, издающийся с 1714 года, и «Астрономический альманах» Парижской обсерватории.

Календарь был в старину очень распространенной книгой. Нередко это была единственная книга, которая имелась в доме. Это объяснялось, прежде всего, полезностью тех разнообразнейших сведений, которые

содержались в старинном календаре. Заинтересованность в них была тем больше, что люди не располагали в то время другой литературой по этим вопросам. Календарь был своего рода обывательской энциклопедией знаний. И эту единственную книгу читали и перечитывали много раз. Были и специальные календари-справочники, которые давали сведения, иногда очень близко интересовавшие специального читателя. Отец Гринева в «Капитанской дочке» Пушкина ежегодно получал «Придворный календарь», заключающий перечень лиц, занимавших высшие должности.

Гринева делится своими впечатлениями:

«Эта книга имела всегда сильное на него влияние. Никогда не перечитывал он ее без особого участия и бывало по целым часам не выпускал уже из своих рук. И чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи»...

От чего это «волнение желчи»? От того, что самолюбие Гринева-старшего страдало, когда он узнавал из «Придворного календаря» о карьере, которую делали его бывшие товарищи, не бросившие службы, как он.

В «Горе от ума» Грибоедова забавное препирательство Фамусова с Хлестовой по поводу того, каких размеров состояние Чацкого, дает нам знать, что в старину были календари, заключающие подобные сведения.

— Был острый человек. Имел душ сотен три, — говорит Хлестова.

— Четыре, — поправляет Фамусов.

— Три, сударь, — настаивает та.

— Четыреста, — твердо повторяет Фамусов.

— Нет триста, — спорит Хлестова.

— В моем календаре... — хочет подтвердить свое мнение тот, но старуха и слушать не хочет!

— Всё врут календари.

— ...как раз четыреста. Ох, спорить голосиста, — с досадой говорит Фамусов.

— Нет, триста! — запальчиво возражает та и обидчиво добавляет: — Уж чужих имений мне не знать!

— Четыреста, прошу понять! — начинает сердиться и Фамусов.

— Нет, триста! Триста! Триста! — кричит старуха, не давая ему вставить слово.

Распространенность и популярность альманахов-ежегодников такого типа вызвала конкуренцию и побуждала к новшествам, с одной стороны, и к сохранению привычного названия, с другой. Самый тип ежегодника или дневника позволял придавать ему разнообразное содержание. Уже к началу XVIII века вырабатывается тип альманаха как сборника полезного и занимательного семейного чтения, причем некоторые издания подобного рода приобретают такую популярность, что издаются в течение целого ряда десятилетий. Таковы «Альманах бедного Ричарда», издававшийся в течение пятидесяти с лишком лет, немецкий «Альманах муз», американский «Альманах старого фермера», «Американский альманах», переименованный потом в «Национальный» и т. д.

Интересно, что деятели Великой французской революции 1789 года правильно учли влияние, которое подобный тип изданий для семейного чтения может иметь в широких слоях населения. Каждая политическая партия или даже почти каждая группа выпускает свои альманахи. Тут имеются, например, «Альманах честных людей», «Альманах санкюлотов», «Альманах дяди Жерара». Таким же образом в сороковых годах XIX столетия издавались альманахи бонапартистами, подготовлявшими захват власти Наполеоном III.

Характер ежегодника сохранился первое время и в чисто литературных сборниках, так как означал сначала сборник, в котором группа поэтов или писателей издавала свои произведения на данный год. Такими альманахами были, например, известные «Северные цветы» – сборники стихов, издававшиеся Дельвигом (при участии Пушкина, Вяземского и других поэтов этой группы): «Северные цветы» выходили с 1827 по 1830 год. Постепенно, однако, этот смысл **ежегодник** утратился, и альманахами стали называться вообще сборники разнообразных авторов, большей частью отдельные, единичные. Впрочем, известные альманахи московского издательства «Шиповник» 1908 - 1912 годов являлись серией.

Такова странная и, пожалуй, случайная история слова **альманах**. Место, где верблюды склоняют колени, стоянка в пути, поворотный пункт на пути планеты, календарь, справочный ежегодник, литературный ежегодник, литературный сборник, – вот те «стоянки», которые оно миновало на своем тысячелетнем пути.

Марципан

Марципаном называется сладкое миндальное тесто, из которого делают начинку конфет, а также сладости в форме плодов и каких-либо фигурок, включая животных и людей. Такие фигурки нравятся детям, потому что ими можно сначала поиграть, а потом и полакомиться.

Марципан делается так (согласно старому рецепту):

«1 фунт сладкого миндаля очистить, высушить, мелко истолочь, подливая розовой воды с полстакана, переложить в кастрюлю, всыпать 1 фунт сахара, мешать в огне, пока масса не погустеет (смотреть, чтобы не пригорело), потом снять с огня, дать остынуть, раскатать, вырезать разными фигурами».

Или «другим манером»:

«Растереть массу толченого миндаля с сахаром и розовой водой, разложить в формочки (в виде сердца), поставить их на железный лист, покрыть другим листом, на который насыпать горячих угольев и так испечь».

Так рекомендует поварская книга. Как видно, сделать марципан довольно просто, если, впрочем, имеется миндаль, сахар и розовая вода (думаю, можно смело обойтись и без розовой воды). Но сделать самое слово **марципан** было гораздо сложнее: для этого необходимо было торговое соперничество Византии и Италии на Востоке, крестовые походы и феодальный строй.

Марципан к нам пришел из Германии вместе с немецкими кондитерами и булочниками, основавшими свои магазины во всех городах России и передававшими их по наследству из поколения в поколение. Наиболее известна кондитерская Вольфа в Петербурге – на углу Мойки, на Невском проспекте: Пушкин пил лимонад у Вольфа, ожидая своего секунданта, чтобы ехать на дуэль с Дантесом.

Но **марципан** – не немецкое слово, как и самое лакомство это изобретено не немцами. Это и понятно: миндаль в Германии не растет. Марципан явился в Германию из Италии. Но там он назывался **марцапан***. (*Современное итальянское произношение и написание – **марцапане** (marzapane). Английские источники считают происхождение слова неясным. (Прим. ред.)) Немцы переделали это слово в **марципан** (marzipan) из желания как-нибудь его осмыслить. В то время – это было в середине XIV века – латинский язык был очень распространен; на нем говорили и писали все образованные люди. Поллатыни же **марципан** может означать **хлеб Марка****, а в Саксонии издавна и еще до недавнего времени существовал обычай (будто бы со времени жестокого голода в 1407 году) выпекать к празднику святого Марка хлебцы, которые даже и назывались Марковыми хлебцами. (**В латинском написании **marcipan** можно усмотреть два корня, **marci** и **pan**, и истолковать **marci** как родительный падеж имени Марк, а **pan** как усеченное **panis** (хлеб): получится буквально **Марка хлеб, Марков хлеб**. (Прим. ред.))

Но в действительности **марципан** никакого отношения к саксонским народным обычаям, святому Марку, и голоду XV века не имеет. Итальянское **марцапан** существовало гораздо раньше этого. Оно означало не только миндальное тесто, но и шкатулку или ларец, а также и пошлину, взимаемую с ввоза европейских товаров в восточные страны, или процент с товарной стоимости.

Что же общего между этими тремя значениями? Как случилось, что слово **марцапан** стало означать такие различные вещи?

Италия в средние века была первой торговой страной, недаром **банк, ломбард, кредит** и почти все финансовые и бухгалтерские термины – итальянского происхождения. Венеция, Генуя, Пиза, Амальфи и ряд других итальянских городов владели большим количеством торговых и военных судов, которые бороздили Средиземное море по всем направлениям. Для итальянской торговли было делом жизненной важности открыть доступ своим товарам на восточные рынки. И на этой почве возникает соперничество итальянской торговли с греческой, византийской. Итальянцы открывают свои конторы и лавки во всех городах на островах и побережьях восточного Средиземноморья, завладевают целыми городами на островах, в Малой Азии и в Крыму.

Марципан являлся ценным товаром и изготовлялся в большом количестве, особенно на острове Кипре. Он упаковывался и вывозился в особых деревянных, лакированных или расписных коробках, от которых и получил свое название. Точно так излюбленный в старину голландский табак «кнастер» назывался так потому, что доставлялся из американских колоний Испании в особых корзинках: по-испански **канаста** (canasta) означает **корзинка**.

Но почему такой марципановый ларец назывался марцапаном? Потому что этот ларец по объему своему равнялся одной десятой части основной меры объема, принятой по всему Средиземноморью. Между тем в то время было в обычае взимать пошлыны и подати в размере одной десятой товара или урожая. Таким же образом русская десятина, мера земли, равная 2400 кв. саженьям, получила свое название от подати, которую обязаны были платить крестьяне в размере одной десятой урожая и которая тоже носила название **десятина**.

Почему же такая «десятина» называлась **марцапаном**? Чтобы ответить на этот вопрос, надо перевернуть назад еще одну страницу истории. Торговому господству итальянских городов на Востоке предшествовало преобладание византийской торговли. Византийская империя, наследница Римской империи и античной культуры, охватывавшей некогда все побережья Средиземного моря, от Испании и Северной Африки до Египта, Малой Азии и Южной России, была издавна старинным соседом и соперником арабских государств. Ее монета принималась охотно повсюду, как теперь американский доллар. А это было очень важно для правильных торговых сношений, потому что в то время международного права почти не существовало и люди очень недоверчиво относились к деньгам, в настоящей стоимости которых они плохо разбирались. Естественно, что Венеция в конце XII века, чеканя свою монету, предпочла воспользоваться хорошо известным, заслужившим доверие и признание типом византийской монеты, имевшей хождение по всему Востоку. Эта монета составляла одну десятую часть лиры, основной денежной единицы итальянских городов, и потому название ее **марцапан** легко могло получить значение **десятина**. Но на этом еще не кончается странная история этого слова, остается еще объяснить, почему эта монета была так названа.

Византийская монета, которую переняла Венеция (и другие итальянские государства, такие как Кипр), имела на лицевой стороне изображение Христа, сидящего на троне и держащего в руке свиток евангелия. Поэтому арабы и называли ее **мацапан**, что значит буквально **восседающий** или, чаще, **отсиживающийся** – в ироническом применении к царю, который сам не выступает во главе своих войск, а посылает против неприятеля генералов. Отсюда это слово перешло к итальянцам, которые нередко вставляли звук **р** перед **с** и **ц**. Так из арабского **мацапан** они сделали **марцапан**. Таким образом арабское (насмешливое) название византийской монеты перешло на итальянскую монету, далее получило значение пошлыны или подати в размере десятины, отсюда – смысл одной десятой части меры

объема. Затем это название перешло на ларец или коробку такого объема и наконец на миндальное тесто, которое в таких коробках вывозилось.

Рикошет

Рикошет означает у нас отскок предмета, ударившегося о препятствие. Чаще всего употребляется в форме наречия: «пуля задела его рикошетом», «мяч попал в него рикошетом» и т. п. По-французски **ricochet** применяется чаще всего к предметам, отскакивающим от горизонтальной плоскости, но сохраняющим параллельное ей движение. Так говорится о камешке, брошенном под небольшим углом к поверхности воды или земли и движущемся прыжками. Если бросок сделан умело, камешек может проскакать таким образом довольно большое расстояние. Такое движение очень эффектно по воде, когда камешек едва разрезает поверхность, вспыхивающую блестками в местах прикосновения камня.

Происхождение этого слова неясно, но во всяком случае современное употребление его является переносным, своего рода метафорой. В старину существовала французская поговорка: «Это сказка (или басня) о рикошете» в смысле нашей «это сказка про белого бычка», то есть это – «старая песня», всем известное и надоевшее повторение. Что это за сказка – неизвестно, потому что все дело состоит в том, чтобы как раз сказки и не рассказывать.

–Хочешь, я расскажу тебе сказку про белого бычка?

–Хочу.

–Ты говоришь: хочу, и я говорю: хочу. Рассказать тебе сказку про черного бычка?

–Нет, про белого!

–Ты говоришь: нет, про белого, и я говорю: нет, про белого. Рассказать тебе сказку про бурого бычка?

И так далее.

Подобное же выражение имеется и в итальянском языке. Может быть, эта детская игра занесена к нам французскими гувернантками, которых особенно много появилось в России с начала XIX века. Но у нас действует «бычок», во Франции «рикошет», в Италии «птички». **Рикошет** – тоже слово уменьшительное, и в некоторых французских наречиях оно действительно означает птицу, повторяющую все ту же коротенькую мелодию. Русская поговорка «заладила сорока Якова одно про всякого» имеет, может быть, подобное же происхождение. В других вариантах французы в своей поговорке заменяют **рикошет** на **красный петушок**, словами, которые по-французски довольно близки по произношению к **рикошету** и введены, по-видимому, в тех местах, где это слово было непонятно.

Азарт

Мы говорим **войти в азарт, с азартом** и понимаем под словом **азарт**

состояние возбуждения, горячности, задора, когда человек теряет разумное отношение к делу и рвется продолжать занятие, которым он увлекся, во что бы то ни стало – по пословице «хоть морда в крови, а наша взяла!» В этом же смысле мы употребляем прилагательное **азартный**: о человеке, легко поддающемся такому состоянию. Но такой смысл вложился в это слово только в русском языке, и самое слово **азарт** образовано от прилагательного **азартный**, а не наоборот.

Как это случилось? Во французском языке имеется слово, которое могло бы перейти в русский в форме **азарт**, но это французское **hasard** означает только **случай, случайность**, и оно не могло дать у нас нашего значения. Французское **азарт** пришло к нам (в середине XVIII века) не само по себе, а в выражении **игра на риск**, означавшем именно азартную игру в противоположность более сложным «коммерческим» играм, требующим умения и расчета, таким, как вист, преферанс, винт. А как раз в обстановке этих азартных игр, к которым относятся банк, макао, экарте, штосс, больше всего и создавалась атмосфера азарта, при которой, как известно, люди нередко проигрывали все свое состояние и навсегда становились запойными игроками.

Впрочем, уже при Петре I знали у нас слово **газард**, пришедшее к нам через голландское посредство, со значением **риск**. В рукописном словаре иностранных слов, отредактированном самим Петром, сохранилось его собственное определение: «Газард – страхом чинимое дело». В морском уставе того времени предписывается «чинить дело с рассмотрением, не вдавая себя в газард» – то есть не подвергая себя риску. «Надобно капитану, – говорится в другом месте, – быть вельми (то есть весьма) осторожну, чтоб беречь стеньги и не газард давать (то есть не рисковать) на великие ветры и погоды».

В значении **риск** это слово было заимствовано французами от испанцев, у которых это значение развилось из значения **бросок игровой кости** и притом чаще всего **неудачный бросок**. До распространения карт их роль исполняли кости, игра которыми была еще проще карточных азартных игр и тем скорее могла разорить или обогатить человека. Игроки бросали поочередно по два кубика, на шести сторонах которых были вырезаны в последовательном порядке очки, от одного до шести, так что наихудший бросок костей давал 2 очка, наилучший – 12.

Игра в кости была известна еще в древности. Но свое слово **azar** для обозначения (неудачного) броска костей испанцы заимствовали от арабов, причем переняли его вместе с определительной частицей **аль**, которая имеется, например, в имени **Гарун-аль-Рашид**, что означает **Гарун Храбрый**. Остаток этой частицы сохранился в начальном **а** нашего слова **азарт**. Вместе с тем, в Испании арабское **az-zar** получило в добавление свой конечный звук (это **т** в нашем **азарт**), которого не было в арабском слове. Это основное арабское **az-zar**, предок нашего **азарта**, означает **игральная кость**.

Любопытно, что гораздо раньше, чем из Западной Европы, это же

арабское слово пришло в Россию более прямым путем, через греческое посредство, причем этим путем оно пришло к нам в почти чистой арабской форме, но приняло у нас форму **зернь**, очевидно, под звуковым влиянием **зерна**, значение же сохранило первоначальное: **игра в кости, игральные кости**.

Но к тому времени, когда появились «азартные» игры, двойник их и предшественник **зернь** совершенно устарел и вышел из употребления, так что эти двойники уже не встретились. Впрочем, если бы они даже встретились, то их значение и звуковая форма настолько далеко разошлись, что они все равно остались бы чужими друг другу, и их родство никому не пришло бы в голову.

Происхождение «бандита»

Мы называем теперь бандитом грабителя, готового на насилие и убийство, в старину такого человека называли разбойником. При этом мы, естественно, связываем **бандит** со словом **банда**, которое означает шайку: банда – это шайка разбойников, дело ясное! Но это не верно. **Бандит** и **банда** – слова совершенно различные. Впрочем, они встретились и связались друг с другом еще до своего появления в русском языке, а именно в Италии, откуда оба слова пришли к нам через Францию и Германию.

Италия – классическая страна бандитов. К XVII веку в ней сложились все необходимые для этого условия: экономический упадок, культурная отсталость, общественная неорганизованность, подрывавшие в особенности крестьянство. Выпавшие из сельского уклада люди составляли разбойничьи шайки, становились «бандитами».

Но слово **бандит** получило преступный характер вместе со звуком **д**, первоначально ему не принадлежавшим, именно под влиянием слова **банда**, хотя это (германское по происхождению) слово первоначально тоже не означало ничего дурного: основной смысл **банды** был **отряд**, первоначально **знамя** – то, что объединяет людей в отряд. Производным от того же корня являются испанское **бандерилья** – стрела с красным флажком или лентами, втыкаемая во время боя быков в выпущенного на арену быка, чтобы разъярить его, а также французское **бандероль** – полоска бумаги, наклеиваемая на подлежащий акцизу товар для обозначения, что налог уплачен, а также бумажный пояс, одеваемый на почтовое отправление, посылаемое открытым способом.

Но отрядом, то есть бандой, называла себя, конечно, каждая уважающая себя шайка разбойников, а итальянские разбойники были народ гордый и себя уважающий. Понятно, что и окрестные жители, поддерживавшие с ними обычно вполне дружеские отношения, тоже не имели в виду их обижать; напротив, в их глазах это были храбрецы, которыми следовало гордиться.

Любопытную параллель к этому представляет слово **бригада**, означающее **отряд**, тогда как непосредственные родственники этого слова в

итальянском и французском языках означают **разбойник***. (*Сравните французское **brigand** (разбойник). (Прим. ред.))

Итальянские разбойники, присвоив себе название банды, тем самым уронили это слово во мнении почтенного обывателя, так что оно уже перестало употребляться в значении **отряд**. Вместе с тем это словоупотребление создало и слово **бандит**, итальянское **бандито** (bandito), потому что раньше **бандито** значило **изгнанный****: так говорили о человеке, который подлежал суду, наказанию, которого провозгласили вне закона. (**От итальянского глагола **bandire** (изгонять, ссылатъ). В современном итальянском языке есть еще один глагол **bandire** со значением **обнародовать, оглашать, объявлять**. (Прим. ред.)) Легко видеть, что оба слова означали одного и того же человека, но с очень различных, даже прямо противоположных точек зрения: одно означает преступника в глазах властей и поддерживающего их общества, другим называют его товарищи той единственной общественной или, вернее, внеобщественной группы, к которой он отныне и безвозвратно принадлежит.

Бандито означало также **объявленный**. Отсюда появилось французское **баналь** (banal), откуда наше **банальный**, так говорят о чем-либо обыкновенном, избитом, затасканном. А французское слово также означало первоначально **объявленный** и восходит к **ban** (провозглашение, постановление).

Связь этих значений объясняется старинными обычаями. В средние века газет не было, не вывешивалось и никаких объявлений и распоряжений. Да это было бы и ни к чему, потому что грамотных в то время во всей округе было может быть всего двое: секретарь судьи да священник. Как же было оповещать население, когда это было необходимо? Для этого существовало два способа. Можно было поручить священнику сделать это в церкви с амвона после службы, или по окрестным деревням посылалось специальное должностное лицо, глашатай, который выезжал на площадь или на рынок, сзывал поселян звуками рожка или барабана и делал во всеуслышание свое объявление. Это могло быть и извещение, делаемое по просьбе и за плату частного лица, о пропавшей борзой или украденной лошади; это могло быть и новое распоряжение об исполнении барщины или наборе рекрутов; это могло быть объявление судьи или начальника округа о том, что такой-то за то-то и то-то приговорен к такому-то наказанию, от которого скрылся, или о том, что такой-то, обязанный внести недоимки и штрафы или по другой причине, бежал, и при этом сообщались его приметы, вменялось всем в обязанность его обнаружить и выдать, определялись кары за пособничество и утайку и т. д.

Такой «объявленный» человек и был «банальным». И в большинстве случаев ему действительно ничего не оставалось, как вступить в ватагу «вольных людей», в банду разбойников, и стать бандитом.

Дебош

Это слово означает у нас скандал, производимый в пьяном виде. Во французском языке **debauche** означает **разгул, разврат**. Но этот смысл оно

получило в нездоровой обстановке города, в которой неравенство состояний порождает соблазны и недовольство. Корни же данного слова выросли на другой почве. Глагол, от которого произведено **дебаш**, значил собственно гулять в противоположность работе, то есть праздновать, проводить время в свое удовольствие, забросив работу. Здесь присутствует отрицательная окраска, осуждение со стороны трудолюбивого ремесленника или крестьянина. Действительно, начальное **де** в **debauche** имеет отрицательный смысл, как, например, в словах **демобилизация**, **денационализация**, вроде русского **раз** в **разубеждать**, **разуверить** и т. п.

Старинный французский глагол без этой приставки **де** означал **обрабатывать землю**, то есть производить основную, жизненную работу крестьянина. Таким образом, история слова показывает его классовое происхождение. Но анализ этого слова можно повести еще дальше.

Параллельные формы языков, родственных французскому, показывают, что первоначальное значение этого основного глагола было **поднимать новину, впервые возделывать пустошь**, и этимология позволяет даже обнаружить, каким образом к этой обработке приступали. В основе этого глагола лежит слово, означающее лес, так что буквально (а следовательно и первоначально) этот глагол должен был означать **разделявать** (вырубать, выжигать, выкорчевывать лес под пашню). При этом имеется в виду, разумеется, не первоначальное сведение леса для распахки, а та система земледелия, которая применялась во многих лесистых местах Европы, включая и Россию, именно так называемая «подзольная». Она состояла в том, что данный участок леса вырубается, выжигается и распахивается, причем зола служит удобрением, и с этого участка снимается урожай несколько лет подряд, пока не обнаружится с очевидностью истощение почвы. Тогда участок запускается опять под лес, а вырубается и разделяется новый участок. Этот способ хозяйства возможен только в лесистых местностях с очень разбросанным населением. Во Франции он мог применяться лишь очень давно, на самой заре ее культуры. И действительно, корень этого земледельческого слова не германский (следовательно не франки, завоевавшие Францию в начале Средних веков, ввели этот способ) и не латинский (следовательно не римляне научили ему туземцев), а галльский, то есть восходит, по меньшей мере, к середине первого тысячелетия до нашей эры*. (*Возможно, автор имеет основания для смелых рассуждений о языке такой давности, из которой не дошло галльских письменных памятников, но заметим, что французские источники считают корень в слове **debauche** неясного происхождения. (Прим. ред.)) Следовательно, это слово хранит в себе еще следы доисторического, как бы «ископаемого», первичного смысла, который может быть обнаружен только своего рода языковедными раскопками.